Соколов Аркадий Васильевич (1934 г. р.) — крупнейший отечественный ученый, пионер информатики. Он член-корреспондент Российской академии естественных наук, действительный член Международной академии информатизации, доктор педагогических наук, профессор, заслуженный работник культуры России. Научные исследования Соколова А. В. направлены на совершенствование сложившейся практики. Он — главный конструктор автоматизированной системы "Союзкультура" в Российской государственной библиотеке, первый президент Санкт-Петербургского библиотечного общества. Список научных публикаций А. В. Соколова превышает 260 наименований. Его работы изданы на английском, немецком, испанском, китайском, чешском, польском языках.

С начала 90-х годов А. В. Соколов разрабатывает общепрофессиональный курс социальных коммуникаций. По его инициативе этот курс включен в учебные планы ряда вузов страны.

Предлагаемое читателю учебное пособие "Введение в теорию социальных коммуникаций" не имеет аналогов. Оно новаторское и по форме, и по содержанию. В нем впервые систематично и доходчиво излагаются основные положения и понятия теории социальных коммуникаций.

Учебное пособие предназначено для социально-культурных работников, библиотекарей, журналистов, социологов, информационных работников, преподавателей, аспирантов, студентов гуманитарных вузов.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ
ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ПРОФСОЮЗОВ

А. В. СОКОЛОВ

ВВЕДЕНИЕ В ТЕОРИЮ СОЦИАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

*Рекомендовано Государственным комитетом Российской Федерации
по высшему образованию в качестве учебного пособия
для студентов высших учебных заведений,
обучающихся по специальности Культурологии"*

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
1996

ББК 88.5
С 59

Рецензенты: доктор философских наук, профессор С.Н. Иконникова,
доктор педагогических наук, профессор В.П. Леонов

Соколов А.В.
С 59 Введение и теорию социальной коммуникации:
Учебное пособие. СПб.: СПбГУП, 1996 320 с.
ISBN 5 –7621-0020-0

В книге видного российского ученого, член-корреспондента Российской академии естественных наук, действительного члена Международной академии информатизации, профессора СПбГУП изложены основы теории социальной коммуникации. Впервые и отечественной литературе разносторонне освещены социальная коммуникация, коммуникационная деятельность, социально-коммуникационная система. В анализе социальной коммуникации использован теоретический инструментарий философии, социологии, психологии, информатики, культурологии. Для студентов и аспирантов гуманитарных вузов.

ББК 88.5

SBN 5-7621-0020-0

© Соколов А.В., 1996
© Оформление, СПбГУП, 1996

ВВЕДЕНИЕ

Теория социальной коммуникации одна из репрессированных советской идеологией научных дисциплин. В "Философском словаре", изданном Политиздатом в 1986 г., говорится: "Коммуникация категория идеалистической философии, обозначающая общение, при помощи которого "Я" обнаруживает себя в другом... Доктрина коммуникации в целом утонченная форма кастовых и корпоративных связей. Объективно учение о коммуникации противополагается марксистскому пониманию коллектива"[1] . Отказ от научного изучения коммуникационных процессов нанес большой ущерб прикладным дисциплинам, изучающим социально-коммуникационную практику, в том числе педагогике, библиотековедению, журналистике, учению о культурно-просветительной работе. Эти дисциплины сосредоточились на поверхностном описании и систематизации наблюдаемых фактов и выработке идеологически выдержанных рекомендаций, лишившись теоретической глубины.

Между тем, в американских и западноевропейских университетах много лет читаются курсы по коммуникации, существуют специализации и присваиваются ученые степени "коммуникационных наук". Издается более двух десятков научных и технических журналов, посвященных коммуникации, а мировой поток научной, учебной, производственной литературы трудно обозрим. Добытые знания обобщаются в справочной литературе: в 1989 году в Нью-Йорке был переиздан "Стандартный словарь по коммуникации", насчитывающий более 1200 страниц[2]; в том же году потаилась четырехтомная Международная энциклопедия по коммуникации, подытоживающая разнообразные и обширные знания, накопленные за рубежом[3].

Главный редактор этой энциклопедии Э. Барнув, констатируя "коммуникационную революцию, происходящую в индустриальных странах", пишет: "становится очевидным центральное положение коммуникации в человеческой истории, что и объясняет, почему такие различные дисциплины как антропология, искусство, образование, история, журналистика, право, лингвистика, философия, политические науки, психология и социология стремятся к объяснению процесса коммуникации, сотрудничают в создании новой дисциплины", которая именуется *теорией коммуникации.* Задача этой дисциплины по Э. Барнуву состоит в том, чтобы выявить "все пути, по которым информация, идеи и установки распространяются среди индивидов, групп, наций и поколений".

К сожалению, в пашей стране до сих пор коммуникационная проблематика сводилась к массовой коммуникации или различным

---

[1]Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова.— М., 1986. С. 207 —208.

[2] Weik M. N. Communication Standard Dictionary: 2nd ed. — N.Y., 1989.

[3] International Encyclopedia of Communication. 4 vol. - N.Y., 1989.

информационным системам и никогда не охватывалась в целом. В настоящем курсе впервые предпринята попытка представить проблемы социальной коммуникации во всей полноте и разнообразии. Охарактеризуем кратко это разнообразие.

Исходное определение: *социальная коммуникация* есть движение знаний, эмоциональных переживаний, волевых воздействий в социальном времени и пространстве. Обратите внимание: более, казалось бы, емкое выражение "социальная коммуникация — движение социальной информации" не используется в качестве исходного из-за расплывчатости понятия "информация", которое нуждается в критическом осмыслении (см. раздел 3). Примерами социально-коммуникационных актов могут служить дружеская беседа и научный диспут, лекция и чтение книги или газеты, телефонный разговор, телепередача, компьютерный поиск информации. Молитва, обращенная к Богу, — это односторонняя коммуникация, которую желательно сделать двусторонней. Каждый человек значительную часть своей жизни посвящает общению с другими людьми, усвоению культурного наследия, самовыражению в речи или письме, короче говоря, — коммуникационной деятельности.

Социально-коммуникационные процессы являются условием и предпосылкой существования всякого человеческого общества. Поэтому в ходе цивилизационного развития человечества образовались специальные социально-коммуникационные учреждения, призванные удовлетворять коммуникационные потребности общества в целом, социальных групп и отдельных личностей. Учреждения такого рода — школы, библиотеки, музеи, книгоиздательства, пресса, телевидение, службы научно-технической и экономической информации, туристические агентства, театры, кино, клубы и т. д. В этих учреждениях работают профессионалы социально-коммуникационной деятельности, специалисты в области социальной коммуникации.

Конечно, содержание деятельности каждого социально-коммуникационного учреждения специфично, поэтому различны квалификационные требования (совокупность знаний, умений, навыков), предъявляемые, например, к учителю или актеру, библиотекарю или журналисту, музейному экскурсоводу или корреспонденту телеграфного агентства. Но есть общая основа их профессионализма, заключающаяся в овладении коммуникационными знаниями, умениями и навыками. Полому курс "Социальные коммуникации" имеет статус *обще профессионального* курса к системе подготовки социально-коммуникационных работников. В качестве такового он может (и должен!) преподаваться на библиотечных, педагогических, культурологических, журналистских, редакционно-издательских, искусствоведческих факультетах при условии некоторого профилирования.

Главная особенность общепрофессионального курса заключается в том, что он является *обобщающим* (интегрирующим), а не описательно-рецептурным. Обобщение требует абстрагирования от частностей. Поэтому обобщающий курс неизбежно становится *теоретическим* и может

именоваться "теорией социальной коммуникации".

В научном познании (гносеологии) принято различать объект и предмет данной науки (теории, учения). *Объект* это часть объективно (независимо от исследователя) существующей реальности, которую исследователь выбирает для изучения. В настоящем случае таким объектом служит социальная коммуникация, исходное определение которой приведено выше. Познание всякого объекта неисчерпаемо, потому что к нем можно найти бесконечное количество аспектов (свойств, отношений), предоставляющих научный интерес. В связи с этим конкретные (не обобщающие!) научные дисциплины рассматривают объект не в целом, а в определенном, близком им аспекте. Объект, взятый и определенном аспекте, образует *предмет* науки. Следует обратить внимание на то, что объект существует реально, а предмет это идеальный образ объекта, построенный учеными. Например, такой многогранный объект, как "человек", служит предметом изучения психологии, антропологии, медицины, социологии, но каждая из этих наук лишь частично отвечает на вопрос "что есть человек?"

Социальная коммуникация, бесспорно, имеет мною аспектов, позволяющих образовать целое *предметное пространство,* которое, ради наглядности, представим в виде *предметного куба,* имеющего шесть граней (см. рис. 0.1). Согласно рисунку, социальная коммуникация может и, действительно, является предметом изучения по крайней мере пяти фундаментальных наук: философии, социологии, психологии, культурологии, лингвистики, плюс прикладные технические науки. Конкретизируем содержание социально-коммуникационной проблематики.

1. Философская грань предметного куба Социальная коммуникация, как уже было сказано, представляет собой движение знаний, эмоциональных переживаний, волевых воздействий в социальном времени и пространстве. Знания, чувства, волевые побуждения есть *смыслы,* поэтому социальная коммуникация есть коммуникация *смысловая,* содержанием которой является движение идеальных, умопостигаемых смыслов, а не перемещение материальных объектов как в случае транспортной или энергетической коммуникации. Постижение сущности социальной коммуникации требует обращения к философским категориям "идеальное", "материальное", "сознание", "смысл", "знак".

Две классические философские дисциплины, помимо современных философских теорий и концепций, непосредственно занимаются социально-коммуникационными процессами: логика и герменевтика. *Логика* изучает формы мышления и пути постижения истины, в ее предмет входит построение доказательств и опровержений, обнаружение лжи и заблуждений, ведение диалога и спора. *Герменевтика* учение о понимании (толковании) текстов, о постижении глубинных смыслов записей, например, поэм Гомера, Священного Писания и т.п. Ясно, что социально-коммуникационные сообщения должны быть логичны и понятны, поэтому логика и герменевтика вписываются в проблематику социальной коммуникации.

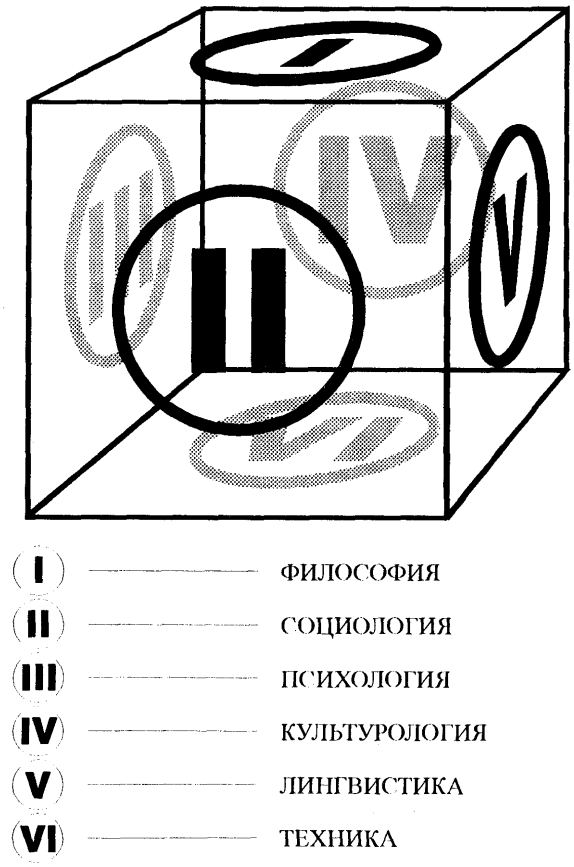

Рис. 0.1 Предметный куб социальной коммуникации

II. Социологическая грань достаточно очевидна, ибо социальная коммуникация осуществляется социальными субъектами (личностями, социальными группами, массовыми аудиториями) в социальном пространстве и времени. Строго говоря, теория социальной коммуникации должна быть одной из социологических дисциплин, но этого не произошло. Изучая структуру общества, его социальные институты, динамику социальной жизни, социологи лишь попутно обращались к социально-коммуникационным процессам, не занимаясь углубленным их исследованием. Исключениями являются учение о взаимодействиях между людьми П. А. Сорокина[4], символический интеракционизм (дословно "взаимодействие посредством символов", т. е. смыслов) — направление, развиваемое в социологии США с 20-х годов нашего века, теория коммуникативной деятельности, развиваемая немецким социальным философом Ю. Хабермасом. Тем не менее в проблемном кубе социальной коммуникации социологическим разработкам должно принадлежать видное место.

[4] П. А. Сорокин писал: "Взаимодействие людей по своей природе есть прежде всего взаимодействие психическое, — обмен чувствами, идеями, волевыми импульсами" (Сорокин П. А. Система социологии. Социальная аналитика. — Пг., 1920. — Т. 1.— С. 16.). Ясно, что II. А. Сорокин имеет в виду обмен смыслами, т.е. социальную коммуникацию.

III. Психологическая грань отчетливо проявляется в двух случаях: в межличностной коммуникации (общении), когда происходит диалог между равными партнерами, и в управлении (манипулировании) массовыми аудиториями. "Общение" признается одной из базовых категорий отечественной *общей психологии,* наряду с такими категориями. Проблематика общения глубоко разработана и трудах I). Г. Ананьева, Л. А. Бодалева, А. II. Леонтьева, I). Ф. Ломова, 13. П. Мясищева. Управление массовыми аудиториями и процессе пропаганды, агитации, рекламы давно изучается *социальной психологией,* достигшей несомненных успехов. Стало быть, имеются неплохие возможности для раскрытия психологических аспектов коммуникационной деятельности. Следует обратить внимание, что психологическая проблематика непосредственно выводит на *физиологическую* проблематику (асимметрия полушарий головного мозга, "реченые зоны" и мозгу и г. д.). Нет нужды выделять специально физиологические проблемы, так как они легко объединяются с проблемами психологическими.

IV. Культурологическая грань. Культурология не относится к числу наук с четко очерченным предметом исследования, ибо базовая для нее категория "культура" понимается учеными по разному. Теоретическая трактовка культуры связана с понятиями "духовная культура", "духовная жизнь", "культурное наследие", которые имеют прямое отношение к социальной коммуникации, точнее к теоретической ее интерпретации. Практическое понимание культуры приходит к таким социально-культурным явлениям, как письменность, литература, искусство, религия, паука, а также к культурным социальным институтам школам, библиотекам, музеям и т. д. Перечисленные социально-культурные явления и институты (учреждения, службы) выполняют коммуникационные функции, и для некоторых из них именно эти функции являются определяющими и главными. Можно сказать, что социально-коммуникационная деятельность и социально-культурная деятельность образуют единство, они не просто взаимосвязаны, а взаимообусловлены и неотделимы друг от друга. Отсюда вытекают *научно-интеграционные связи* между теорией социальной коммуникации и такими науками, как литературоведение, искусствознание, науковедение, педагогика, библиотековедение, библиографоведение, журналистика, клубоведение, научная информатика и многие другие. Именно в этом случае может особенно плодотворно проявиться потенциал обобщающей теории социальной коммуникации.

Культурология исторически связана е *этнографией* (этнологией), изучающей происхождение и жизненный цикл этносов (племен, народностей, наций), их этнические особенности, в том числе знаковые системы, язык, символику, традиции, т.е. социально-коммуникационные явления, выработанные данным этносом. Разумеется, коммуникационный багаж этнологии представляет интерес для теории социальной коммуникации.

V. Лингвистическая грань социально-коммуникационной проблематики достаточно очевидна. Речевая способность, т.е. способность пользоваться выработанным обществом языком, является необходимой предпосылкой

всякой коммуникационной деятельности. Современная лингвистика не отдельная наука, а цикл научных дисциплин, куда входят фонетика, лексикология, грамматика, семантика, структурная лингвистика, стилистика, культура речи, сравнительное языкознание и другие учения. Цикл лингвистических дисциплин включается в состав социально-коммуникационных наук, но им не исчерпывается та грань социальной коммуникации, которую мы назвали "лингвистической".

Наряду со словесными (вербальными) средствами в межличностной коммуникации непременно используются жесты, позы, мимика, интонации и другие невербальные средства. Строго говоря, невербальное общение не должно входить в компетенцию лингвистики, но практически многие лингвисты, особенно психолингвисты и социолингвисты, изучают язык жестов, дополняющий вербальное общение.

Обобщающей теорией знаков является *семиотика,* которая может быть названа "научным партнером" теории социальной коммуникации. Семиотический подход к социальной коммуникации, когда предметом рассмотрения становятся языки и отдельные символы, выражающие смыслы, раскрывает особое "измерение" в ее изучении, Правда, это "измерение" шире, чем сугубо лингвистический взгляд, — оно охватывает культурологические, в частности, литературоведческие, и этнографические знаковые проблемы.

VI. Техническая грань со времен изобретения книгопечатания (XV в.) приобретает все более важное значение в социальной коммуникации. Промышленная революция XIX века вызвала к жизни прессу, ставшую "четвертой властью" в демократических странах Запада, телеграф, телефон, радио. Плодами научно-технической революции XX века стали телевидение и компьютер, воздействие которых на социальную коммуникацию является одним из центральных вопросов коммуникационных теорий.

Итак, мы выделили и кратко охарактеризовали шесть проблемных областей, представляющих предметное поле социальной коммуникации. Но этого мало. Социальная коммуникация, подобно любому социальному процессу, допустим, процессу материального производства или государственного строительства, обусловлена *исторически.* Предметный куб социальной коммуникации для Древнего Египта, классической Греции, Киевской Руси или петровской России сохранит свою шестигранную форму, но содержание его будет далеко не одинаковым в каждом случае. При изучении всякого социального явления различаются два измерения:

- синхроническое измерение — представление данного явления или ряда одновременно случившихся явлений во всей их полноте, соответствующей данному моменту времени;

- диахроническое измерение — представление эволюции (истории развития) данного явления в течение достаточно длительного промежутка времени.

Осуществляя синхроническое описание и осмысление социальной коммуникации какого-либо исторического общества, мы делаем только первый шаг к диахроническому представлению социально-коммуникационных процессов, а, следовательно, к пониманию исторических

закономерностей, обусловивших эти процессы. Если представить синхроническое измерение в виде одного предметного куба, то диахроническое измерение — это последовательность такого рода кубов. Сколько требуется построить кубов социальных коммуникаций, чтобы обнаружить эволюционные закономерности? Для этого не нужно прослеживать коммуникационные процессы каждого этноса и каждого государства с момента их возникновения до наших дней. Достаточно ограничиться главными вехами в истории человечества. Такими вехами являются *цивилизации.* В теории социальной коммуникации вырисовывается проблема "Цивилизации и коммуникации", изучение которой позволит удовлетворить требования принципа историзма, действующего во всех общественных науках.

Обобщающий статус теории социальной коммуникации заключается в том, что она становится *ядром* целой *системы социально-коммуникационных наук. Эта* система нуждается в особом рассмотрении (см. раздел 8).

Теперь уточним *предмет* теории социальной коммуникации, т. е. те аспекты реально существующих социально-коммуникационных явлений, сущность которых вскрывается данной обобщающей теорией. Движение во времени каких-либо смыслов (знаний, эмоций, волевых импульсов) есть не что иное, как память. Если имеется к виду движение смыслов в социальном (историческом) времени, то речь идет о *социальной памяти.* Если же рассматривается движение смыслов в социальном пространстве, то говорится о *социально-коммуникационной деятельности.* Социальная намять и социально-коммуникационная деятельность неразрывно связаны друг с другом. В памяти нет ничего, что не было бы в содержании коммуникационных сообщений, а субъект коммуникационной деятельности должен обладать памятыо, в противном случае ему не о чем будет сообщать другим людям. Следовательно, предметами изучения теории социальной коммуникации являются:

- социальная намять;
- социально-коммуникационная деятельность;
- взаимосвязи между ними.

Наконец, остановимся на *методологических подходах,* которые могут быть использованы при изучении социальной коммуникации. Реализация методологического подхода состоит в том, что социальная намять и социально-коммуникационная деятельность рассматриваются через призму базовой категории данного подхода, и при этом высвечиваются определенные их свойства, другие же свойства затушевываются. Ясно, что для всестороннего познания изучаемого предмета желательно использовать несколько методологических подходов. В обществоведении получили распространение следующие подходы;

и н ф о р м а ц и о н н ы й , использующий для теоретического воспроизведения изучаемых предметов общенаучную категорию *информация;*

с е м и о т и ч е с к и й, рассматривающий социальные процессы через призму категории *знак:*

д е я т е л ь н о с т н ы й, где базовой является категория *деятельность;*

с и с т е м н ы й, или с т р у к т у р н о - ф у н к ц и о ц а л ь н ы й, где базовыми категориями служат *система, структура, функция.*

Принята следующая логика построения курса в целом: теоретическое введение, вводящее в оборот основные понятия и термины теории социальной коммуникации (раздел 1); эволюция социальной коммуникации от зоокоммуцикации австралопитеков до электронной коммуникации постиндустриального общества (раздел 2); раздел 3 посвящен межличностной коммуникации и базируется на психологических разработках; раздел 4 является социологическим и культурологическим но содержанию и но форме. Настоящее издание посвящено разделу 1.

Наконец, уточним способ изложения материала в нашем курсе. Люди понимают (интериоризируют) новые для них смыслы в зависимости от своих психотипологических особенностей. Существуют 4 полярных способа понимания:

0. З а п о м и н а н и е вместо понимания: некритическое воспроизводство запомнившихся текстов. Здесь преобладает сенсорное (чувственное) восприятие, а не рациональное мышление. Фактически имеет место *квази-пониманию.*

1. Х у д о ж н и ч е с к о е понимание, свойственное художникам, музыкантам, поэтам, где условие постижения смысла заключается в представлении его в виде фантастических образов, гармонического сочетания цвета, или графики, или звуков.

2. И и ж е н е р н о - т е х н и ч е с к о е понимание, стремящееся к схематизации смыслов, к выражению их в форме наглядных диаграмм, чертежей, таблиц, классификаций и т.п.

3. М а т е м а т и ч е с к о е понимание, где требуется описание смыслов с помощью умозрительных абстракций вероятность, многомерное пространство, мнимая величина, дифференциал, интеграл и пр.).

На рис. 0.2. способы понимания упорядочены в виде классификации. Обычный человек (не гений) не может владеть в равной мере несколькими способами понимания, так как возможности каждого психологического типа ограничены. Одни люди легко воспринимают музыку или поэзию и свободно оперируют ими, другим близки и понятны математические выражения и структурные формулы, повергающие в уныние гуманитарную интеллигенцию. При этом все люди пользуются в своей практике квазипониманием, основанном на доверии к автору сообщения и сводящимся к механическому репродуцированию услышанного, увиденного или прочитанного.

На какой способ понимания рассчитан наш курс? На инженерно-техническое понимание. Оно является наиболее распространенным в среде рационально мыслящей интеллигенции и не требует специфических математических или эстетических способностей для постижения смысла текста. Метод некритического запоминания не рекомендуется, поскольку в данном случае он превращается в слишком трудоемкое и неблагодарное занятие.

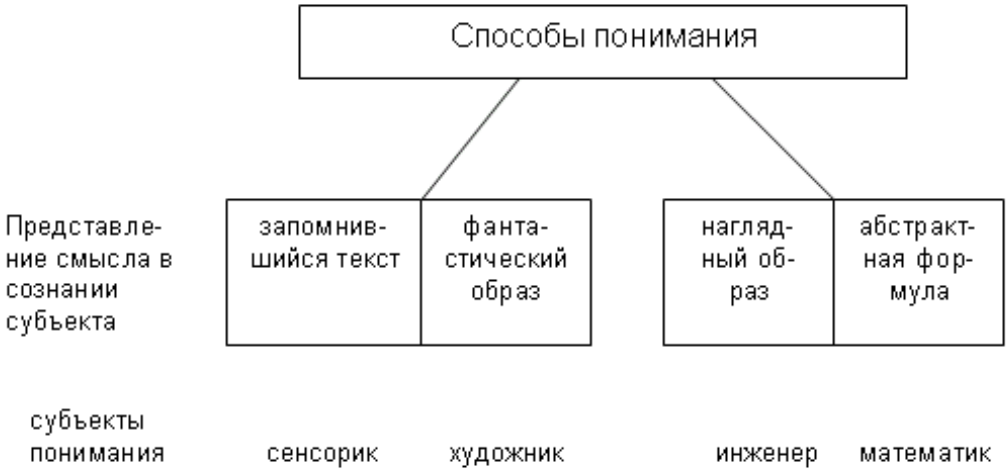

Рис. 0.2. Классификация способов понимания

1. КОММУНИКАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И КОММУНИКАЦИОННЫЕ ЯВЛЕНИЯ

1.1. Понятие о социальной коммуникации

Во введении без развернутой аргументации было предложено исходное определение социальной коммуникации. Теперь остановимся на двух немаловажных для ее понимания моментах: во-первых, родовом понятии "коммуникация" и типах коммуникации; во-вторых, на разновидностях социальной коммуникации.

Эволюцию понятия "коммуникация" в русском языке легко проследить по справочной литературе. В Толковом словаре живого великорусского языка В. И. Даля слово "коммуникация" писалось с одним "м" и толковалось как "пути, дороги, средства связи мест". Именно в этом смысле Н. В. Гоголь писал: "Невский проспект есть всеобщая коммуникация Петербурга". До революции иных значений за термином "коммуникация" не числилось (с начала XX века его стали писать с двумя буквами "м"). Советский энциклопедический словарь (М., 1979) указывает два значения:

1. пути сообщения транспорта, связи, сети подземного коммунального хозяйства;

2. общение, передача информации в процессе деятельности, включая сигнальные способы связи у животных. Исчерпывается ли сказанным понятие о коммуникации?

Начнем с элементарной схемы коммуникации, которая имеет то достоинство, что принимается всеми известными дефинициями и концепциями.

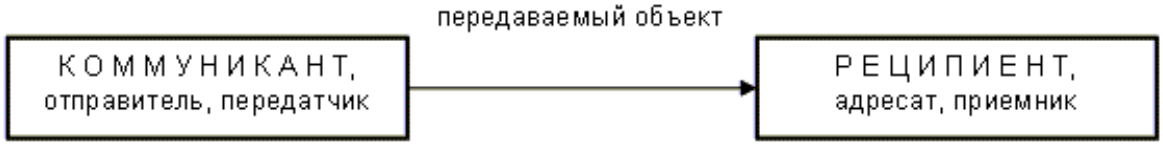

Рис. 1.1. Элементарная схема коммуникации

Коммуникация предполагает наличие по крайней мере трех участников: передающий субъект (коммуникант) - передаваемый объект - принимающий субъект (реципиент). Таким образом, коммуникация - это разновидность взаимодействия между субъектами, опосредованного некоторым объектом. Для отграничения коммуникации от других процессов обратим внимание на следующие ее отличительные признаки:

1. В качестве участников коммуникации выступают два субъекта, которыми могут быть: отдельный человек или группа людей, вплоть до общества в целом, а также животные (зоокоммуникация). В роли субъекта коммуникации можно мыслить Бога, к которому обращаются с молитвой. Из понятия коммуникации исключаются неодушевленные предметы: так, взаимодействие солнца с землей не есть коммуникационный процесс.

2. Обязательно наличие передаваемого объекта, который может иметь материальную форму (книга, речь, жест, милостыня, футбольный мяч и т.д.) или не иметь ее, например, гипноз. Коммуникант может неосознанно воздействовать на реципиента, внушая ему симпатию, антипатию, доверие,

любовь. Вырожденная форма коммуникации общение человека с самим собой (внутренняя речь, размышления и т.п.).

3. Коммуникации свойственна целесообразность, или функциональность, поэтому бред не коммуникационный акт. Целесообразность может проявляться в трех формах:

3.1. Перемещение материального объекта в геометрическом пространстве из пункта А в пункт В - в этом заключается цель транспортной или энергетической коммуникации;

3.2. Цель взаимодействующих субъектов заключается не в обмене материальными предметами, а в сообщении друг другу смыслов, обладающих идеальной природой. Носителями смыслов являются знаки, языки, символы, имеющие внешнюю, чувственно воспринимаемую форму, и внутреннее, постигаемое умозрительное содержание;

3.3. Элементарная схема коммуникации (рис. 1.1.) пригодна для генетической связи "родители - дети". Как известно, эта связь осуществляется посредством генетической информации (передаваемый объект), представляющей собой особым образом закодированную программу воспроизводства (биосинтеза, репликации) определенного организма. Специфика ситуации состоит в том, что дети, т.е. реципиент, отсутствуют до появления генетической информации и синтезируются на ее основе. Зигота, т.е. оплодотворенная клетка, знаменующая образование зародыша, еще может рассматриваться как объединение частей родительского тела в виде половых клеток - гамет, но ребенок является не частыо своих родителей, а их подобием. В данном случае цель коммуникации заключается в передаче этого подобия от поколения к поколению, допустим, передача "лошадопдобности" от лошади жеребенку.

Исходя из сказанного, можно дать следующее толкование: *Коммуникация* есть опосредованное и целесообразное взаимодействие двух субъектов, реализуемое в трех различных формах:

1) перемещение (транспортировка) материальных объектов, в том числе - энергии, болезнетворных вирусов, мигрирующего населения, транспортных средств, грузов и т.п.;

2) обмен осмысленными сообщениями;

3) генетическое наследование биологических образов. Соответственно вырисовываются *три типа коммуникации:* пространственная (транспортная); смысловая (семантическая); генетическая. Например, путешествия, торговля, почта, электро- и радиосвязь - явления пространственной коммуникации; рукопожатие, танец, жертвоприношение, политическая демонстрация, передача культурного наследия, диалог культур, перевод с языка на язык — проявления смысловой коммуникации; метисизация, смешение рас и этносов, генетическое наследование - относятся к генетической коммуникации. Конечно, нас интересует смысловая коммуникация, но она связана с другими типами коммуникации, и поэтому нельзя последние упускать из виду.

В зависимости от реципиента различаются *два рода смысловой коммуникации:* коммуникация внутренняя (точнее - внутриличностная), когда коммуникант и реципиент совпадают, и коммуникация внешняя, когда

адресатом является другой человек, группа людей или общество в целом (массовая аудитория). Внешнюю смысловую коммуникацию будем называть социальной коммуникацией[5]. На рис. 1.2 показаны взаимосвязи различных типов и видов коммуникации.

В связи с разработкой общей типологии коммуникации уместно привести слова крупнейшего этнографа и антрополога XX века К. Леви-Стросса, который писал:

"В любом обществе коммуникация осуществляется по крайней мере на трех уровнях: коммуникация женщин; коммуникация имущества и услуг; коммуникация сообщений... Исследования каждой из этих грех систем подчинены одному и тому же методу; они отличаются друг от друга только стратегическим уровнем, который соответствует им внутри некоего единого мира коммуникаций... Культура состоит... из правил, применимых во всякого рода коммуникационных играх, которые происходят как в природе, так и в культуре"[6]. Три коммуникационных уровня (системы), о которых говорит К. Леви-Стросс, представлены на рис 1.2. в качестве генетической, пространственной и смысловой коммуникации.

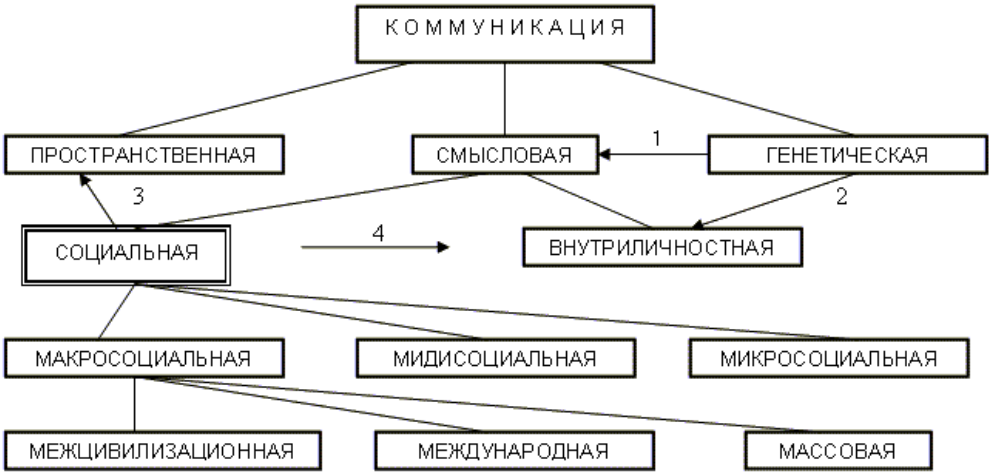
Обратим внимание также на взаимосвязь социальная — внутриличностная коммуникация (стрелка 4 на рис. 1.2.). Интеллектуальное развитие ребенка, как показали исследования психологов, начинается с эгоцентрической речи вслух, которая затем преобразуется в беззвучную внутреннюю речь. Но непременным условием появления эгоцентрической речи, как и дальнейшего преобразования ее во внутреннюю речь, является нахождение ребенка в еоциально-коммуникационной среде. Говорят, что внутри-личностная (внутренняя) коммуникация есть интериоризованная социальная коммуникация. Благодаря этой интериоризации взрослый человек становится полноправным участником естественного диалога, т.е. выступает в роли коммуниканта и реципиента внешних сообщений. При этом внутренняя речь выполняет две функции: во-первых, функцию "полуфабриката" внешних высказываний, смысл которых окончательно "совершается в слове" (Л. С. Выготский); во-вторых, функцию особого коммуникационного канала, обращенного к "самости" личности, ее "внутреннему голосу"[7]. Именно этот скрытый диалог с самим собой служит причиной душевных расстройств (фобии, депрессии, мании), которыми занимается психиатрия.

---

[5] Строго говоря, транспортную связь, электронную телекоммуникацию или миграцию населения правомерно также именовать видами социальной коммуникации, поскольку они не существуют вне общества. Но мы считаем отличительным признаком социальной коммуникации ее осмысленность, избегая малопродуктивных расширительных трактовок.

[6] Леви-Стросс К. Структурная антропология / Пер. с (рр.— М., 1983.— С'. 264-265

[7] Библер В.С. От наукоучения к логике культуры. М., 1991.

Условные обозначения:
1. Генетические предпосылки смысловых процессов: органы речи и мышления.
2. Генетически обусловленные (врожденные) способности и задатки личности.
3. Социальная обусловленность пространственной коммуникации.
4. Зависимость внутриличностной коммуникации от социальной коммуникации.

Рис. 1.2. Типы и виды коммуникации

Из сказанного следует, что отличительные особенности социальной коммуникации заключаются в том, что объектом взаимодействия между коммуникантом и реципиентом является осмысленное сообщение, а совершается это взаимодействие не в психическом пространстве (как в случае внутриличностной коммуникации), а в социальной среде, т.е. в социальном времени и пространстве. Сообщение, как правило, имеет чувственно воспринимаемую форму (звук, изображение), но может и не иметь ее гипноз, психическое заражение, парапсихология и т.п., поэтому воздержимся от указания, каким образом выражен смысл сообщения. Получаем: *Социальная коммуникация есть движение смыслов в социальном времени и пространстве.* Это наиболее общее *философское* определение социальной коммуникации, имеющее методологическое значение в дальнейших рассуждениях.

В зависимости от участников социальной коммуникации будем различать следующие виды:

микросоциальную (межличиостную) коммуникацию, где участники непосредственно контактируют друг с другом на психологическом уровне;

мидисоциальную (групповую) коммуникацию, где в роли коммуникантов и реципиентов выступают не индивидуальные личности, а социальные группы внутри данного общества (социума), например, коммуникация "учителя учащиеся";

микросоциальную коммуникацию, где в качестве коммуникационных субъектов действуют: или общество в целом, не расчлененное на группы *(массовая* коммуникация), или государственные образования *(международная* коммуникация), или исторически сложившиеся цивилизации *(межцивилизационная* коммуникация).

Ясно, что виды социальной коммуникации имеют разные цели и задачи,

использую! разные коммуникационные средства, различны но специфике и требуют особою рассмотрения. Вместе с тем во всех случаях их главным содержанием является обмен смыслами (духовными ценностями), что и позволяет рассматривать их как разновидности социальной коммуникации.

1.2. Коммуникационная деятельность

Всякое не мгновенное, а длительное изменение (движение) есть процесс. Всякая социальная коммуникация но определению представляет собой социально-коммуникационный процесс. Движущими силами, детерминирующими течение процесса и ею конечные результаты, могут быть:

а) стихийные естественные силы, чуждые сознательному целенолаганию;

б) целенаправленно действующий субъект (деятель), стремящийся использовать доступные ему средства для достижения собственных целей.

Коммуникационные средства и методы, созданные искусственно людьми или возникшие естественным путем, будем называть *коммуникационными явлениями.* Коммуникационные процессы, целенаправленно осуществляемые субъектами коммуникации, назовем *коммуникационной деятельностью.*

Элементарная схема коммуникации (рис. 1.1.) иллюстрирует коммуникационную деятельность, поскольку она акцентирует целесообразность взаимодействия коммуниканта и реципиента. Но было бы неправильно сводить социальную коммуникацию только к коммуникационной деятельности, игнорируя сопровождающие эту деятельность явления. Более того, оказывается, что коммуникационная деятельность *зависит* от коммуникационных явлений как своих необходимых предпосылок, методов и средств. Достаточно назвать такие коммуникационные явления как речевая способность и естественный язык, без которых немыслима социальная коммуникация. Поэтому в реальную, а не элементарную схему коммуникации должны быть включены коммуникационные явления. В разделе 1.3 мы рассмотрим эти явления, а теперь обратимся к *формам коммуникационной деятельности.*

Формы коммуникационной деятельности определяются в зависимости от целевых установок, свойственных партнерам по коммуникации. Возможны три варианта:

1. Участники коммуникационной деятельности относятся друг к другу как к равноправным, самоценным субъектам, не пытаясь управлять (манипулировать) друг другом. Имеет место *субъект-субъектное* отношение в виде диалога равноценных личностей. Коммуникационная деятельность носит творческий характер в том смысле, что достигается общность партнеров, возникает новое психическое образование, обозначаемое словом "мы". Такая форма коммуникации есть *общение.*

Обычно диалог представляется как последовательность активных высказываний говорящего (коммуниканта) и соответственно пассивного восприятия слушающего (реципиента). Ложность этой схемы в том, как

отмечал М. М. Бахтин, что реципиент всегда занимает но отношению к слышимой речи *активную* позицию: он соглашается или не соглашается, готовит ответ, дополняет ее, анализирует мотивы и т. д. "Всякое понимание живой речи, живого высказывания носит активно ответный характер..., всякое понимание чревато ответом и в той или иной форме обязательно его порождает: слушающий становится говорящим"[8].

Ответ не обязательно должен последовать немедленно; услышанное и активно понятое сообщение может проявиться в поведении реципиента спустя много времени. Жанры сложного культурного общения — письменная речь, театр, лекция как раз рассчитаны на ответ замедленною действия.

Реальный единицей речевого общения является не слово, не предложение, не абзац, выделенные в соответствии с лингвистическими критериями членения текста, а высказывание. Высказывание это завершенная *единица смысла,* дающая возможность ответить на него. Высказывания варьируются от коротких реплик бытового диалога и военных команд до научных докладов и многотомных романов. Границы высказывания определяются сменой говорящих.

Особым случаем специально организованного общения является *обслуживание.* Реципиент выступает в роли клиента (автора запроса, требования), а коммуникант в роли обслуживающего персонала, пытающегося удовлетворить запросы клиента. Например, общение "библиотекарь - читатель", "продавец - покупатель" и т.п. *Коммуникационное обслуживание* особый вид обслуживания, имеющий целью удовлетворение коммуникационных но-гребное той людей.

2. Коммуникант рассматривает реципиента как объект коммуникационного воздействия, как средство достижения своих целей. В этом случае возникают *субъект-объектные* отношения, которые свойственны коммуникационной деятельности в форме *управления.* Управлять людьми можно путем *приказа* (коммуникант имеет властные полномочия, признаваемые реципиентом), *обучения* (педагогические средства и методы, воздействующие на духовное развитие ученика), *внушения* (суггестия), когда используется принудительная сила слова. Именно на внушении строится практика манипулирования сознанием покупателей, избирателей, массовых аудиторий, которыми пользуются средства массовой коммуникации, политические партии, реклама, пропаганда.

Израильский философ Мартин Бубер (1878 - 1965), распространяя различие между общением (субъект-субъектное отношение) и управлением (субъект-объектное отношение) на жизнедеятельность в целом, постулирует два типа отношения человека к окружающей действительности: .

а) отношение "Я - Ты", предполагающее "перетекание из "Я" в "Ты", подлинное понимание и взаимность общающихся людей;

б) отношение "Я - Оно", когда человек, будучи субъектом сознания и действия, воспринимает окружающие его предметы и других людей в

[8] Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Бахтин М. М. Литературно-критические статьи. — М., 1986. — *С.* 437. 25

качестве безличных объектов или вещей, служащих для утилитарного использования, эксплуатации, манипулирования. Бытие людей делится таким образом на диалогическое существование, когда развертывается диалог между личностью и окружающим миром, между личностью и Богом, и монологическое (эгоцентрическое) существование. Полноценная реализация личности, утверждает М. Бубер и своем учении, именуемом "диалогическим персонализмом, возможна лишь в первом случае[9]. Таким образом, формы коммуникационной деятельности приобретают мировоззренческое звучание

3. Рецепиент целенаправленно выбирает коммуниканта и использует его в качестве образца для подражания. Коммуникант при этом зачастую не осознает своего участия в коммуникационном акте. Образуется *обьект-субъектное* отношение, где активным субъектом становится реципиент, а пассивным объектом, как ни парадоксально, коммуникант. Коммуникационную деятельность в такой форме назовем *подражание* (греч. мимесис).

Не следует думать, что подражание не соответствует элементарной схеме коммуникации (рис. 1.1.), ибо не обнаруживается явного сообщения, адресованного реципиенту. На самом деле такое сообщение, обладающее привлекательностью для реципиента, всегда есть. Это те образцы поведения, внешнего облика, творческой деятельности, образа жизни, которые реципиент выбирает для усвоения. Подражание - древнейший вид коммуникационной деятельности, свойственный высшим животным. Особенно велика роль подражания (имитации) в процессе социализации, овладения умениями, мастерством и т.п.; достаточно вспомнить, что овладение родным или иностранным языком происходит через подражание.

Велика роль подражания (мимесиса) в социальной жизни. Традиции, обычаи, стереотипы поведения передаются от поколения к поколению благодаря подражанию. Недаром в "Поучении Мерикара", памятнике египетской письменности XXII—XXIII ив. до п. э., говорится:

"Подражай отцам своим и предкам своим"[10]. Можно сказать, что подражание — способ существования живой социальной памяти.

На рис. 1.3 систематизированы перечисленные формы коммуникационной деятельности. Следует отметить, что эти формы перетекают друг в друга в зависимости от изменения коммуникационных ролей партнеров. Так, управление может принимать форму общения, а обслуживание ставить задачи управления (воспитание, идеологическая обработка и т. д.). Подражание есть фактически самоуправление.

Коммуникационные роли	Реципиент в роли:	
	целенаправленного субъекта	объекта воздействия

[9] См.: Бубер М. Я и Ты. М.: Высшая школа, 1993. 175 с.

[10] Цит. по: Коростовцев М. А. Религия Древнего Египта. М., 1976.-С. 34.

Коммуникант в роли:	целенаправленного субъекта	ОБЩЕНИЕ, ОБСЛУЖИВАНИЕ	УПРАВЛЕНИЕ, ОБУЧЕНИЕ
	объекта воздействия	ПОДРАЖАНИЕ	—

Рис. 1.3. Формы коммуникационной деятельности

Типичным способом реализации коммуникационного общения является *дгшлог* двух собеседников; для управления и подражания типичен *монолог* в устном, письменном или пантомимическом (поведенческом) виде. Диалог близок к поведению по схеме "стимул-реакция", он не требует такого уровня программирования и организации, как монологическое выступление. Поэтому именно диалог считается первоначальной формой речи, свойственной первобытным пародам, а монологическая речь — более поздним коммуникационным образованием, требующим более высокой культуры речи и некоторых ораторских навыков.

Для диалога не характерна письменная форма реализации (понятно, есть исключения). Монолог же может быть предъявлен как в устной, так и в письменной форме. Письменный монолог еще более "запрограммирован", чем устный, поскольку заведомо предполагается отсутствие обратной связи от реципиента, тем более — массовой аудитории. Кроме того, в письменной речи отсутствуют мимика, интонация и другие невербальные средства, облегчающие правильное понимание устной речи. Ю. Н. Тынянов отмечал, что "слова могут быть вышибленными из их значения той или иной интонацией"[11]. Следует обратить внимание на то, что в письменной речи обычно "участвует" внутренняя речь, на которой "проговаривается" то, что предполагается записать и отбираются нужные фразы. Например, Ф. И. Тютчев отрабатывал свой стихи "в уме", отсеивая без записи ненужные варианты; А. С. Пушкин, как свидетельствуют черновики его произведений, предпочитал записывать варианты на бумаге.

Обратим внимание на расхождения в употреблении терминов "коммуникация" и "общение" в русской научной терминологии. Часто, но не всегда они используются как синонимы. Иногда в качестве общения рассматриваются любые виды взаимодействия людей в рамках социальной общности, к которой они принадлежат. Сюда относятся антропологическое общение, связанное с продолжением рода, совместная производственная и досуговая деятельность, военные столкновения и конфликты и т. д. Ясно, что в данном случае понятие "общение" поглощает понятие "социальная коммуникация".

В отечественной психологии общение считается базовой категорией, имеющей три взаимосвязанные стороны: *коммуникативную* (обмен знаниями, идеями), *интерактивную* (обмен не только словами, но и действиями), *перцептивную* (восприятие друг друга партнерами но общению и установление на этой основе взаимопонимания)[12]. Получается, что коммуникация - разновидность общения или часть его.

[11] Тынянов Ю. Н. Архаисты и новаторы.— Л., 1929. С. 471.

[12] Андреева Г. М. Социальная психология. М., 1980. С. 97-99.

Отсутствие четкого разделения между категориями "деятельность" и "общение" приводит к путанице. есть три точки зрения:

1) общение есть вид деятельности, причем имеется в виду речевая деятельность (А. А. Леонтьев);

2) общение это часть (элемент, аспект) всякой деятельности, оно включено в любую деятельность, в то время как сама деятельность выступает как условие общения (А. Н. Леонтьев);

3) деятельность и общение - две разные и самостоятельные стороны социального бытия человека, его образа жизни (Б. Ф. Ломов).

Наша позиция, как следует из содержания данного раздела, состоит в том, что общение это форма коммуникационной деятельности, а коммуникационная деятельность есть разновидность человеческой деятельности, которая имеет типовую структуру (объект, субъект, цель, методы, средства, операции) и может служить областью приложения деятельностного подхода (см. раздел 7).

1.3. Виды коммуникационных явлений

Коммуникационные явления но происхождению делятся на два рода: *биогенные* (врожденные) речевая способность и намять, без которых не обходится ни один полноценный индивид, ни одно человеческое общество, и *социогенные* (созданные людьми) социально-коммуникационные институты (учреждения, службы).

Род хомо сапиенс биологически приговорен не к примитивной сигнализации животных, а к речевому общению, требующему использования естественного языка[13]. В ходе антропогенеза в мозгу человека образовались "речевые зоны", которых нет у животных (они обнаруживаются еще у питекантропов, живших более 200 тысяч лет назад). У неандертальцев появляется артикуляционный аппарат членораздельной речи. Физиологические задатки, позволяющие овладеть речью, наследуются генетически; домашние животные не имеют этих задатков, поэтому их нельзя научить говорить. Коммуникативная функция естественного языка нуждается в специальном рассмотрении (см. раздел 4). Однако отметим, что для становления полноценной личности необходимо овладение естественным (любым) языком в детском возрасте (до 7 - 8 лет). В противном случае человек получается не только социально, но и умственно ущербным. Известные случаи выращивания человеческих детей зверями ("маугли") или в искусственной изоляции от других людей подтверждают вывод о печальных последствиях социально-коммуникационной депривации (лишнее доказательство биогенности речевой способности).

Различаются следующие *виды памяти* (мнемы):

- биологическая намять, включающая инстинкты, безусловные

[13] Следует различать *речь* и *язык.* Речь есть биогенное коммуникационное явление, а язык - частъ социальной памяти.

рефлексы, программы развития организма, закодированные в ДНК;

- индивидуальная намять, формируемая в ходе онтогенеза и сохраняющая биосоциальные смыслы личности; амнезия (потеря памяти) делает человека идиотом;

- социальная память, являющаяся достоянием общества и формируемая в процессе социогенеза. Потеря социальной памяти означает распад общества.

Индивидуальная и социальная память — это способы движения смыслов в личностном и социальном времени Не будем останавливаться на загадочном механизме индивидуальной памяти, — это область психологии, а обратимся) к социальной памяти, которая, к сожалению, не избалована! пристальным вниманием наших ученых[14].

1.3.1. Социальная память содержит, во-первых, *ретроспективную* часть - результаты духовной жизни прошлых поколений (культурное наследие, духовное наследство), овеществленные в виде памятников культуры, и во-вторых, *текущую* часть — содержание неовеществленной духовной жизни, рассредоточенное в живой памяти современников. Ретроспективная часть включает:

— *артефакты* (от "арт" — искусство и "фактум" — сделанный) — целенаправленно созданные людьми материальные *изделия* (орудия труда, оружие, утварь, искусственные материалы, машины, постройки и т. д.), смысл которых запечатлен в их назначении;

— *документы* — произведения письменности и печати, изображения, символические предметы, аудио-, видео- продукция, машиночитаемые носители и т. д., представляющие собой материализованные (документированные) *сообщения,* смысл которых выражен знаками естественного или искусственного языка. Именно о документах сказал И. А. Бунин:

Молчат гробницы, мумии и кости,
Лишь слову жизнь дана.
Из древней тьмы, на мировом погосте
Звучат лишь письмена.

И. А. Бунину вторила А. А. Ахматова:

Ржавеет золото, и истлевает сталь,
Крошится мрамор. К смерти все готово.
Всего прочнее на земле — печаль,
И долговечней — царственное слово.

Живая социальная память, как и все живое, имеет биологическую основу - "массовое бессознательное" (З. Фрейд), "социальное бессознательное" (Э. Фромм), "коллективное бессознательное" (К. Юнг), представляющее собой совокупность психических архетипов, передаваемую посредством

[14] Можно сослаться на книгу Колеватов В. А. Социальная память, и познание. - М.: Мысль, 1984. — 190 с.; статьи Я. К. Ребанс в журналах "Философские науки" (1977, N 5) и "Вопросы философии" (1982— N8).

генетической коммуникации[15]. Совокупность архетипов предопределяет *психологический склад* общности — устойчивую психическую структуру этноса (нации, народности), выступающую в качестве национального характера, например, "славянская душа", германский (нордический), еврейский, китайский, арабский и т. д. характер. Национальный характер проявляется в психических установках (аттитюдах) — бессознательной готовности людей действовать определенным образом в стереотипных ситуациях (гостеприимство, бережливость, беззаботность, сдержанность и т. п.). Он же служит социально-психологической основой для формирования следующих составляющих текущей социальной памяти:

Естественный язык, находящийся в общественном пользовании и являющийся необходимым конституирующим элементом любого этноса (нации, народа). Мертвые языки (латинский, древнегреческий, древнееврейский и др.) и искусственные языки (эсперанто, математическая и химическая символика и пр.) относятся к документированной части ретроспективной памяти. У И. С. Тургенева, называвшего русский язык "великим, могучим, правдивым и! свободным", были веские основания для уверенности в том, что такой язык "дан великому народу".

Социальные нормы делятся на декретированные властью (например, законы, правила, распоряжения и т. п.) и выработанные в процессе естественно-исторического развития общества (традиции, обычаи, нравы). Традиции[16] играют важную роль не только в доиндустриальных обществах, которые не случайно именуются "традиционные", но и в современных индустриальных и постиндустриальных цивилизациях. Традиции требуют особого разговора, и мы к ним еще вернемся.

Недокументированные смыслы — знания о прошлом и настоящем, эмоциональные переживания и желания, распределенные в индивидуальной памяти живущих ныне современников. Сюда относятся народная память об исторических событиях и исторических личностях, фольклор и литературные герои, мифы и практический опыт. Здесь же социальные чувства, например, чувство национальной гордости или национального унижения, стремление к национальному освобождению или реваншу, исторически сложившиеся симпатии и антипатии и т. п. Важнейшее значение имеет *самосознание* социума.

Большую организационную роль в этой части социальной памяти играет календарь — мерило социального времени. Однако эта мнемическая структура - не последовательность наложившихся друг на друга законсервированных состояний общественного сознания, подобно геологическим слоям, образующим литосферу Земли. Работающим оказывается не только последний временной срез, по и довольно глубокие культурные слои;

---

[15] Юнг К. Г. Об архетипах коллективного бессознательного // Юнг К. Г. Архетип и символ. — М., 1991. — С. 95—128. 33

[16] Границы между понятиями "традиции", "обычаи", "нравы" размыты. Обычаи и нракы связывают с обыденным поведением людей, а традиции распространяются не только на быт, но и на производство (трудовые традиции), литературу, науку, искусство, религию. Мы будем придерживаться термина "традиция" как наиболее широкого и международно принятого.

обнаруживаются вертикальные истоки памяти, которые выносят на поверхность феномены культуры, разделенные столетиями.

М. М. Бахтин не без основания удивлялся "парадоксальной судьбе" великих произведений духовной жизни прошлого. "Мы можем сказать, говорил он, что ни сам Шекспир, ни его современники не знали того "великого Шекспира", какого мы теперь знаем. Втиснуть в елизаветинскую эпоху нашего Шекспира никак нельзя... Античность сама не знала той античности, которую мы теперь знаем... Древние греки не знали о себе самого главного, они не знали, что они *древние* греки и никогда себя так не называли"[17]. Образами римской истории оказалась буквально пропитала европейская, прежде всего - французская культура XVIII века. Не случайно Бабеф принял имя Гракха, Радищев связал свою жизненную программу с Катоном Утическим, а Наполеон с Юлием Цезарем. В наши дни реанимировалось российское общественное сознание конца XIX века, о чем свидетельствует неубывающий спрос на репринтные издания научной, религиозной, мистической, художественной литературы, возрождение православных традиций, возвращение прежней топонимики, символики и т.д.

Технологические умения представляют собой способность производить материальные и духовные ценности соответствующие современному уровню научно-технического прогресса. Уметь что-либо сделать — значит уметь создавать мысленный образ изделия (идея вазы, топора, станка, самолета), составлять целесообразный план материального воплощения этого образа и владеть необходимыми для этого методиками (метод литья, способ строительства и т.д.). Умения запечатлеваются на изделиях, чем и обусловлена мнемическая роль артефактов.

Колыбелью технологических умений были ремесла. Изготовление оружия, утвари, орудий труда невозможно без определенных умений, передаваемых от мастера ученикам путем подражания. Технология духовного производства (изобразительное искусство, хоровое пение, танец) также передавалась в живом общении. Изобретение письменности мало повлияло на передачу технологических умений. Дело в том, что умения реализуются в форме навыков, а навыки (ноу-хау) не документируются, они составляют личностное, не выразимое словами достояние мастера. Поэтому технологические умения и их высший уровень — мастерство остаются в составе текущей социальной памяти.

Социальная память по содержанию своему делится на два слоя: слой инноваций и слой традиций. *Инновация*— творческий вклад личности или коллектива, предложенный ныне живущим или предыдущим поколением для включения в социальную память. Эти предложения в виде памятников культуры (здания, технические изделия, литературные произведения, произведения искусства и т. п.)1 или в виде неовеществленных идей и сообщений входят в социальную память, но они еще не прошли апробации временем и не получили общественного признания. Иное дело — традиции.

[17] Бахтнн М. М. Ответ па вопрос редакции "Новою мира" // Бахтин М. М. Литературпо-критические статьи.— М., 1986. — С. 504-506.

Традиция — это жизнеспособное прошлое, унаследованное от дедов и прадедов. Традициями становятся инновации, пережившие смену трех и более поколений, т. е. предложенные 75—100 лет назад. Мы живем в традиционных городах, пользуемся традиционной бытовой утварью, традиционен семейный уклад, тради-ционны национальный язык, называемые классическими литература, музыка, изобразительное искусство, театр. Цитаделью традиционности являются библиотеки и музеи, но не в силу традиционной технологии библиотечного или музейного дела, а в силу присущих им функций хранения документированного культурного наследия и обеспечения общественного его использования. Конечно, распространение инноваций также не обходится без их участия.

Важно отметить, что никакая власть, никакой авторитет не в состоянии возвести какую-либо актуальную новацию в ранг традиции. Традиции создаются и охраняются общественным мнением, и их принудительная сила гораздо больше силы юридических законов, ибо она непосредственно базируется на психологическом строе общества. Механизм передачи традиций заключается не в управленческих воздействиях, а в добровольном подражании. Традиции незаметно "выращиваются" в процессе практической деятельности и превращаются в привычки, обладающие побудительной силой, погружаются в глубины социального бессознательного.

Традиции в качестве коммуникационного явления обеспечивают духовную связь между поколениями, состоящую в накоплении, сохранении и распространении опыта общественной жизни. Традиции выполняют следующие социальные функции: *конституирующая* — для становления цивилизаций, политических режимов, религий, научных школ, художественных течений и т. д. необходимо формирование соответствующих традиций, в противном случае они не жизнеспособны; *эмоционально-экспрессивная* — устойчивость традиции в ее привлекательности, соответствии психологическому складу этноса; *консервативно-охранительная* — сопротивление чуждым для данного социума внешним новациям, отторжение непривычного и вместе с тем - неформальный контроль за соблюдением традиционно принятых норм, неявное, но жесткое регламентирование общественной жизни.

Образно говоря, традиции тот инерционный механизм, который придает неповторимый облик и устойчивость социальному кораблю. Легкомысленное избавление от балласта традиций может вызвать опасный крен, а то и опрокидывание неустойчивого судна; вместе с тем с толь же опасно перегружать трюмы балластом[18].

На рис. 1.4 представлена общая структура социальной памяти, где показаны слои инноваций и традиций. В структуру социальной памяти

[18] На русском языке существует огромный поток литературы, посвященной отечественным традициям, обрядам, праздникам и т. д., но серьезных социально-философских исследований очень мало. Сошлемся на две монографии: Плахов В. Д. Традиции и общество: Опыт философско-социологического исследования. М.: Мысль, 1982. 220 с. Его же: Социальные нормы: Философские основания общей теории. — М.: Мысль, 1985. — 254 с. Фундаментальное изучение феномена традиций предпринял Эвард Шиле - Shils E. Tradition. - Chicago: Univ. Chicago Press, 1981. ~ 334 p.

включена историческая наука, занимающаяся познанием смысла минувшего. Социальная память в ее овеществленной и неовеществленной форме это объект истории, смысл прошлого - ее предмет. История - это социальная намять, обработанная и осмысленная научными методами.

1.3.2. Теперь обратимся к социогенным коммуникационным явлениям. Речевая способность и социальная память со всеми ее структурными составляющими есть явления социальные, ибо они развиваются и функционируют в социальной среде, но для их возникновения требуются природные, генетически передаваемые предпосылки, возникшие в процессе антропогенеза, поэтому эти явления суть биогенные. На их оспине формируются в ходе цивилизационного процесса сначала внеинституциональные (семейная педагогика, фольклор, народное искусство, мифология, суеверия, народные промыслы и пр.), а затем институциональные коммуникационные явления, которые представлены *социально-культурными институтами.*

Эти социальные институты[19] делятся на два класса:

1. *Духовно-производственные,* осуществляющие познание и генерацию смыслов **и их** первоначальный ввод в социальную память. Им свойственна творческая и коммуникационная функции. Фундаментом духовного производства являются пять старейших *первичных* социально-культурных институтов: образование, литература, искусство, религия, философия и наука. Творческая деятельности этих институтов достаточно очевидна, как очевидно и *гщ* что результаты творчества воплощаются в коммуникационные сообщения в документированной (публикация, рукопись, картина) или недокументированной (проповедь, доклад, танец) формах.

Путем дифференциации творческой деятельности первичных институтов образовались производные от них *вторичные* институты, такие как непрерывное (постградуальное) образование; журналистика и средства массовой коммуникации; прикладное (декоративное) искусство и дизайн; религиозные общественные движения, преследующие просветительские и гуманистические цели; прикладная наука и техника. В некоторых из этих институтов превалирует коммуникационная функция.

Не следует также упускать из виду неинституционные духовно-производственные явления, такие как самообразование, самиздат, искусство андеграунда, всевозможное самодеятельное творчество, разного рода

---

[19] Под *социальным институтом* понимается исторически сложившаяся совокупность учреждений (служб, центров) и профессиональных групп, обеспечивающих самовоспроизводство и выполнение определенных социальных функций. В социологии применяются разные трактовки понятия "социальный институт". Например, Я. Щепаньский, авторитетный польский социолог, трактует социальный институт как "систему материальных учреждений и форм действий, позволяющих некоторым уполномоченным индивидам выполнять общественные, но безличные функции (т. е. функции, которые должны выполняться независимо от личных черт исполнителей), имеющие целью удовлетворение потребностей или регулирование поведения членов группы" (Щепаньский Я. Элементарные понятия социологии, М., 1969.— С. 95). В западной социологии социальный институт чаще связывается не с реальными учреждениями, а с нормами и правилами, регулирующими различные сферы человеческой деятельности и организующими их и систему ролей и статусов, образующих социальную систему. Типичным примером института такого рода является семья, рассматриваемая как социальный институт. Понимание социальных институтов, принятое нами, близко трактовке Я. Щепаньского.

диссидентские и еретические движения, играющие немаловажную роль в динамике духовной жизни.

II. *Обслуживающие институты,* играющие роль хранителей социальной памяти и организаторов ее общественного использования. Эти институты можно считать *коммуникационными службами* в полном смысле слова. Они предоставляют коммуникационные услуги, выполняя следующие функции: кумулятивная — формирование и хранение документированной социальной памяти и посредническая — оповещение об инновациях, поиск в социальной памяти, селекция (отбор) ценных сообщений. Это их *сущностные* функции. Кроме того, им присущи образовательные, культурно-просветительные, воспитательные, эстетические, научно-вспомогательные и другие *прикладные* функции, являющиеся производными от сущностных функций духовно-производственных институтов. По функциональной специализации можно выделить следующие две группы:

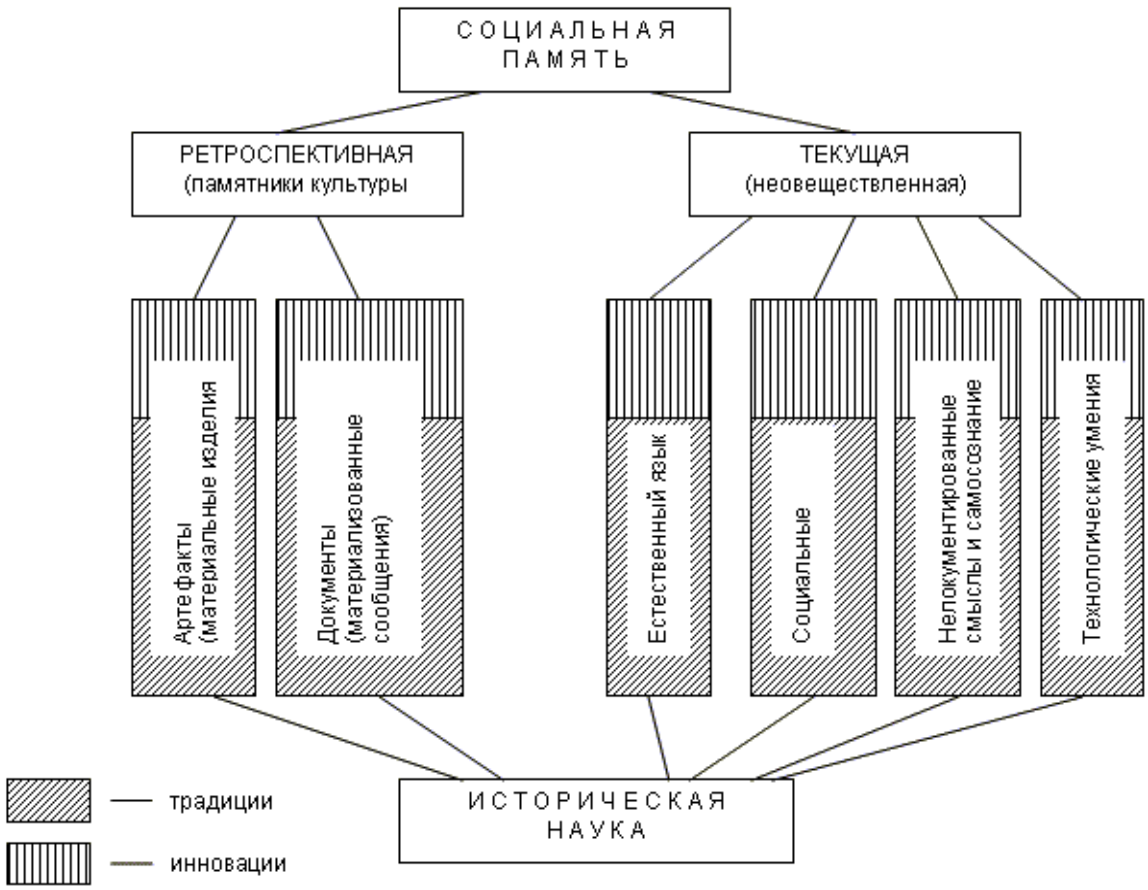

Рис. 1.4. Общая структура социальной памяти традиции инновации

а) кумулятивно-посреднические службы — архивы, библиотеки, библиографические центры, музеи, органы научно-технической и экономической (маркетинговой) информации, специальные службы медицинской, криминальной, военной, дипломатической и т. п. информации, коммунальные справочные службы (справки по городу, биржа труда,

расписание транспорта и т. д.). Кумулятивно-посреднические службы входят в структуру социальной памяти (документальная составляющая ретроспективной части), в связи с чем их можно назвать *социально-мнемическими* службами.

6) посреднические службы (организаторы коммуникации) — издательства и типографии; книжная торговля; клубные учреждения; парки (зоопарки, заповедники); театрально-концертные и цирковые организации; кинопрокат и видеопрокат; общественные организации (общества книголюбов, филателистов, нумизматов и прочих коллекционеров, общества международных связей, общество "Знание", религиозно-просветительские общества и т. п.); туристические организации; оргкомитеты массовых праздников, в том числе олимпийских игр, конкурсов, карнавалов, шоу; спортивные организации; рекламные бюро; торговые биржи.

Профессиональная коммуникационная деятельность (обслуживание, пропаганда, реклама, редактирование, размножение и распространение документов, хранение и прокат документов, просвещение и т. д.) осуществляется только в рамках коммуникационных служб. Профессионалы, занятые в духовно-производственных социальных институтах, имеют статус не коммуникационных, а творческих работников, хотя коммуникационные функции выполняются ими в обязательном порядке. На рис. 1.5. представлена пирамида социально-коммуникационных явлений, схематично отражающая генетические связи между ними.

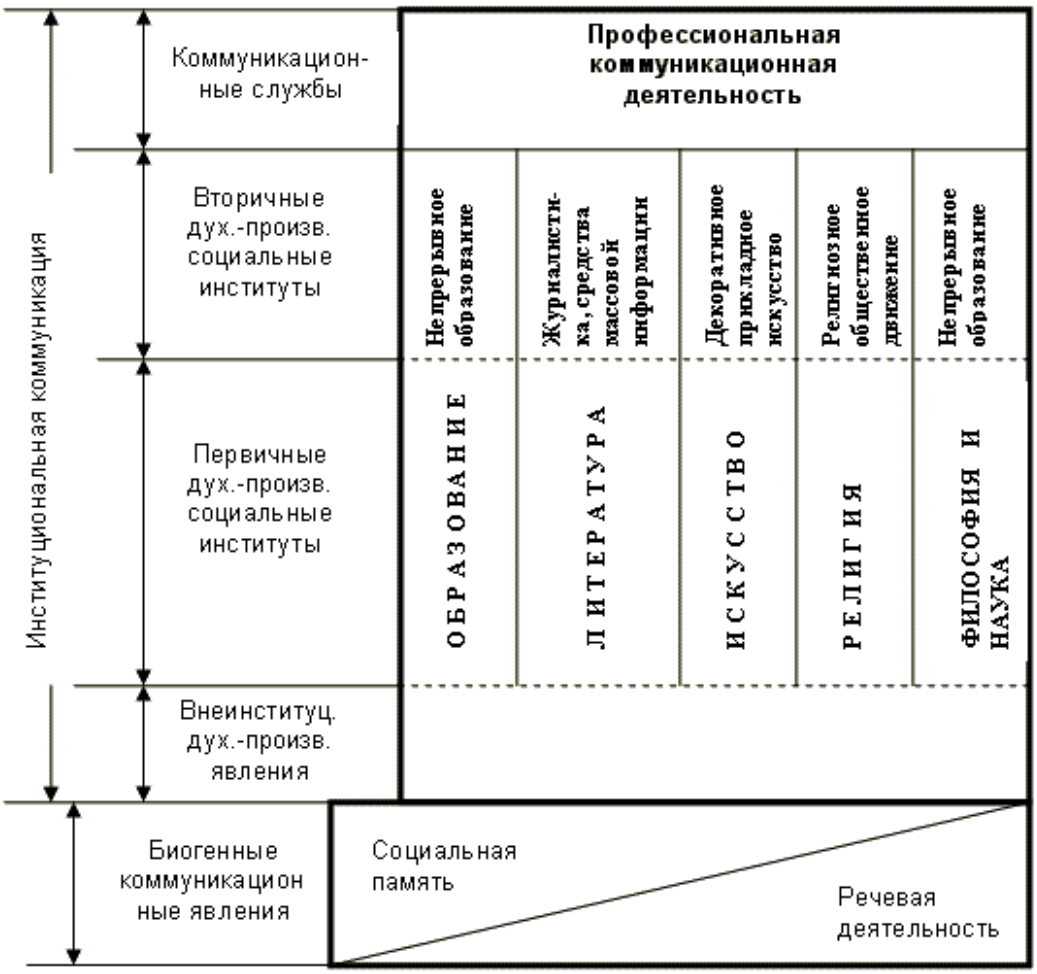

Рис. 1.5. Пирамида социально-коммуникационных явлений

Выводы

Подытоживая сказанное, можно сформулировать следующие *законы социальной коммуникации:*

1. Социальная коммуникация, как правило, имеет *материальную* чувственно воспринимаемую *форму* и *духовное* умопостигаемое *содержание.*

2. Коммуникационная деятельность включает не одного, а двух субъектов, в отличие от трудовой и познавательной деятельности, имеющих одного исполнителя. Отсюда следует, что коммуникационная деятельность есть *общественное отношение,* полюсами которого являются *сотрудничество и конфликт.*

3. Человек не может освободиться от коммуникационного взаимодействия с другими людьми; жить в обществе и *быть свободным от социальной коммуникации нельзя.*

1.4. Культура и социальная коммуникация

Культура (лат. cultura — возделывание, воспитание, образование, развитие, почитание) — понятие неоднозначное. Оставим в стороне выражение "культура микробов", "культура земледелия (агрокультура)" и обратимся к социальной сфере.

1. *В этнографии, археологии, истории* "культура" понимается как общая характеристика развития данного общества, народа, племени, например, "античная культура", "культура майя", "культура неолита", "культура охотников тропических лесов" и т. д. Социальная коммуникация в данном случае характеризует коммуникационную сторону культуры: язык, символы, передача традиций, обычаев, знаний, умений и т.д., являясь таким образом *частью* культуры.

2. В *обыденном языке* "культура" имеет оценочный смысл (противопоставление "культурный" — "некультурный"), например, культура быта, культура общения, культура речи. Уместно говорить о "культуре коммуникации" в смысле правильности, соответствии принятым нормам. Более подходящим в этих случаях является термин "культурность". Культура в данном случае есть оценка внешней формы коммуникации, т. е. *свойство* коммуникации.

3. *Ведомственно-отраслевая* трактовка, когда под культурой понимается деятельность социально-культурных учреждений, находящихся под эгидой Министерства культуры (библиотеки, дворцы и дома культуры, парки, музеи, театры, зоопарки, музыкальные школы и т. п.). Культура отграничивается от образования, массовой информации, науки, искусства, которые относятся к другим ведомствам. С точки зрения этой трактовки выражения "культура и искусство", "культура и образование" не выглядят логически несоразмерными как "растение и стебель", "телега и колесо". Ясно,

что понятие социальной коммуникации как движения смыслов в социальном пространстве и времени поглощает "ведомственно-отраслевое" понятие культуры. Вся деятельность социально-культурных учреждений оказывается социально-коммуникационной, а все учреждения культуры становятся центрами (службами) социальной коммуникации. Условность "ведомственно-отраслевого" понимания культуры подтверждается постоянными изменениями масштабов отрасли от всеобъемлющего наркомпроса до современного министерства культуры, но практическая полезность этого понимания доказывается его распространенностью.

4. *Функциональная* (деятельностная, технологическая) концепция культуры получила признание в современной культурологии. Она по сути дела есть теоретическая интерпретация понимании культуры как "второй природы, созданной человечеством" или как "совокупности искусственных материальных и духовных ценностей , т. е. материальной и духовной культуры. Развернутое определение культуры выглядит следующим образом: *культура* специфический способ организации и развития человеческой жизнедеятельности и, представленный в продуктах материального и духовною груда, в системе социальных норм и учреждений, в духовных ценностях, в совокупности отношений людей к природе, между собой и к самим себе. В понятии культуры фиксируется как общее отличие человеческой жизнедеятельности от биологических форм жизни, так и своеобразие исторически-конкретных форм этой жизнедеятельности, изучаемых археологами, этнографами, историками"[20].

Культура, по словам одного из идеологов функциональной концепции, "заполняет и насыщает собой все социальное пространство, образуемое кооперированной человеческой деятельностью, оказывается как бы размытой по всему телу социального организма и проникающей во все ею поры"[21]; она - содержание исторического прогресса, аккумулятор исторического опыта человечества.

"Тело социального организма", как известно, образуют: сфера экономики (материальною производства), семейно-бытовая сфера (система воспроизводства человеческого рода), сфера духовной жизни (система духовного производства, обеспечивающая производство и воспроизводство общественного сознания), политическая сфера (система организации и управления). Социальная коммуникация, конечно, пронизывает все названные сферы, но не является столь всеобъемлющей, как культура. Можно сказать, что с позиции функциональной концепции социальная коммуникация - *часть* культуры.

5. Другой популярной среди культурологов является так называемая *"гуманистическая"* концепция культуры, рассматривающая культуру как способ и меру "производства человека", т.е. формирование личности, особо подчеркивается важность трудовой и общественно-политической деяте-

---

[20] Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 292.

[21] Маркарян Э.С. Теория культуры и современная наука: Логико-методологический анализ. М., 1983. С. 44.

льности для реализации сущностных сил человека. В отличие от функциональной концепции, в данном случае содержание культуры видится не в машинах, сооружениях, орудиях труда, а в знаниях, умениях, этических нормах, эстетических ценностях, мировоззренческих взглядах и убеждениях, которые "делают человека человеком". Ясно, что роль социальной коммуникации в этом "делании" огромна. Понимая это, гуманистические теоретики утверждают, что культурная деятельность по самой своей природе ее есть не что иное, как коммуникативная (!) деятельность, как обмен сущностными силами между людьми"[22]. Если это так, то культура превращается *в часть* социаль-ной коммуникации, ибо последняя может служить не только гуманизации, но и дегуманизации людей (пропаганда в тоталитарных государствах).

6. *Информационно-семиотические* концепции культуры, первоначально выдвинутые за рубежом (структурная антропология — Э.Сепир, К.Леви-Стросс), рассматривают культуру как "совокупность негенетической информации", представленной средствами знаковых систем, как универсальный канал социальной коммуникации. В свете информационно-семиотических концепций язык считается определяющей основой культуры, что способствовало обогащению культуроведения методами семиотики, структурной лингвистики, математики. В иинформационно-семиотических концепциях происходит *отождествление* культуры и социальной коммуникации, что представляет собой еще один вариант решения вопроса об их отношении.

7. Культура есть *духовное производство;* система культуры совпадает с системой духовною производства; понятия "культура" и "духовное производство" эквивалентны по объему (возможно, и по содержанию тоже)[23]. Аргументация следующая. Хотя все системы социума — материально-производственная, семейно-бытовая, социальная, политическая, конечно, выполняют функцию формирования личности, но только для духовного производства эта функция является главной, определяющей, безусловной. Именно система духовного производства в любом исторически конкретном обществе обеспечивает соответствующее интеллектуальное, эмоциональное, нравственное формирование людей и удовлетворение их духовных потребностей. Таким образом понятие "культура" редуцируется до понятия "духовная культура". В этом случае структура культуры, она же — структура духовного производства выглядит следующим образом:

А. подсистема духовного производства (создания, генерации) духовных ценностей, включающая науку, искусство, нравственность, философию, религию, — в общем, производство всех форм общественного сознания;

Б. подсистема хранения духовных ценностей, т. е. социальная память;

---

[22] Культурная деятельность: опыт социологического исследования. М., 1981. С. 54.

[23] Эта точка зрения решительно отстаивается международным авторским коллективом сборника статен "Культура в общественной системе социализма" (М., Наука. — 1984. — 221 с.) и столь же решительно отвергается Н. С. Злобиным (Злобин Н. *С.* Культура и общественный прогресс. — М., 1980. — С. 57—85).

В. подсистема распространения, обмена, потребления и освоения духовных ценностей, в которую входят все социально-культурные учреждения.

"Духовно-производственная" концепция трактует культуру уже, чем функциональная, охватывающая и духовную и материальную культуру, но шире, чем "гуманистическая" концепция, озабоченная воспитанием и просвещением человечества. Социальная коммуникация является *частью* духовного производства, так как она, охватывая подсистемы Б и В, не включает подсистему А, и следовательно, является частью культуры с точки зрения данной концепции.

На рис. 1.6 показано соотношение объемов понятий социальной коммуникации и культуры с точки зрения разных концепций.

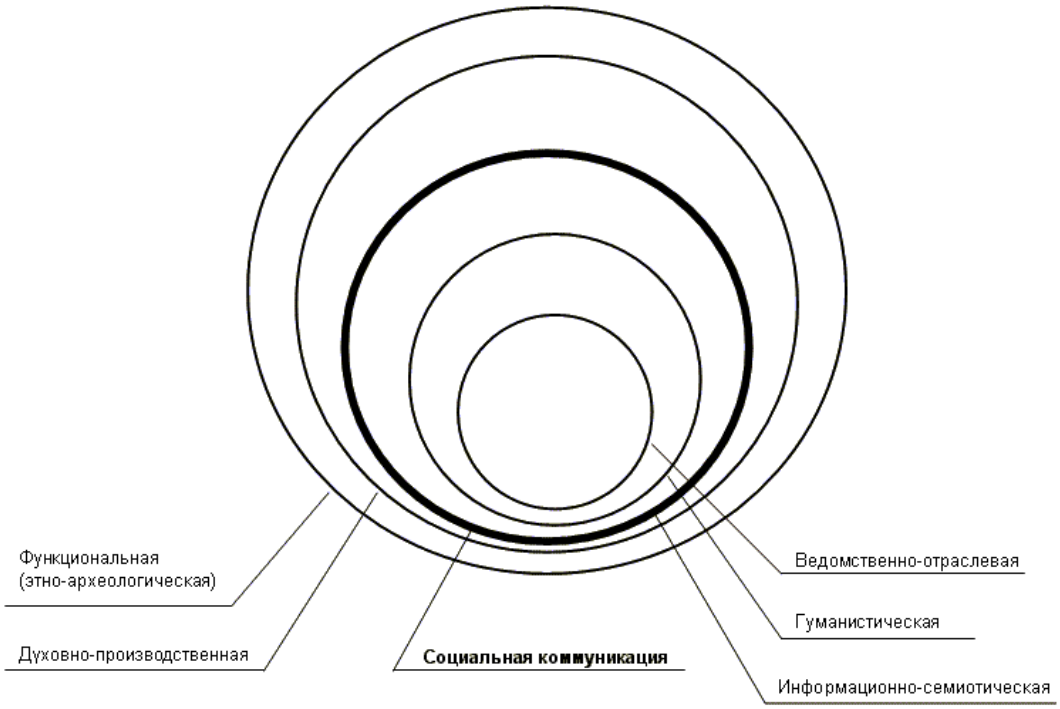

Рис. 1.6. Соотношение объемов понятий социальной коммуникации и культуры согласно разным культурологическим концепциям

Выводы

1. Широкие концепции культуры (функциональная и духовно-производственная) целиком включают социальную коммуникацию в качестве "коммуникационного аспекта" или "коммуникационной функции" культуры, а узкие концепции (информационно-семиотическая и гуманистическая) рассматривают культуру в целом как коммуникационный процесс. Вопрос остается открытым.

2. Важнейшей областью совпадения культуры и социальной коммуникации есть область *культурного наследия.* Культурное наследие не что иное, как социальная память с ее текущей и овеществленной частями.

3. Другой областью совпадения культуры и социальной коммуникации является область распространения, обмена, потребления и освоения культурных ценностей (подсистема В духовного производства).

Главное противоречие, которое приходится решать и в области культуры, и в области социальной коммуникации, состоит в стремлении отобрать из ценностей прошлого наиболее актуальные и включить их в общественное бытие, но это стремление наталкивается па неизбежность разрушения памятников в процессе их использования и, следовательно, возникает стремление к их охране, консервации, защите от современников.

2. КОММУНИКАЦИОННЫЕ КАНАЛЫ

2.1. Разновидности коммуникационных каналов

Коммуникационный канал — это реальная или воображаемая линия связи (контакта), по которой сообщения движутся от коммуниканта к реципиенту. Наличие связи — необходимое условие всякой коммуникационной деятельности, в какой бы форме она ни осуществлялась (общение, управление, подражание). Коммуникационный канал предоставляет коммуниканту и реципиенту средства для создания и восприятия сообщения, например, языки, коды, технические устройства.

Важно обратить внимание на следующее обстоятельство. Коммуникационные каналы обеспечивают движение не смыслов, а только материальной формы сообщений, которая выражает смысловое содержание. Причем движение происходит в физическом (геометрическом) пространстве и в астрономическом времени. Коммуникационная же деятельность, как известно, представляет собой движение смыслов в социальном пространстве, и результатом этой деятельности является распространение просвещения, формирование общественного мнения и психических настроений и т. д. Коммуникационная деятельность суть деятельность духовная, но для ее реализации нужны материально-технические средства, в качестве которых выступают коммуникационные каналы. Итак, коммуникационный канал — материальная сторона социальной коммуникации.

Развитие человечества от первобытного варварства до постиндустриальной цивилизации сопровождалось постоянным увеличением количества коммуникационных каналов, благодаря дополнению естественных каналов, образовавшихся в ходе антропогенеза, каналами искусственными, сознательно созданными людьми.

Естественные коммуникационные каналы — это каналы, использующие врожденные, естественно присущие хомо сапиенс средства для передачи смысловых сообщений. Пространственное движение сообщений обеспечивают невербальные (несловесные) и вербальные (словесные) каналы. Естественным каналом передачи смыслов в личностном психологическом времени является индивидуальная память. Теория социальной коммуникации изучает главным образом первые два канала.

Невербальные коммуникационные средства — это наследие зоокомкоммуникации, свойственной высшим животным. Содержание зоокоммуникации — демонстрация переживаемых эмоциональных состоянии — гнев, боль, страх и т.д. Животными используются звуковые сигналы, позы, движения, напоминающие жесты, например, щенок виляет хвостом, когда он доволен, прижимает уши и оскаливает клыки, когда

притворяется сердитым.

Невербальный канал — древнейший из естественных коммуникационных каналов, возникший в ходе биологической эволюции задолго до появления человека. Формирование речевой способности и соответственно — вербальной коммуникации происходило в процессе антропогенеза . Различаются следующие вехи: *австралопитеки* (2,6 млн. лет назад) не выходили за пределы нечленораздельной речи в составе зоокоммуникации; *археоантропы* (1500—200 тыс. лет назад), представителем которых служит род питекантропов, овладели примитивной диалоговой речью, состоящей из слов-предложений; *палеоантропы,* например неандертальцы (200 30 тыс. лет назад), строили простейшие грамматические конструкции, подобно малограмотным или начинающим говорить детям. Наконец, 40 тыс. лет назад — появился неоантроп, хомо сапиенс, свободно владеющий речью. Подчеркнем, что владение речью, т.е. вербальным коммуникационным каналом, - отличительный признак рода человеческого, для реализации которого потребовалось образование специальной "речевой зоны" в мозгу, развитие артикуляционного аппарата, грациализация челюстей и т.п. Домашние животные не могут говорить именно потому, что они не имеют биологических предпосылок для этого. Поэтому вербальный канал коммуникации правомерно именовать естественным.

Потребность в ***искусственных коммуникационных каналах и средствах*** возникает тогда, когда коммуникант и реципиент лишены непосредственного контакта. Первым искусственным каналом явился канал символических документов, появившийся если не одновременно, то сравнительно скоро после формирования неоантропов. Овладение первобытными людьми не только конкретными именами, но и общими абстрактными понятиями ("зверь", "дерево", "женщина", "пища" и т. п.), получившими словесное выражение в живой речи, послужило предпосылкой для создания первых документов, представлявших собой смысловые символы: амулеты, украшения, татуировки, орнамент и т. д.

Поучительно проследить развитие документальных каналов на фоне археологической шкалы, включающей, как известно, верхний палеолит, мезолит, неолит, медный век, железный век. Палеолитическое искусство, зародившееся 35 тысяч лет назад в виде резьбы по кости, уже 5 тысяч лет спустя представлено пещерными гравюрами и картинами, различными скульптурами, украшениями, орнаментированными изделиями. По-видимому, они не столько удовлетворяли эстетические потребности, сколько служили для передачи опыта, были предметами магии и мистики. Небольшие скульптуры палеолитических "венер" носились в качестве подвесок, были в ходу всевозможные ожерелья, браслеты, диадемы, кольца, которые вырезались из слоновой кости, кости мамонта, составлялись из ракушек, зубов животных, цветных камушков. Изображения в подземных галереях иногда сопровождались знаками в форме квадратов, точек, колоколообразных кривых, стрелок, очевидно, несущих какой-то скрытый от нас смысл.

Пещерная живопись достигла апогея примерно 15— 12 тысяч лет назад, когда искусно создавались громадные анималистические ансамбли. Наряду с реалистическими изображениями женщин и мужчин, мамонтов, бизонов, лошадей, носорогов часто встречаются зооморфные и антропоморфные фантазии в виде туловища медведя с головой волка, "шаманских масок", "дьяволят" с увенчанной рогами головой и покрытым шерстью телом. Последние несомненно играли роль магических символов. Позже изображения утрачивают живость и реалистичность, схематизируются, и сменяются мезолитическими наскальными изображениями (10—8 тысяч лет назад), где центральное место занимают не животные, а люди. Затем следует неолитическое искусство, которое постепенно лишается образной выразительности, приобретает однотипность, когда односюжетные изображения почти не отличаются друг от друга и превращаются в ритуальные символы[24]. Однотипность и однообразность рисунков есть признак пиктографии, т. е. предвестник письменности.

Что послужило причиной затухания первобытного изобразительного искусства? Причина может быть только одна: те утилитарные, культовые и социально-педагогические функции, которые оно выполняло, перешли к другому коммуникационному каналу — устной речи, экспрессивные потенции живого слова стали достаточными для удовлетворения коммуникационных потребностей родовых общин охотников и собирателей. В социальной памяти преимущественное развитие получила устная передача всевозможных текстов от поколения к поколению, а не трудоемкая петрография. В этом факте видна взаимозависимость документальных и недокументальных коммуникационных каналов, общность их общественного назначения.

Итак, можно сделать вывод, что еще в "каменном веке" человеческое общество использовало для смысловой коммуникационной деятельности три канала: невербальный, вербальный и документальный. Учитывая последовательность возникновения и параллельность существования этих каналов, можно вывести *закон кумуляции коммуникационных каналов* (закон ККК): появление нового канала не означает вытеснение старого, но стимулирует его модернизацию. Вербальный канал существовал и существует до сих пор совместно с невербальным каналом, они не отрицают, а дополняют друг друга. Первобытное искусство появилось в период слабого развития устного слова, чем объясняется его стремительный расцвет на ранних этапах первобытного общества, но затем оно было потеснено вербальными средствами управления обществом и передачи культурного наследия. Потребовалось усиление коммуникационных потенций документального канала, что и произошло при становлении древнейших цивилизаций в III тысячелетии до н.э., когда была изобретена письменность.

---

[24] История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины. — М., 1986. — С. 518—522; Ранние формы искусства: Сб. статей. — М.: Искусство, 1972, - 479 с.; Столяр А. Д. Происхождение первобытного искусства. — М.: Искусство, 1985. - 298 с. 54

Письменность — коммуникационное средство, открывшее новый канал документальной коммуникации; затем рукописные документы были дополнены печатными изданиями и прессой, использующими сперва мануфактурную, а с XIX века — индустриальную техническую базу. Параллельно развивались недокументальные каналы: вербальная коммуникация получила в свое распоряжение проводную (телеграфно-телефонную) связь и радиосвязь. Телевидение — синтез вербального и невербального каналов.

Информатизация есть не что иное, как обогащение социальной коммуникации новыми коммуникационными каналами и средствами, прежде всего — компьютерными. Наряду с человекочитаемыми, появляются Машиночитаемые документы (от магнитных звукозаписей и видеозаписей до оптических дисков), традиционную почту дополняет почта электронная, глобальная телекоммуникация стала обыденным явлением. При этом в соответствии с законом кумуляции коммуникационных каналов все вошедшие в социальную жизнь естественные и искусственные каналы и средства продолжают сосуществовать. Сосуществование не исключает известную конкуренцию между близкими по общественному назначению средствами, например, художественная литература и художественные телепередачи, книга и видеокассета.

В зависимости от материально-технического оснащения, т.е. от применяемых каналов, различаются *три рода* социальной коммуникации, подобно "родам войск":

1. *Устная коммуникация,* использующая, как правило, одновременно и в неразрывном единстве естественные вербальные и невербальные каналы и средства.

2. *Документальная коммуникация,* применяющая искусственно созданные каналы, прежде всего — письменность и печать, а также изобразительное искусство, для передачи смыслов во времени и в пространстве.

3. *Электронная коммуникация,* основанная на проводной и радиосвязи, компьютерной технике, магнитных и оптических средствах записи.

Все три рода взаимодействуют друг с другом, образуя смешанные, гибридные коммуникационные каналы и средства, например, радио и телевидение, звуко- и видеозаписи, машиночитаемые текстовые документы. Если наглядно изобразить соотношение между разными родами коммуникаций оказывается, что центральная область пересечения всех трех родов принадлежит современным кумулятивно-посредническим средствам (библиотеки, музеи, справочные службы и др), использующим в комплексе все роды социальной коммуникации (см. рис. 2.1).

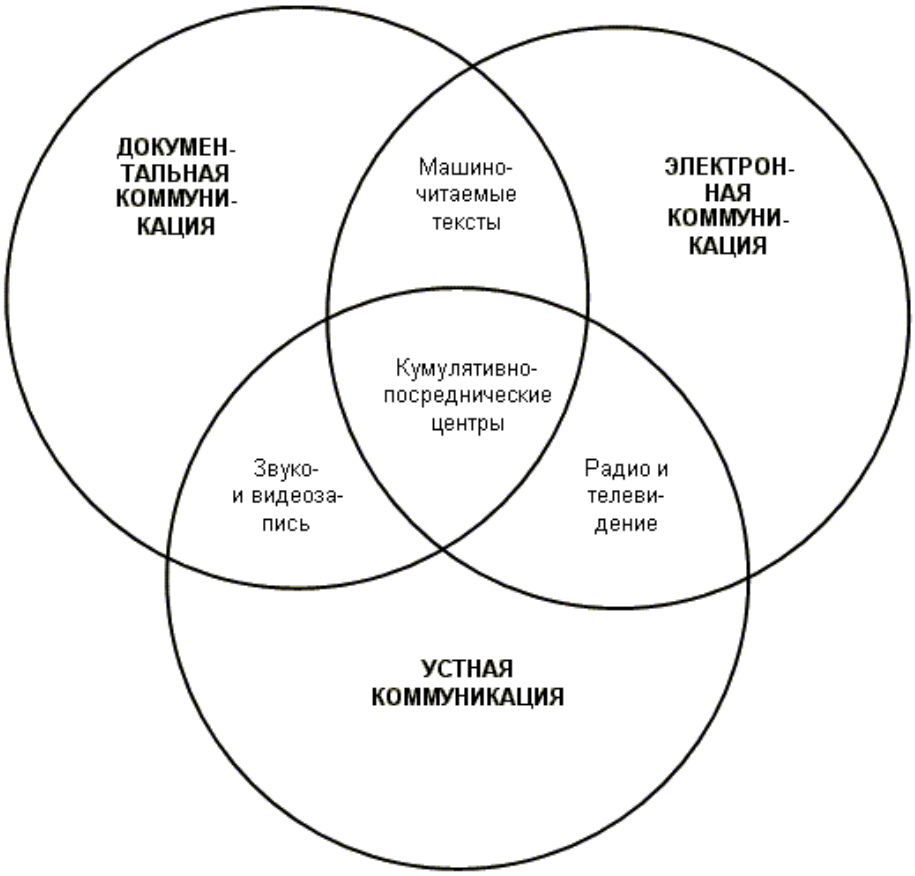

Рис. 2.1. Система коммуникационных

2.2. Устная коммуникация

2.2.1. Функции естественного языка и речи

Главным отличием человеческой коммуникационной деятельности от зоокоммуникации животных является по словам Л. С. Выготского, "единство общения и обобщения". Это "единство" описывалось выдающимся отечественным психологом следующим образом: "общение, не опосредованное речью или другой какой-либо системой знаков или средств общения, как оно наблюдается в животном мире, делает возможным только общение самого примитивного типа и в самых ограниченных размерах... Испуганный гусак, видящий опасность и криком поднимающий всю стаю, не столько сообщает ей о том, что он видел, а скорее заражает ее своим испугом. Общение, основанное на разумном понимании и на намеренной передаче мыслей и переживаний непременно требует известной системы средств... Для того, чтобы передать какое-либо переживание или содержание сознания другому человеку, нет другого пути, кроме отнесения передаваемого содержания к известному классу, к известной группе явлений, а это... непременно требует обобщения... Таким образом, высшие присущие человеку формы психологического общения возможны только благодаря тому, что человек с помощью мышления

обобщенно отражает действительность"[25] . Действительно, всякое слово естественного языка, кроме имен собственных, обобщает, т. е. может быть отнесено к множеству, иногда — к бесконечному множеству предметов, свойств, действий (например, "бумага", "бег", "белый").

Единство общения и обобщения обусловливает две основные функции естественного языка и речи: во-первых, ***коммуникативная,*** во-вторых, ***познавательная.*** Коммуникативная функция используется для обеспечения смыслового общения людей, а познавательная — для индивидуальной мыслительной деятельности, питающей социальное познание, т.е. обобщенное видение реального мира (язык — орудие мышления). Но этого мало. Речевая деятельность не только орудие мышления, но и источник его развития. "Все высшие психические функции человека... — ветви и плоды одного дерева, ствол и корень которого — речь", — утверждал Б. Ф. Поршнев[26]. Стало быть, речевая способность — решающий фактор антропогенеза. Не случайно изоляция от речевого общения болезненно переживается людьми и может привести к тяжелым психическим расстройствам.

Основные, можно сказать, — собирательные функции, в свою очередь, подразделяются, точнее, — проявляются в конкретных языково-речевых функциях. Под *функцией* в данном случае понимаются те свойства языка или речи, которые позволяют людям использовать их в своей внеязыковой деятельности. Эти свойства многообразны, отсюда — многообразные области использования языка и речи в личностной и социальной жизни, другими словами, в индивидуально-психологическом и в социальном пространствах. Для того, чтобы разобраться в этом многообразии, будем различать, с одной стороны, естественный язык и речь, с другой стороны, — личностную и социальную области их использования (см. табл. 2.1). Напомним, что естественный язык — это надличностное духовное образование, составная часть текущей социальной памяти, а речь — это индивидуальный акт целенаправленного использования языковых ресурсов отдельным "говорящим".

Таблица 2.1

Функциональные проявления языка и речи

Области проявления функции	Функции выполняемые	
	естественным языком	речью
Личностный мир (индивидуально-психологическое пространство)	1. Индивидуально-языковые	3. Индивидуально-речевые
Общественная жизнь (социальное пространство)	2. Социально-языковые	4. Социально-речевые

[25] Выготский Л. С'. Избранные психологические исследования.— М., 1956.— С. 50—51.

[26] Поршнев Б. Ф. О начале человеческой истории. — М., 1974. — С. 146.

1. *Индивидуально-языковые функции*

Всякий человек рождается и проводит дни свои в атмосфере родного языка: мы не только разговариваем, но и мыслим на родном языке, и это обстоятельство неизбежно накладывает свой отпечаток на личную духовную жизнь. Можно выделить следующие функции, выполняемые естественным языком в жизни отдельного человека:

1а. М и р о в о з з р е н ч е с к а я функция, заключающаяся в зависимости мировоззрения социализированной личности от ее родного языка. С 30-х годов XX века в науке дискутируется так называемая *гипотеза лингвистической относительности,* связанная с именами Э. Сепира и Б. Уорфа[27]. Согласно этой гипотезе, структура языка определяет структуру мышления и способ познания внешнего мира. Китаец и североамериканский индеец по-разному понимают одни и те же события и явления, потому что они воспринимают мир сквозь призму своего родною языка, а лексический состав и грамматический строй их языков различен. Б. Уорф объяснял легкость понимания европейцами ньютоновской идеи абсолютного пространства и времени тем, что она подспудно содержалась в германо-романских языках, в то время как в восточных языках отражена идея временных циклов и замкнутого пространства, которая не соответствует учению Ньютона и затрудняет его распространение на Востоке. Таким образом, все мы являемся пленниками своего родного языка. Зависимость этнического сознания от языка достаточно очевидна, но продолжаются споры о границах этой зависимости.

1б. П о э т и ч е с к а я (эстетическая) ф у н к ц и я , свойственная языку, реализуется в художественно-литературном творчестве. Б. Л. Пастернак в "Докторе Живаго" следующим образом описывал состояние вдохновения: "Первенство получает не человек и состояние его души, которым он ищет выражение, а язык, которым он хочет его выразить. Язык, родина и вместилище красоты и смысла, сам начинает думать и говоритть за человека и весь становится музыкой". Таким образом, у поэтов язык влечет за собой образное мышление, подсказывая художественные образы.

Иначе протекает творческий процесс в голове математика. А. Эйнштейн признавался: "Слова, или язык, как они пишутся или произносятся, не играю! никакой роли в моем механизме мышления, — это некоторые знаки или более или менее ясные образы, которые могут быть "по желанию" воспроизведены и комбинированы. Конечно, имеется некоторая связь между этими элементами и соответствующими логическими понятиями... Обычные и общепринятые слова с трудом

[27] Гипотеза лингвистической относительности формулировалась Бенджамином Уорфом следующим образом: "Основополагающая лингвистическая система (другими словами, грамматика) каждого языка является не просто воспроизводящим инструментом для озвучивания идей, скорее она формирователь идей, она формирует и направляет умственную активность индивида, его анализ восприятии и синтез умственных образований. Формулирование вовсе не независимый, строго рациональный процесс, как думали раньше, а продукт данной грамматики и отличается более или менее сильно в зависимости от языка".

подбираются лишь на следующей стадии"[28]. Язык не только не "думает и говорит" за мыслителя, а заставляет его "с трудом подбирать слова". Ясно, что у "лириков" поэтическая функция языка проявляется в полной мере, а для рационалистов — "физиков" эта функция не имеет значения.

2. *Социально-языковые функции*

2а. С о ц и а л ь н о – м н е м и ч е с к а я функция (функция социальной памяти). В значениях слов, в семантике языка концентрируется и сохраняется культурно-исторический опыт народа, пользующегося данным языком. Можно сказать, что в языке выражается "народная душа". Национальный язык — это духовный генофонд народа, подобный генетическому фонду этноса. Поэтому социально-мнемическую функцию называют еще *национально-культурной.* Очевидна связь этой социально-языковой функции с функцией индивидуально-мировоззренческой (функцией 1а).

2б. Э т н о о б р а з у ю щ а я функция обусловлена тем, что национальный (этнический) язык входит в число необходимых конституирующих признаков этноса (народа, нации). Потеря родного языка равноценна утрате этнического самосознания. Отсюда — борьба национальных меньшинств за сохранение родного языка, их протесты против навязывания декретами власти чуждого им "государственного" языка. Язык, как известно, может служить средством "культурного империализма" и колонизации отсталых народов. В международном дипломатическом протоколе устанавливаются языки международного общения, к числу которых до настоящего времени относился русский язык. Но это уже не этническая, а скорее политическая функция.

2в. Н о м и н а т и в н а я функция: естественный язык выступает в качестве источника наименований географических пунктов, промышленных предприятий, фирм, изделий и т. д., прозвищ, псевдонимов, личных имен.

2г. Функция о с н о в а н и я и с к у с с т в е н н ы х я з ы к о в — все искусственные языки — от химических и математических номенклатур до языков программирования и языков международного общения типа эсперанто — вводятся в оборот посредством естественных языков и переводимы на эти языки.

3. *Индивидуально-речевые функции*

3а. М ы с л и т е л ь н а я функция: естественный язык, как уже говорилось, является орудием мышления, а мыслительные процессы происходят в форме внутренней речи (внутриличностной коммуникации). Внутренняя речь служит также для саморегуляции (самоуправления, аутотренинга) личности.

3б. Э м о т и в н а я функция — функция выражения чувств и воли говорящего, демонстрирующая его темперамент, характер, волевые

[28] Эйнштейн А. Письмо Жаку Адамару // Эйнштейновский сборник. М., 1967.— С. 28.

качества, состояние эмоциональной сферы.

Зв. К у л ь т у р н о — н о р м а т и в н а я функция. Исторически сложившийся национальный (общенародный) язык существует в следующих формах: литературный язык, народно-разговорная речь, территориальные диалекты, социальные диалекты (терминологические системы, жаргоны, кастовые языки). Эти языковые формы выступают как нормы речевой деятельности в различных социальных ситуациях. Однако культурно-нормативная функция присуща только литературному языку. Степень владения литературным языком — показатель культурного уровня (образованности) человека. Отступление от литературных нормативов в публичных выступлениях воспринимается как культурная ущербность, как "серость".

Однако не следует абсолютизировать нормативное значение литературного языка, ибо в некоторых социальных ситуациях уместны иные речевые нормы. Так, когда академику И. П. Бардину задали вопрос: "Как он говорит: киломЕтр или килОметр?" - он ответил: "Когда как. На заседании Президиума Академии - киломЕтр, иначе академик Виноградов морщиться будет. Ну, а на Новотульском заводе, конечно, килОметр, а то подумают, что зазнался Бардин". Здесь интересна и другая сторона специфический характер санкций группы[29].

4. *Социально-речевые функции*

4а. Р е г у л я т и в и а я ф у н к ц и я — управляющая сила слова. В. Шефнер как-то писал:

> Словом можно убить, словом можно спасти,
> Словом можно полки за собой повести...

Он совершенно нрав. Общеизвестны факты влияния слова на физиологические и психологические процессы; вспомним внушение, заражение, гипноз. Как сказал бы И. П. Павлов, вторая сигнальная система влияет на жизнедеятельность человеческою (и только человеческого!) организма наряду с первой сигнальной системой, присущей животным.

46. М а г и ч е с к а я функция. Речевая способность издавна казалась людям великим даром богов, требующим осторожного и бережного отношения. Таинственная связь усматривается мифологическим сознанием между объектом и его именем, на что многократно указывали исследователи первобытных обществ Л. Леви Брюль, Б. Малиновский, Дж. Фрэзер. Библейский Бог, как известно, творил мир словами, именуя порождаемые вещи (В начале было Слово...). Нечто подобное есть в индийских "Ведах" и мифах других народов. Неуместное употребление имени некоторого существа или названия предмета, — верят до сих пор некоторые люди, — может иметь трагические последствия. Магическое слово, по их мнению, заклинает, заколдовывает, заговаривает, исцеляет и

[29] Основы теории речевой деятельности. - М., 1974. С'. 307.

напускает порчу.

4в. К о н т а к т н а я функция обеспечивает установление и поддержание контакта между людьми. Обмен приветствиями, разговор о погоде, о транспорте и т. п. — необходимые составляющие повседневного общения. Бессодержательная болтовня предпочитается в европейской культуре угрюмому молчанию. Правда, в других культурах встречаются иные обычаи. Так, у североамериканских индейцев допускается прийти к соседу, молча покурить полчаса и уйти.

Перечисленные 12 конкретных функций языка и речи нетрудно дополнить, но в этом нет нужды. Они следующим образом распределяются между собирательными коммуникативной и познавательной функциями:

коммуникативная функция охватывает 16, 2а, 26, 2в, 2г, 36, Зв, 4а, 46, 4в, т.е. 10 функций из 12;

познавательными, имеющими определяющее значение для индивидуальной духовной деятельности, являются 1а и За — мировоззренческая и мыслительная функции.

Естественный язык глубоко укоренен не только в психологической жизни человека, но и в духовной жизни общества. Естественный язык служит основой всякой смысловой коммуникации, ибо замысел сообщения созревает в среде естественного языка (внутренняя речь) коммуниканта, а понимание сообщения не обходится без оперирования словами. Основное содержание любого сообщения может быть выражено па естественном языке, хотя в случае музыки, танца, изобразительного искусства эта интерпретация не обходится без существенных потерь. Однако нельзя не согласиться с В. Гавелом: "Если бы слово не было средством коммуникации между двумя и более человеческими "я", общество вероятно вообще бы не существовало"[30].

2.2.2. Вербальный и невербальный каналы

Коммуникативная функция естественного языка реализуется в устной и письменной речи. Устная речевая деятельность осуществляется посредством вербального канала. Обычно вербальную коммуникацию представляют в виде элементарной схемы, где имеются: говорящий (источник речи) — речевое сообщение — слушающий (приемник речи). Психологические исследования показали, что на самом деле картина не столь проста[31].

Речевая деятельность осуществляется абстрактно мыслящим левым полушарием головного мозга, где расположены "центры речи". Это полушарие считается "говорящим". Правое полушарие не участвует в речевой деятельности, т.к. не способно воспринимать словесные смыслы,

[30] Гавел В. Слово о слове // Всемирное слово. 1991. N 1. С. 3.

[31] Морозов В. Н. Невербальная коммуникация: экспериментально-теоретические и прикладные аспекты // Психолог, журн. — 1993. — Т. 14. N 1. — С. 18—31.

но зато оно реагирует на внелингвистические, невербалъные сигналы. Оказывается, что вербальный канал всегда работает параллельно с невербальным, речь и жестикуляция взаимосвязаны и дополняют друг друга. Стало быть, устная коммуникация — коммуникация двухканальная, а если учесть каналы обратной связи, то четырехканальная (см. рис. 2.2).

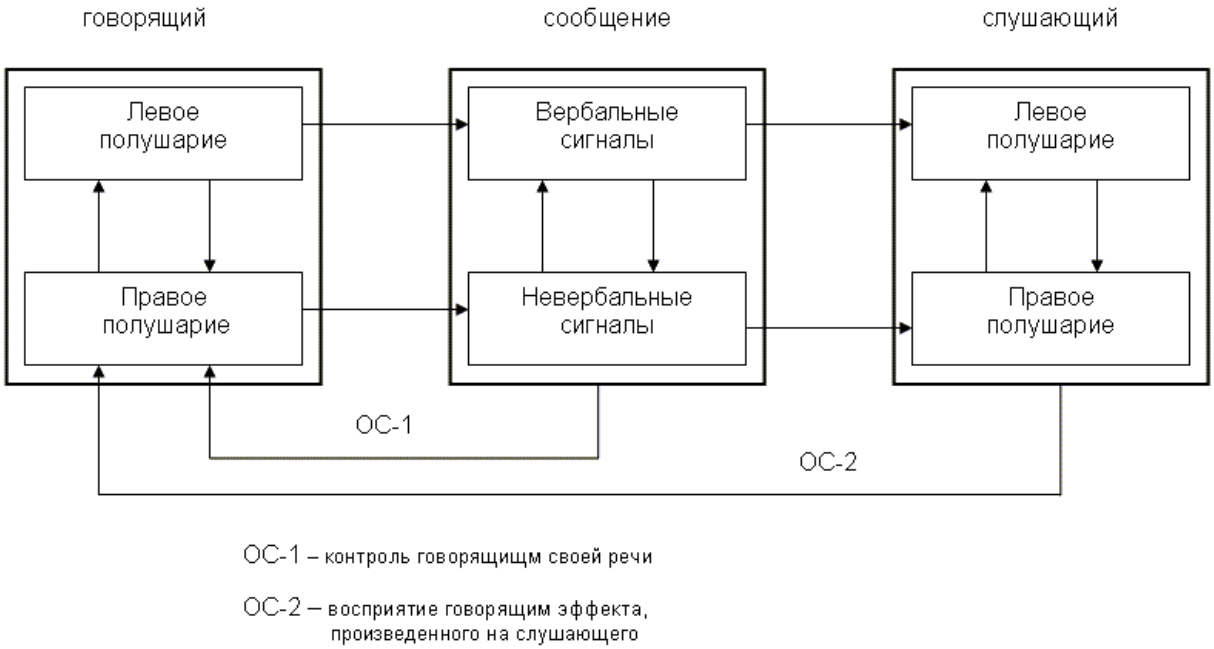

Рис. 2.2 Схема устной коммуникации

Благодаря сочетанию вербальных и невербальных каналов достигается наибольшее взаимопонимание собеседников. П. Л. Капица писал: "... большинство из нас по своему опыту знает, как необходим личный контакт между людьми при согласовании творческой деятельности. Только когда видишь человека, видишь его лабораторию, слышишь интонацию его голоса, видишь выражение его лица, появляется доверие к его работе и желание сотрудничать с ним. По этой же причине никакой учебник не может заменить учителя"[32]. Фридрих Шиллер, в свою очередь, заметил: "Из слов человека можно только заключить, каким он намерен казаться, но каков он на самом деле, приходится угадывать по его *мимике* и ужимкам при высказывании слов, — по тем, стало быть, движениям, которые он делает нехотя"[33] .

Первые исследования невербальных средств воздействия на аудиторию принадлежат античным ораторам. Цицерон в трактате "О произношении" уделил большое внимание использованию голоса и телодвижений во время публичных выступлений. Чарльз Дарвин специально изучал средства выражений эмоций у человека и животных и нашел, что людям свойственны врожденные, биологически наследуемые средства, такие как смех, улыбка, плач, дрожь от страха, холодный пот,

[32] Капица П. Л. Эксперимент, теория, практика. М., 1977.—С. 270

[33] Энциклопедия мысли. — М., 1994. — С'. 243.

румянец смущения, нахмуривание бровей и др. Но есть и социально обусловленные невербальные знаки: покачивание головы как знак отрицания, пожимание плечами для выражения недоумения, складывание ладоней при убедительной просьбе и пр. Он заметил также, что мимика и жесты всегда сопровождают живую речь, придавая "живость и энергию высказанным нами словам. Они обнаруживают мысли и намерения других людей более точно, нежели слова, так как в словах возможна ложь"[34]. Исследования невербального общения продолжаются до сих пор, и по мнению современных ученых, в межличностной коммуникации 60-7-% эмоционального значения передается невербальными средствами и лишь остальное – за счет осмысленной речи.

В языкознании выделилась *паралингвистика* ("пара" – греч. около) – лингвистическая дисциплина, занимающаяся изучением факторов, сопровождающих речевое общение, включая внелингвистические средства[35]. В область паралингвистики было включено оперирование любыми знаками в процессе коммуникации от знаковости походки до цвета лица, ритма дыхания и др. Было замечено, что использование невербальных знаковых средств позволяет отказаться от развернутых высказываний и вместе с тем добиться однозначности. Например:

- Где Иван Антонович, - спросил Чичиков. Чиновник указал глазами в угол.

Задачей паралингвистики, как лингвистической дисциплины является изучение свертывания речевых высказываний в условиях реальной микрокоммуникации и развертывание (декодирование) паралингвистических средств. Большой интерес вызывают национальная обусловленность паралингвистики, сознательные и бессознательные паралинвистические действия.

Имеется большое количество описаний традиционных жестов (этнографических жестов), бытующих у разных народов. Эти жесты, подобно естественному языку, укоренены в культуре, поэтому при изучении иностранных языков рекомендуется осваивать также их кинесическое (жестовое) сопровождение. Образовалось даже семиотическое учение о *кинемах* (движениях, имеющих смысл), получившее название *кинесика.* Кинесика установила, к примеру, национальное своеобразие походки, манеры общения, позы стояния и т. п. Парадный шаг американских, британских, немецких войск демонстрирует это своеобразие: американцы свободно сгибают колено, британцы делают это в незначительной степени, а немцы свой "гусиный шаг" выполняют прямыми ногами. Кстати сказать, походка выдает не только национальные, но и социальные различия: так, походка И. Смоктуновского в фильме "Девять дней одного года" воспринималась как типичная для физиков молодого поколения.

Большое, иногда экзотическое разнообразие имеется в кинемах отрицания и согласия. На Цейлоне принят следующий знак согласия:

---

[34] Дарвин Ч. Выражение душевных волнений. СПб, 1895. С. 220.

[35] Колшанский Г.В. Паралингвистика. – М., 1974. – С. 6.

подбородок дугообразно движется налево вниз; задняя часть правой руки накладывается на повернутую кверху ладонь левой руки; при этом — приседание на скрещенных ногах. Очень разнообразны приветствия: в Латинской Америке мужчины приветствуют друг друга стереотипными объятиями, держа голову над правым плечом приветствуемого, затем после трех шлепков по спине, голова переносится на другое плечо и следуют еще три шлепка.

Многозначны кинемы высовывания языка. У нас — это грубый жест насмешки и презрения, у других народов — жест удивления, жест замешательства (небольшое высовывание и оттягивание языка), жест извиняющегося самоосуждения. В Индии сильно вытянутый язык богини Кали означает небопотрясающую ярость; в Тибете высунутый язык — знак уважения; в Новой Каледонии у древних статуй предков, вырезанных на домах, высунутый язык означает мудрость, силу и изобилие, так как язык передает во внешний мир все доброе, что несет в себе слово.

Общепринятые кинемы вежливости и уважения — поклоны, реверансы, книксены, но есть и специфические жесты. В Индии и Океании почтение к старшему выражают тем, что садятся, а в Европе встают. В Древнем Риме полагалось прятать руки в одежде в присутствии старших. И сейчас, когда кардиналы приближаются к папе, чтобы оказать ему почести или принять шляпу, они оборачивают руки своими мантиями. Ясно, что именно этнографические кинемы послужили основой для этикета и церемониала.

Обобщая, можно сказать, что невербальный канал обладает следующими паралингвистическими средствами:

— *просодия* — система вокализации речи — тон, интонация, темп, ритм, громкость произнесения речи;

— *экстралингвистика* — эмоциональное звуковое сопровождение — смех, плач, паузы, покашливание, звукоподражание;'

— *мимика* (выражение лица) — улыбка, испуганное, растерянное, веселое, грустное выражение;

— *пантомимика* (выражение тела) — позы, движение в пространстве (кинесика, язык жестов);

— *проксемика* — размещение партнеров друг относительно друга, дистанция между ними.

К паралингвистике примыкает *темпоральная семиотика* — отношение к времени. У одних народов заблаговременное приглашение в гости понимается как проявление уважения и вежливости, у других приглашать нужно накануне, потому что время планируется в пределах 1—2 дней. У одного народа опоздание воспринимается как признак неуважения ("точность — вежливость королей"), у другого своевременный приход есть знак подобострастия, униженности.

Иногда под экстралингвистикой понимают соотношение культуры и языка, взаимодействие общества и языка и т. п.; в этом случае экстралинвистика выходит за пределы паралингвистики.

Современные исследователи подтвердили наблюдение Ф. Шиллера,

Ч. Дарвина и других проницательных людей, что невербальные реакции менее контролируемы и выдают действительные помыслы говорящего более откровенно, чем произносимые слова. Это объясняется тем, что невербальные сигналы обрабатываются на подсознательном уровне правым "чувствующим" полушарием головного мозга, а речевые высказывания — левым "абстрактно" мыслящим полушарием. Импульсы подсознания нельзя подделать, поэтому они "правдивее" осознанной речи.

Бестселлером, изданным во многих странах, стала книга Аллана Пиза "Язык жестов (что могут рассказать о характере и мыслях человека его жесты)". В книге говорится о методах расшифровки невербального сопровождения речевых сообщений, приводятся характерные позы, запомнив которые, можно определить, когда собеседник говорит правду или неправду, внушить ему доверие, сохранить лидерство в переговорах и т. п. Очевидно, что предписание светского этикета, церемониал, хорошие манеры — это правила пользования невербальным коммуникационным каналом.

Однако не следует идеализировать выразительные возможности невербальных средств общения. Как правило, они являются дополнительными к речевому сообщению (правда есть исключения: язык глухонемых и тайная жестикуляция). Они хорошо служат для выражения эмоциональных состояний коммуниканта или реципиента, но не пригодны для передачи абстрактных понятий и смысловых нюансов, имеют примитивную "мешочную" грамматику, трудоемки в исполнении, требуют повышенного внимания при восприятии, не обладают алфавитом для записи.

Именно последнее преимущество вербальной коммуникации — возможность составления письменных текстов — обусловило развитие документальных коммуникационных каналов, ставших характерным отличием цивилизованных народов от варварских племен.

2.2.3. Коммуникационные отношения

В заключение раздела I был сделан вывод, что коммуникационная деятельность представляет собой *общественное* отношение между осуществляющими ее людьми. Теперь конкретизируем этот вывод применительно к 1) устной микрокоммуникации и 2) массовой макрокоммуникапии.

Коммуникационные отношения в любом случае представляют собой социальные и психологические отношения между коммуникантами и реципиентами. *Социальные отношения* определяются, во-первых, социальными ролями (статусами) общающихся людей, во-вторых, коммуникационной ситуацией — обстоятельствами, при которых происходит коммуникация. *Психологические отношения* зависят от взаимного восприятия партнеров, их понимания, доверия или, напротив, враждебности друг к другу. В зависимости от социальных и психологических отношений формируется круг обсуждаемых тем

(тематика сообщений), тональность и стилистика речи.

Понятие социальных ролей используется в современной функционально-структурной социологии, где разработана особая *теория ролей.* В свете этой теории всякое общество имеет ролевую структуру, состоящую из взаимосвязанных социальных статусов (позиций), дающих определенные права (привилегии) и накладывающих обязанности исполнять ту или иную деятельность (ролевая деятельность) по общественно одобренным образцам (ролевые предписания). От человека, занимающего данное место в ролевой структуре, ожидается строгое следование ролевым предписаниям, что накладывает характерный отпечаток на его образ жизни в целом и на коммуникационную деятельность в частности. Именно на основании ролевой деятельности в обыденном сознании формируются образы "учителя", "врача", "начальника", "чиновника" и пр., многократно запечатленные в художественной литературе.

В межличностной микрокоммуникации коммуниканты и реципиенты предстают друг перед другом как носители присущих им социальных ролей, но эти роли имеют разное значение в зависимости от ситуации, в которой осуществляется коммуникация. Различаются стандартные и нестандартные коммуникационные ситуации. *В стандартных* ситуациях заданы заранее иерархия ролей и нормы отношений между исполнителями разных ролей. В официальных структурах общества, где действуют служебные отношения, явно или неявно регламентированы и тематика, и форма сообщений. Хрестоматийный пример — уставное армейское общение; столь же предсказуемы коммуникационные ситуации тила "учитель — класс", "врач — пациент", "продавец — покупатель" и др. *Нестандартное* общение практикуется в неофициальной обстановке (семейной, дружеской), когда отбрасывается иерархия социальных ролей и вступают в силу неформальные межличностные симпатии и авторитеты.

Социальные отношения (роли, ситуации) складываются независимо от воли и намерений людей, это принудительно действующие нормативы, регулирующие коммуникационную деятельность. Другим регулятором, только не объективным и надличностным, а субъективно-личностным, являются психологические отношения. Коммуникант и реципиент контактируют друг с другом в процессе устной микрокоммуникации как чувствующие и мыслящие субъекты. Коммуникационная ситуация осознанно и бессознательно переживается участвующими в ней людьми.

Осмысленное переживание коммуникационной ситуации включает *познание* (восприятие, перцепцию) *коммуникантом и реципиентом друг друга.* Это познание использует этические и эстетические критерии, ситуационные расчеты, привычные симпатии и антипатии. В результате в сознании общающихся людей формируется образ (имидж) друг друга, который может быть привлекательным или отталкивающим, безразличным или волнующим и т. д.

Внешний облик и поведение людей, т.е. имидж — это текст, который может быть расшифрован и прочитан, правда, разные люди по-разному

прочитывают этот текст, поэтому имеются разные, порою противоположные, мнения об одном и том же человеке. Большое значение имеет коммуникационная ситуация: являются ли люди равноправными партнерами, делающими общее дело, или они находятся в отношениях начальник — подчиненный и др.

Для понимания собеседника и вообще — другого человека немалое значение имеет воображение и интуиция. Чтобы веселиться чужим весельем и сочувствовать чужому горю, нужно мысленно, посредством фантазии, перенестись в положение собеседника. Встречаются люди, обладающие способностью интуитивно проникать во внутренний мир другого человека. К сожалению, этим даром обладают далеко не все люди, поэтому коммуникационная деятельность затрудняется *межличностным барьером,* существующим между людьми, несмотря на близость их социально-демографических характеристик (возраст, пол, образование, образ жизни и пр.) В чем суть этого барьера?

Коммуникант обладает: а) самосознанием, т. е. представлением о собственном имидже, б) имиджем партнера, т. е. представлением о его целях, возможностях, потребностях, способностях, интересах и т. д. Таким образом в сознании коммуниканта складываются:

собственный имидж $Я^К$

имидж реципиента $Р^К$.

В сознании реципиента, в свою очередь, образуются:

собственный имидж $Я^Р$

имидж коммуниканта $К^Р$

В случае межличностного общения имеет место следующая ситуация: коммуникант говорит в качестве $Я^К$ обращаясь к $Р^К$, реципиет отвечает ему как $Я^Р$ и адресуется при этом к $К^Р$ (см. рис. 2.3.). Ск и Ср - сообщения которыми обмениваются К и Р.

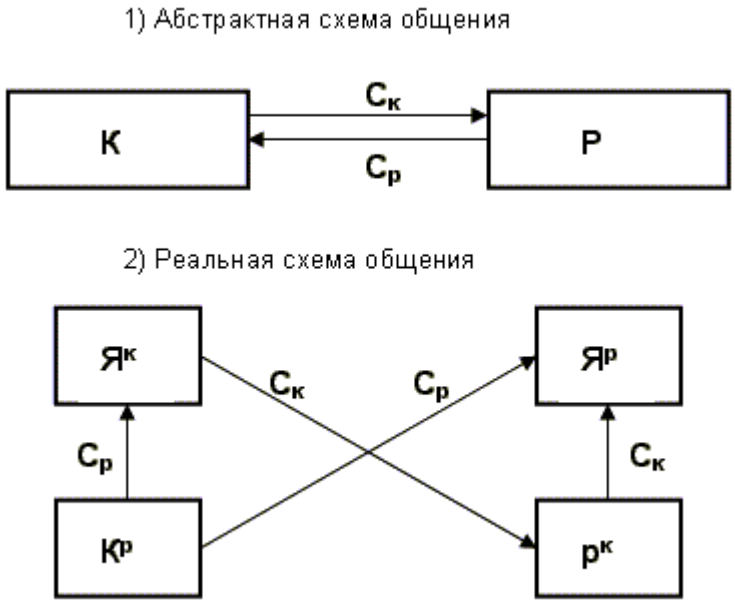

Рис. 2. 3. Абстрактная и реальная схемы общения

Ясно, что в реальной жизни $Я^{к}$ и $К^{Р}$, так же как $Я^{Р}$ и $Р^{К}$ не совпадают, а в лучшем случае имеют сходство. Коммуниканту трудно предугадать его имидж в сознании реципиента и наоборот. Ясно также, что добиться устранения субъективизма невозможно, следовательно, межличностный коммуникационный барьер неустраним. Этот барьер возникает не только при межличностном диалоге, но и в случае управления и обслуживания, — при любой коммуникационной деятельности, кроме подражания. (При подражании действует схема $К^{Р}$ — Ср — $Я^{Р}$).

Значение учета межличностного барьера проиллюстрируем примером. Если оратор (К) имеет неверное представление о себе ($Я^{К}$ — искаженный имидж), о слушателях ($Я^{Р}$ — также искажен), а главное, о том, как его воспринимают слушатели (имидж $К^{Р}$), то его обращение к аудитории $С_{К}$ не будет воспринято аудиторией и повиснет в воздухе. Та же ситуация — в случае учебного процесса.

Образы и имиджи людей, формирующиеся в процессе коммуникации, зависят от явления *проекции,* т.е. переноса собственных психических состояний и качеств на партнера.

Все исследователи, наблюдавшие явления проецирования при формировании мнения о другом человеке, отмечают, что тенденция приписывать собственные качества или собственные состояния другим людям особенно выражена у лиц, отличающихся слабой самокритичностью и малым проникновением в собственную личность. Эта тенденция в очень большой степени характерна для "авторитарного" типа личности и почти не обнаруживается у "демократического" типа.

Оценка другого человека зависит от таких качеств оценивающего, как степень его уверенности в себе, присущее ему отношение к другим людям и связанная с этим отношением всегда имеющаяся у него (но не всегда осознаваемая) "теория личности". Уверенные в себе люди часто оценивают других людей как доброжелательных и расположенных к ним, и наоборот, лица не уверенные в себе, воспринимают других с опаской, подозревая их в холодности и враждебности. Несомненно влияние предварительно полученной информации о человеке-партнере, которая формирует положительную или, напротив, отрицательную установку у оценивающего.

Коммуникационные отношения, присущие массовой макрокоммуникации, во многом отличаются от описанных выше отношений, свойственных межличностной микрокоммуникации. Эти отличия обусловлены механизмом массовой макрокоммуникации, заключающемся в том, что во-первых, массовый коммуникант обращается к реципиенту не непосредственно, а опосредованно, при помощи *технических средств* (пресса, радио, телевидение, кино); во-вторых, формой коммуникационной деятельности является *управление,* а субъект-субъектное общение, обмен ролями между коммуникантом и реципиентом — исключаются; в-третьих, сообщение транслируется лишь в одном направлении в жанре *монолога.*

Поэтому имеет место *фиксированность* социальной роли и

коммуникационной ситуации и относительная *стабильность* психологического отношения реципиента к массовому коммуниканту при значительном расхождении во мнениях между отдельными реципиентами. С' точки зрения теории социальных ролей все средства массовой коммуникации выполняют одну и ту же роль — роль социального коммуниканта, причем реализуется лишь одна стандартная коммуникационная ситуация в зависимости от технических средств: "газета — читатель", "радио— слушатель", "кино (телевидение) — зритель".

Массовый коммуникант не является отдельной личностью, он представляет собой коллектив, в который входят в общем случае три субъекта: а) попечители — государство, церковь или общественная организация, финансирующая данное средство массовой коммуникации, руководящее его деятельностью и "заказывающее" содержание и форму сообщений; б) издатели — редакция, организованная попечителем, или независимая компания; в) авторы и исполнители, творческие работники, приглашаемые издателями. Между попечителями, издателями и авторами далеко не всегда имеется духовное единство и взаимопонимание.

Поэтому трудно говорить о наличии какого-то "коллективного самосознания". Тем не менее, в сознании массовых аудиторий формируется "имидж" данного социального коммуниканта.

Массовая аудитория, которая выступает в качестве коллективного реципиента массовой коммуникации, отличается следующими свойствами: многочисленностью, исключающей индивидуальный контакт с каждым из слушателей (зрителей, читателей); разнообразием (т. е. разного возраста, пола, социального положения, культурного развития и т. д.); анонимностью, т. е. обезличенностыо. Тем не менее в результате конкретных социологических исследований создается "образ" читателей той или иной газеты, слушателей той или иной радиопередачи и т. д. Поскольку эти "образы", как правило, фрагментарны и неадекватны, можно считать что в сознании издателей и авторов существует имидж $Р^{К}$ (см. рис. 2.3.). Вследствие этого различия создаются предпосылки для возникновения коммуникационного барьера.

Сообщения, распространяемые в письменной или устной форме средствами массовой коммуникации, обладают одним несомненным достоинством: они соответствуют нормам литературного языка, а речь профессиональных дикторов может служить эталоном культуры речи. Другими свойствами массовых сообщений являются: широкая адресность (всем! всем! всем!); симультанность — они оперативно тиражируются и доставляются по разным адресам (не случайно технические средства массовой коммуникации называют "мультипликаторы"); злободневность и быстрая устареваемость в силу вытеснения новыми сообщениями. Разумеется, все эти свойства чужды сообщениям, передающимся в ходе межличностной микрокоммуникации.

Коммуникационные отношения естественным образом обусловливают тональность и стиль, свойственные данному

коммуникационному акту. Различаются следующие *тональности,* распространяющиеся как на микро-, так и на макрокоммуникацию:

— возвышенная тональность, свойственная торжественным, ритуальным и официальным сообщениям;

— нейтрально-обиходная, информационно-фактографическая тональность, используемая в повседневном и деловом общении, а также в информационных сообщениях средств массовой коммуникации;

— художественная декламация, используемая в некоторых передачах радио, телевидения или в кино;

— вульгарная тональность — коммуникация с нарушением этических норм;

— фамильярная тональность — общение с нарушением иерархии ролей.

Коммуникационная ситуация обусловливает *стиль речи* коммуникантов, т. е. тот набор лексических и грамматических средств, который используется коммуникантами. Различаются научный, официально-деловой, публицистический, разговорно-бытовой, художественный стили. Изучением особенностей различных речевых стилей занимается *функциональная стилистика,* входящая в состав лингвистических дисциплин. Главными проблемами этой дисциплины является изучение законов функционирования тех или иных языковых средств в определенных типах коммуникационных ситуаций. Стилистические характеристики и расслоения речи зависят от формы коммуникационной деятельности (общение, управление), от жанра речи (монолог, диалог), от количества участников коммуникации, от личностно-индивидуальных особенностей речевого поведения. При этом учитываются не только вербальные, но и невербальные средства, придающие соответствующую окраску устной коммуникации.

2.3. Документальная коммуникация

Понятие "документ" появилось к научной терминологии к начале XX иска. Основоположник документации как пауки и области практической деятельности Поль Отле (1868-1944) предложил расширить традиционные книжные рамки библиотечного дела и библиографии за счет включения не только журнальных статей, но и газетных сообщений, рекламы, гравюр, фотографий, схем, диаграмм и т.п. Все эти источники информации Отле стал именовать "документами", понимая под документом "все, что графическими знаками изображает какой-либо факт или идею". Ясно, то произведение печати, наряду с первобытной графикой и живописью, охватываются понятием " документ".

Теоретическая мысль отечественных книговедов двигалась в том же направлении, что и мысль документалиста Отле. Правда, они не отказывались от термина "книга", но трактовали ею своеобразно. М. Н. Куфаев (1888 1948) писал: "Книга есть вместилище мысли и слова человека, взятых в их единстве и выраженных видимыми знаками", и

далее пояснял, что книгой можно считать "иероглифы на сфинксах или камнях храма, панируемый свиток, шкуры и т.п., а теперь фонографические валики и грампластинки"[36].

Впоследствии понятие "документ" было расширено еще больше, вплоть до того, что слона в зоопарке стали именовать "документом". Отнесение к документам гербариев и образцов минералов, этнографических экспонатов и исторических реликвий теперь уже общепринято. Таким образом границы документального канала стали плохо различимы, и потребность в достаточно широкой типизации документов сделалась острой. Попробуем удовлетворить эту потребность. Для начала нужно выработать логически строгую дефиницию понятия "документ", ибо метафоры типа "вместилище мысли и слова" выразительны, но мало продуктивны.

Документ это стабильный вещественный объект, предназначенный для использования в социальной смысловой коммуникации и качестве завершенного сообщения. В этом определении учтены следующие отличительные признаки документа:

1. Наличие *смыслового содержания,* поскольку всякое социально-коммуникационное сообщение является носителем смысла; бессмысленные сообщения являются шумами, а не сообщениями.

2. *Стабильная вещественная форма,* обеспечивающая долговременную сохранность документа; "писанное вилами на воде" документом не считается.

3. *Предназначенность* для использования и коммуникационных каналах. Документальный статус может быть придан объектам, первоначально не предназначавшимся для коммуникационных целей. Историко-культурные, этнографические, археологические артефакты признаются документами, так как они несут смысл, который может быть "прочитан", расшифрован, подобно тексту.

4. *Завершенность* сообщения. Этот признак обусловлен предыдущим, т.е. областью использования документа. Незавершенное, фрагментарное сообщение не может быть полноценным документом. Но требование завершенности является относительным, поскольку незаконченные литературные произведения, эскизы, наброски, черновики могут выступать как документы, характеризующие творческий процесс их создателя (писателя, ученою, художника), и в связи с этим приобретают самостоятельную ценность.

Исходя из знаковой формы, разработана следующая типизация современных документов:

1. Ч и т а е м ы е, точнее человекочитаемые документы произведения письменности на естественном языке или искусственных языках.

2. И к о ни ч е с к и е (греч. *икон* - изображение) документы, несущие образы, подобные но форме обозначаемым объектам (картины, рисунки,

[36] Куфаев М.И. Избранное. – М., 1981. С. 42-43.

пиктограммы, фотографии, диапозитивы, кинофильмы, голограммы и т.п.).

3. И д е о г р а ф и ч е с к и е документы, пользующиеся условными обозначениями. В их числе географические карты, поты, чертежи, схемы, гербы, эмблемы, ордена.

Перечисленные три типа документов взаимопроникаемы, поскольку на практике сочетают все три способа записи. Далее их можно подразделить на:

— опубликованные документы, предназначенные для широкою общественного пользования и размноженные с этой целью полиграфическими средствами;

— неопубликованные (непубликуемые) документы, представляющие собой рукопись, машинопись, живопись.

4. *С* и м в о л ь н ы е документы (документы трех измерений) вещественные объекты, выполняющие документальные функции, музейные экспонаты, исторические реликвии, архитектурные памятники.

5. А у д и а л ь н ы е (звучащие, фонетические) документы различные звукозаписи.

6. М а ш и н о ч и т а е м ы е документы — магнитные ленты и диски, оптические диски, перфокарты и перфоленты.

Каждый из типов документов образует один или несколько коммуникационных каналов. Так, читаемые документы делятся на рукописные и печатные, которым соответствуют два разных документальных канала со своими средствами и методами создания и распространения документов. Иконические документы образуют каналы изобразительного искусства, кило, плоских и стереоскопических изображений и т.д.

В практике коммуникационного обслуживания получили распространение термины "первичный документ", "первичный документальный ноток", "канал первичных документов" и - соответственно вторичные документы, потоки, каналы. Поскольку "первичность" и "вторичность" — понятия относительные, зависящие от принятого порядка счета, указанные термины толкуются по-разному разными авторами, и каждое толкование по-своему оправдано. Возможны три точки зрения:

1. *Книговедческая:* первичными документами являются все первоиздания (оригиналы), а вторичными — их переиздания, копии.

2. *Гносеологическая:* первичны документы, несущие не известные ранее факты и концепции, что свойственно научно-техническим отчетам, патентам, диссертациям, научным монографиям, а вторичны — компилятивные публикации, к которым относится учебная, справочная, научно-популярная литература.

3. *Библиографическая:* все произведения письменности и печати, содержание которых не сводится к библиографической информации (библиографическая информация — критерий отграничения библиографических явлений от небиблиографических), относятся к первичным, а библиографическая продукция к вторичным документам.

Так, объектами библиографирования в равной степени служат первоиздания и переиздания, научные монографии и учебники.

Книговедческий и гносеологический подходы не дают оснований для формирования самостоятельных документально-коммуникационных образований, а библиографический подход оказывается продуктивным в этом отношении. Он позволяет выделить *ока уровня* документальной коммуникации:

—п е р в и ч и о - д о к у м е н т а л ь н ы й уровень, на котором представлены все перечисленные выше типы документов с соответствующими каналами; этот уровень — область библиотечной, архивной, музейной деятельности;

— вторично - документальный или д о к у м е н т о г р а ф и ч е с к и й уровень — область библиографической деятельности, использующей рукописные (неопубликованные) библиографические материалы, библиографические издания, библиографические базы машиночитаемых данных. Таким образом, библиография в наши дни имеет дело с тремя документальными каналами: канал рукописей, канал полиграфический и канал машиночитаемых документов. Надо думать, что с развитием электронной коммуникации (см. далее) число библиографических каналов возрастет.

2.4. Электронная коммуникация

Использование электромеханических (телефон, телеграф, ксерокс) или радиоэлектронных (радиовещание, кино, телевидение, видеозапись, электронная полиграфия) устройств в каналах устной или документальной коммуникации не означает преобразование рода коммуникации. Новые коммуникационные средства позволяют более оперативно, надежно, дистанционно, экономично, комфортно обмениваться вербальными и невербальными сообщениями, создавать, хранить и тиражировать документы различных, в том числе машиночитаемых типов. Благодаря этим средствам расширяется сфера традиционных коммуникаций, формируются области, смежные с нетрадиционной электронной коммуникацией, но самой электронной коммуникации еще нет. Почему?

Согласно определению, социальная коммуникация есть движение смысла в социальном времени и пространстве. Устная коммуникация для передачи смысла использует естественные вербальные и невербальные каналы, усиленные, если надо, техническими средствами. Документальные каналы пользуются искусственно созданными (вручную или с помощью машин) материальными объектами, включая изображения, тексты, звукозаписи. Чтобы констатировать появление нового рода социальной коммуникации, нужно, чтобы реализовывались не устные и не документальные способы движения смысла в пространстве и во времени, а какие-то иные.

Отдельная, даже сверхмощная ЭВМ, оборудованная сотнями терминалов в виде персональных компьютеров, это не электронная

коммуникация, а лишь ее прообраз. Электронная коммуникация входит в социальное бытие тогда, когда формируется так называемая *экранная культура.* Последняя трактуется культурологами как "тип культуры, основным материальным носителем текстов которой является не письменность, а "экранность". Эта культура основана не на линейном, т.е. вытянутом в строку, письме, а на временном потоке экранных изображений, который свободно вмещает в себя поведение и устную речь персонажей, анимационное моделирование, письменные тексты и многое другое. Основным признаком экранной культуры, качественно отличающим ее от книжной и приближающим ее к изначальному типу человеческих культур - культуре личного контакта, является динамичный, ежесекундно меняющийся, диалоговый характер взаимоотношений экранного текста с партнером"[37].

Добавим от себя, что главным отличием электронною диалога от межличностной устной коммуникации является не столько опосредованность экраном, которая есть и в случае видеотелефона или промышленного телевидения, не говоря уже о кино, сколько факт общения не с человеком, а с электронной памятью, точнее - со смыслами, находящимися в информационно-логическом пространстве, образованном сетью ЭВМ. Стало быть, социальная намять обогащается новым, отсутствовавшим ранее компонентом. Возникает вопрос о соотношении его с традиционным "бумажным" компонентом, цитаделью которого всегда были библиотеки.

В 60-е годы большое впечатление произвела концепция цивилизационного процесса М. Маклюэна. Маклюэн не без основания связывает ход человеческой цивилизации с прогрессом в области социальной коммуникации. Он выделяет эпоху дописьменного варварства, высшим достижением которой была членораздельная речь. Появление письменности сделало человека рационалистичным и эгоистичным, а индустриальное книгопечатание окончательно разрушило первобытную гармонию между людьми. Распространилось опасное отчуждение членов общества, индивидуальное мышление поработила массовая печатная продукция, которой люди стали доверять больше, чем живому слову. Монополия книги, по мнению Маклюэна, обернулась не только ростом благосостояния промышленно развитых стран, по и социальными и национальными конфликтами, революциями и психическими расстройствами населения. Спасением является электронная коммуникация, которая восстанавливает баланс между разумом и чувствами, преодолевает разобщенность и агрессивность психически деформированных индивидов, в конечном итоге превращает нашу планету в единую "глобальную деревню", пользующуюся благами "гармоничной коммуникации" и высокой культуры. Чтобы достигнуть этою идеальною общества, но мнению М. Маклюэна, нужно сокрушить архаичную и

[37] Прохоров А. А., Разлогов К.Э., Рузин В. Д. Культура грядущею тысячеле-тия // Вопр. философ. 1989. N 6. С. 23.

реакционную "Галактику Гутенберга".

Впрочем, претензии к Гутенбергу предъявляли не только М. Маклюэп, по и другие мыслители. К примеру, В. В. Розанов жаловался: "Как будто этот проклятый Гутенберг облизал своим медным языком всех писателей, и все они обездушились "в печати", потеряли лицо, характер, мое "я" только в рукописях, да "я" всякого писателя"[38].

В 1975 г. с идеей "безбумажною общества" выступил Ф.У. Ланкастер, который в отличие от других футурологов, специально проследил судьбу библиотечного дела в "безбумажном будущем"[39]. Он пришел к выводу, что с развитием электронной коммуникации люди смогут неформально общаться друг с другом и получат свободный доступ к хранилищам информации общественного пользования. Системы искусственного интеллекта предоставят ответы на любые вопросы в удобной для потребителя форме. При распространении "безбумажного" сервиса такого рода нужда в библиотечных фондах пропадет и они "дематериализуются". Библиотечным же работникам предлагается переквалифицироваться в диспетчеров электронных коммуникаций.

В настоящее время, по-видимому, большинством социальных философов и философствующих историков признается правомерность смены индустриальной цивилизации грядущей информационной цивилизацией, первые ростки которой обнаруживаются в Западной Европе, США и Японии уже сейчас. Однако не замечается вытеснение электронными коммуникациями документальных коммуникационных каналов. Эта тенденция, если бы она имела место, была бы нарушением закона ККК — кумуляции коммуникационных каналов, который подтверждается предыдущей практикой человечества. Книжное дело и библиотеки сохранятся в информационном обществе — в этом сомневаться не приходится, но они должны претерпеть существенную технологическую модернизацию и стать одним из пользователей и участников электронной коммуникации.

Выводы

1. В настоящее время существуют три рода материально-технического обеспечения смысловой социально-коммуникационной деятельности: устные, документарные, электронные каналы. Исходным естественным каналом является вербальный капал, основанный на возможностях естественного языка - необходимой предпосылки существования человеческою общества. Одновременно с ним возник канал символьных документов. На базе вербального и символьного каналов сформировались каналы письменных и печатных документов, в наши дни дополненные каналом электронной коммуникации.

2. Существует закон ККК - закон кумуляции коммуникационных

[38] Розанов В. В. Сочинения. — М., 1990. — Т. 2. — С. 197

[39] Ланкастер Ф.У. Возникновение безбумажного общества и последствия для библиотек // Междунар. форум информ. и докум. — 1982. Т. 7, N4. С. 3-10.

каналов, заключающийся в том, что однажды возникшие коммуникационные каналы не отмирают, а модернизируются (обогащаются новыми техническими средствами или включаются в состав новых, более мощных каналов).

3. В социальной памяти современной "бумажной" цивилизации господствует документальная коммуникация, центральное место, которой принадлежит архивам, библиотекам и музеям, выполняющим роль посредника между обществом и его документированной социальной памятью. Кроме того, они участвуют в устной и электронной коммуникациях, превращаясь в своеобразный "коммуникационный перекресток".

3. ИНФОРМАЦИОННЫЙ ПОДХОД К СОЦИАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Предыдущие два раздела посвящены описанию *объекта* теории социальной коммуникации, который существует в объективной реальности, независимо от теоретика-исследователя. Этот объект образуют различные коммуникационные процессы, явления, средства, коммуниканты, реципиенты, коммуникационные службы, кратко охарактеризованные выше. Однако сколь угодно детальное описание объекта еще не теория. Теоретическое познание начинается тогда, когда исследователь анализирует объект и определенном аспекте, обусловленном применяемым им методологическим подходом[40]. Реальный объект, взятый в одном из аспектов, образует *предмет* теории. Пользуясь методологическим подходом, теоретик пытается выявить скрытые и существенные закономерности, свойственные данному предмету. Если используется один методологический подход, и объект раскрывается в каком-либо одном аспекте, то имеет место частная (конкретная) теория.

[40] Методологический подход - совокупность научных методов, основанных на достаточно широкой научной категории. В современной науке широко используются системный, информационный, деятельностный, вероятностно-статистический подходы, базирующиеся на общенаучных категориях "система", "информация", "деятельность", "возможность". Можно сказать, что методологический подход - это способ видения реальной Действительности через призму научной категории (универсалии).

Если применяется несколько подходов и объект рассматривается многоаспектно, теория получает статус обобщающей (интегральной).

Теория социальной коммуникации, имеющая и качестве предметов социально-коммуникационную деятельность, социальную намять и взаимодействие между ними, является обобщающей теорией, использующей ряд общенаучных методологических подходов. Задача последующих разделов курса многоаспектное раскрытие предметов теории социальной коммуникации посредством различных методологических подходов. Наиболее распространенным и, вместе с тем, наиболее сложным является информационный подход к социальной коммуникации, для понимания которого необходимы усилия абстрактного мышления и чуждый легковерию здравый смысл.

3.1. Концепции информации в современной науке

Еще в прошлом веке термин "информация" производился от предлога "ин" - в и слова "форма" и трактовался как нечто упорядочивающее, оформляющее. Тогда "информатором" называли домашнего учителя, а "информацией" учение, наставление. Теперь значение слова "информация" значительно расширилось и, согласно справочной литературе, приобрело следующие смысловые варианты:

1) сведения, сообщения о чем-либо, которыми обмениваются люди;

2) сигналы, импульсы, образы, циркулирующие в технических (кибернетических) устройствах;

3) количественная мера устранения неопределенности (энтропии), мера организации системы;

4) отражение разнообразия в любых объектах и процессах неживой и живой природы. Но эти смыслы вовсе не исчерпывают ответа на вопрос "что такое информация?".

Информация проникла в терминологию почти всех современных наук и по этой причине признается общенаучной категорией. Бытующие в разных науках трактовки информации столь несовместимы, что невольно закрадывается сомнение: не миф ли информация?[41] Единственная формулировка, с которой все согласны, принадлежит Н. Винеру, который в 1948 году написал: информация есть информация, а не материя и не энергия...[42], но что же на самом деле суть информация, так и не сообщил.

Проблема информации привлекла внимание отечественных философов, которые с 60-х годов дискутируют вокруг этой проблемы. Наиболее авторитетными в нашей философской науке считаются так называемые атрибутивная и функциональная концепции. Обе концепции,

[41] Блюменау Д. И, Информация: миф или реальность? // Научио-технич. информация. Сер. 2. — 1985. — N 2. — С.I—4.

[42] Винер Н. Кибернетика или управление и связь в животном и машине. — 2-е изд. - М., 1968. - С. 201.

утверждают, что информация существует в объективной действительности, но расходятся по поводу наличия ее в неживой природе. Первая рассматривает информацию как атрибут, присущий всем уровням материи, вторая — как функциональное качество самоуправляемых и самоорганизуемых, т. е. кибернетических систем. Рассмотрим более подробно содержание концепций информации.

3.1.1. Существенное затруднение, с которым сталкивается *атрибутивная концепция,* заключается в отсутствии критерия разграничения отражательных и информационных явлений, поскольку и те, и другие объяв-ляются имманентным свойством материи. Следствием этого оказывается отождествление отражения и информации в предлагаемых дефинициях. Так информация определяется как содержание (сущность) отражения, основная грань (сторона, аспект) отражения, инвариант отражения, отраженное разнообразие, наконец, способ существования одной системы через другую. Так как сущность заключена прежде всего в содержании и качественной определенности объекта, то информационные процессы оказываются сущностыо отражательных процессов, а отражательные процессы — проявлением информационных. Поскольку информация - сущность отражения, то дефиниции обоих понятий совпадают. Если вспомнить, что отражение в свою очередь трактуется как содержание (грань, аспект) взаимодействия, то информация оказывается содержанием содержания и гранью граней.

Один из первооткрывателей проблематики информации в отечественной философии А. Д. Урсул, выдвинувший формулировку "информация есть отраженное разнообразие", видит отличие информации от отражения в том, что "информация включает в себя не все содержание отражения, а лишь аспект, который связан с разнообразием, различием", а отражаться может не только разнообразие, но и однообразие. Что такое "отраженное однообразие"? Многие авторы, в том числе и А. Д. Урсул, понимают отражение как "воспроизведение свойств, сторон, черт, составляющих содержание отражаемого объекта". Однообразие потому и называется однообразием, что оно никакими отличительными свойствами, сторонами и чертами не располагает. Если только не уподобляться схоластам, ухитрявшимся различать четыре сорта вакуума, то следует признать, что "отраженное однообразие" — это пустой образ, бессо-держательное отображение. Отражение всегда есть воспроизведение разнообразия, поэтому информация, понимаемая как отраженное разнообразие, есть отражение (отображение, образ) и ничего более. К этому же выводу приходим, если информация сводится к "способу существования одной системы через другую". Таким способом может быть лишь сохранение отражаемого в отражающем, например, в памяти.

Далее. Безнадежно запутывается вопрос о соотношении теории отражения и теории информации (не математической, а общей).

Предмет первой объективно существующие отражательные

процессы[43], предмет второй - информационные процессы, которые атрибутивная концепция объявляет содержанием (сущностью, инвариантом и т. п.) первых. Совершенно непонятно, каким образом одна теория может изучать содержание предмета другой теории, не подменяя собой последнюю.

3.1.2. В рамки атрибутивной концепции обычно вписывается "естественно-научная" трактовка информации, ставящая ее в один ряд с категориями вещества и энергии. Эта трактовка воспринята многими научными авторитетами, в том числе А.И. Бергом, В.М. Глушковым, А.П. Ершо- вым, В.И. Сифоровым, Принципиальное отличие ее от атрибутивной концепции состоит в том, что в ней затруднительно обнаружить взаимосвязь отражения и информации, зато ясно просматривается тенденция к отождествлению информации с организацией. Информация выглядит уже "естественно-научным подтверждением" не столько присущего материи свойства отражения, сколько свойства организации. Формула "материя = вещество + энергия + организация" вытесняется формулой "материя = вещество + энергия + информация". Следствием подобных взглядов является своеобразный "панинформизм", выводы о том, что информация "существовала и будет существовать вечно", что она "содержится во всех без исключения элементах и системах материального мира", "проникает во все "поры" жизни людей и обществ" и т. д. Из панинформизма вытекает, что информация в качестве одной из трех основ мироздания, должна служить первопричиной таких свойств материи, как отражение и организация. Значит, отражение нужно объяснять из информации, а не наоборот, как поступают атрибутивисты. Другой крайностью "панинформизма" является информационный гносеологизм, следующим образом объясняющий познавательные процессы. Так как "всякую комбинацию частиц, веществ или умственных конструкций можно считать кодом "чего-то", следовательно, все, что окружает, есть в каком-то смысле информация"[44]. Познание сводится к декодированию информации, которая "внесена и закреплена" в анатомии животного или в структурах нейрофизиологического характера, в микроскопических или субмикроскопических особенностях клеточного ядра, короче — в познаваемых объектах. При этом ощущение трактуется как результат превращения внешней информации во внутреннюю, материальной в идеальную. В общем, чувственное и рациональное познание, опыт, интуиция, выявление сущности вещей и событий, попытки истолкования "текста книги природы" — все это частные случаи декодирования

[43] Как показывают капитальные советско-болгарские труды, в предметное поле теории отражения попадают все области наук и социальной практики, все уровни организации материи, псе проблемы познания и сознания. См.: Ленинская теория отражения и современность. — М.; София, 1969; Ленинская теория отражения и современная наука. София, 1973. Т. 1—3; Ленинская теория отражения в свете развитая науки и практики. — София, 1981. Т. 1—2. 94

[44] Дружинин В. В., Конторов Д. *С.* Проблемы системологии. М., 1976.—С.58.

информации "о чем-то", запечатленной в окружающей действительности.

Популяризаторы и фантасты не могли обойти своим вниманием панинформизм. Появилось описание страны "Инфория", где информация выращивается на полях, из брикетов информации строятся дома, питаются не хлебом, а информацией, ибо хлеб — не что иное, как "порция информации для желудка, для нервных клеток, для кишечника и в конечном счете — для всего организма"[45].

Забавляясь игрой ума вокруг уравнений энтропии, негэнтропии, информации, некоторые авторы не замечают курьезности рассуждении о том, что камень на вершине горы обладает большей информированностью, чем камень у ее подножия, ибо энтропия первого меньше; что "атом это в высокой степени информированная система... Ведь каждый электрон в точности знает, какие состояния для него разрешены, а какие запрещены"[46]. Как тут не вспомнить классического гилозоиста Жана-Батиста Робине, уверявшею в XVIII веке доверчивую публику, что алмаз "обладает внутренним сознанием своего превосходства" над другими веществами, золото "знает" о своем "почете" у людей и т. п.

3.1.3. Ф у п к ц и о и а л ь н а я концепция информации представлена двумя разновидностями: *кибернетической,* утверждающей, что информация (информационные процессы) есть во всех самоуправляемых (технических, биологических, социальных) системах и *антропоцентрической,* считающей областью бытия информации человеческое общество и человеческое сознание.

3.1.3.1. Кибернетики, в свою очередь, довольно отчетливо подразделяются на две группы. Одну группу образуют практически мыслящие специалисты, которые, определяя информацию как содержание сигнала или сообщения, как обозначение содержания, полученного кибернетической системой из внешнего мира, как означающее нечто воздействие, несущее в себе след какого-то факта или события, по сути дела попросту отождествляют информацию и сигнал, ибо сигнал не может не иметь значения, а информация не может не иметь материального носителя. "Сигнальная" трактовка информации вполне оправдывает себя в конкретных науках, особенно, в информационной технике. "Сигнал" и "информация" превращаются в синонимы, и можно было бы обойтись одним из них, как поступил, к примеру, И.П. Павлов, говоривший о сигнальных, а не информационых системах.

Другая группа состоит из философствующих кибернетиков, склонных к "панинформистскому" мировоззрению. Представители этой группы усматривают информацию не только в форме свободно распространяющихся сигналов, но и в форме свойственных материальным объектам структур (связанная, потенциальная, априорная, внутренняя информация, информация в себе). В отличие от свободной (актуальной)

---

[45] Михановский В. Страна Инфория // Альманах научной фантастики. — Вып. 10. — М., 1971. — С. 99—109.

[46] Шилейко А.В., Шилейко Т.И. Информация или интуицня. М., 1983. — С. 120

информации, информация "связанная" не способна самостоятельно переходить на другие носители; именно она представляет собой то закодированное "нечто", которое пытаются извлечь "информационные гносеологи".

Кстати, несовместимость атрибутивной и функциональной концепций ясно проявляется, если соотнести понятие "связанной" информации с формулировкой "информация - отраженное разнообразие". "Связанная" информация есть не что иное, как разнообразие, свойственное данному объекту. Тогда выходит: "информация — отраженная разновидность информации".

Функционально кибернетическая концепция страдает тем же недугом, что и концепции, рассмотренные в пунктах 3.1.1 и 3.1.2, только она отождествляет информацию не с отражением или организацией, а с сигналом или структурой. Собственно информация остается столь же неопределенной сущностью, что и ранее. Тем не менее, с помощью одного неизвестного предпринимаются попытки объяснить другое неизвестное и тем самым разрешить принципиальной важности философские проблемы, например, проблему жизни и проблему идеального.

Многие авторы считают информационные процессы органическими качествами живых систем, отличающими их от неживой природы, непременной субстанцией живой материи, психики, сознания. "Специфика жизни связана с наличием информации, с помощью которой через особого рода регуляцию обеспечивается процесс функционирования системы"[47]; "Жизнь — это способ существования органических систем, основанный на использовании внутренней информации"[48] и т.п. Информация выступает в качестве универсальной "жизненной силы", управляющей метаболическими процессами в живых существах (бытует еще термин "информационный метаболизм"), организующей отражение среды и адаптацию к ней, обеспечивающей хранение и передачу наследственных признаков, формирующей популяции, биоценозы, биосферу в целом[49], наконец, определяющей биологическую эволюцию.

Объяснение появления и эволюции жизни как перехода от неинформационных систем к информационным с последующим развитием последних внушало бы доверие, если бы подкреплялось убедительной трактовкой информации. Но этого нет. Авторы информационных теорий жизни характеризуют ее довольно сбивчиво как "свойство материальных систем", "меру организации", "воспроизводящую структуру"[50], "существование явлений в несвойственной их природе материальной

---

[47] Югай Г. А. Общая теория жизни (диалектика формирования). 1985. — С. 174.

[48] Серавин Л. Н. Теория информации с точки зрения биолога. 1973. —С. 139.

[49] Хельми Г. Ф. Основы физики биосферы. — Л., 1966. — С'. 270.

[50] Югай Г. А. Общая теория жизни (диалектика формирования). 1985. — С. 99—100.

форме"[51] . В результате эти теории превращаются в "информационную" версию витализма. Нельзя не поддержать решительную критику М. И. Сетровым "фетишизации информационных явлений", выражающейся в том, "что информации придается статус самостоятельного бытия, некой реалии, существующей наряду с материальными вещами или в самих вещах"[52].

Теперь о проблеме идеального. Ограничив область бытия идеального субъективной реальностью мыслящего индивида, Д. И. Дубровский определяет идеальное как "данность информации в "чистом" виде и способность произвольно оперировать ею"[53]. Помимо "открытой" личности "чистой" информации (то бишь идеального), информация может быть "закрытой" и храниться в памяти или на подсознательном уровне, а также в отчужденной от личности форме (памятники культуры, устная речь, письменные тексты и т. д.).

Информация в "чистом" виде — это, по-видимому, информация дематериализованная, распредмеченная, освобожденная, говоря словами К. Маркса, от "проклятия материи". Что это такое? Поскольку Д. И. Дубровский придерживается мнения, что информация "в категориальном смысле" есть "содержание отражения на уровне самоорганизующихся систем", выходит, что информация "в чистом виде" есть содержание отражательной деятельности сознания в чистом виде, т. е. чувственные или абстрактные образы. В итоге получаем давно известную истину: идеальное — "субъективный образ объективного мира, т. е. отражение внешнего мира в формах деятельности человека, в формах его сознания и воли"[54].

Неуклюже (трудно подобрать другое слово) выглядит схема социальной коммуникации, в которой фигурируют понятия идеальной или материальной (овеществленной, опредмеченной, объективированной) информации. Мрачный призрак "мертвой информации" (каков неологизм!) встречается в трудах Н. И. Жукова, где "мертвыми" объявляются "закодированная в знаках свободная информация, вся созданная человеком культура, все духовные ценности"[55]. Получается, что для того, чтобы передать живую мысль, возникшую в голове человека, другим людям, он должен эту мысль умертвить, то есть "материализовать", с тем, чтобы

---

[51] Серавин Л. Н. — Теория информации с точки зрения биолога. 1973.—С. 15; 144

[52] Сетров М. И. Информационные процессы в биологических системах: Методологический очерк. — Л., 1974. — С'. 119.

[53] Дубровский Д. И. Психические явления и мозг. — М., 1971. — С. 264;
Его же. Проблема идеального. — М., 1983. — С. 123—124. Другой вариант "информационной" дефиниции идеального: "Идеальное — это свойство материи содержать информацию, которое проявляется в материальных системах особой организации" (Братко А. *А.',* Кочер-ган А. Н. Информация и психика. — Новосибирск, 1977. — С. 22).

[54] Ильенков Э. В. Идеальное // Философская энциклопедия. — М., 1962. —Т. 2. —С. 219.

[55] Жуков Н.И. Информация (философский анализ центрального понятия кибернетикн). Минск, 1971. с. 224.

останки ее каким-то образом возродились в сознании современников или потомков.

3.1.3.2. Антропоцентристские взгляды, но сути дела сводящие понятие информации к понятию социальной информации, присущи обыденной речи и конкретным социально-коммуникационным дисциплинам (журналистика, педагогика, библиотековедение и т. д.), но не чужды они и философскому мышлению, иногда приводящему к забавным выводам. Например, Б.А. Воронович утверждает, что "необработанная деятельностью человека действительность не содержит никакой информации", но общественный субъект в процессе практической деятельности "вкладывает в нее информацию". Оказывается, что "измененная первобытным человеком природа несет минимальное количество практической информации", поскольку "если бы природа могла воспринимать эти воздействия, то они казались бы ей весьма вероятными", но зато "достижения современной цивилизации весьма невероятны, а потому ее результаты содержат огромное количество информации"[56].

Актуальность антропоцентристским трактовкам придает дискуссия вокруг искусственного интеллекта, где обсуждаются проблемы "информация и знание", "информация социальная (психическая, человеческая) и информация машинная", "язык и компьютер" и т. п. Всеми признается, что знание и информация — разные категории, но принципы их разграничения вызывают споры. Основные точки зрения можно систематизировать следующим образом:

1. Информация объективна, знание субъективно. Еще Тодор Павлов (1890—1977) пришел к заключению, что информация есть "объективно реальный процесс", который "так или иначе пускает в ход и направляет определенные энергетические процессы в машине, в животном или человеческом организме"; знание же представляет собой продукт сознания, явление идеальное, качественно отличное от информации[57]. Остается открытым вопрос: можно ли информацию субъективировать и можно ли знание объективировать? Если этого сделать нельзя, то информация "в чистом виде", то бишь информация психическая, в принципе невозможна, а выражения типа "база знаний", "представление знаний", "искусственный интеллект" превращаются в фантастические гиперболы.

2. Информация — знание в коммуникабельной форме, способ передачи (транспортировки) знания, движущееся знание, знание, вовлеченное в орбиту общественной жизни. В частных науках, занятых вопросами утилизации общественного знания, доведения его до соответствующих потребителей, форма представления знания небезразлична, и поэтому понятие информации (точнее — информационного сообщения) наполняется практически важным смыслом. Здесь информация — не особое, отличное от знания явление, а обозначение

[56] Вороновнч Б.А. Философский анализ структуры практики. М., 1972. С. 220; 234; 227- 228

[57] Павлов Т. Д. Информация, отражение, творчество.— М., 1967. — С. 61.

определенного состояния знания, так же как пар — агрегатное состояние воды. Но на философском уровне странно считать, что знание само по себе "не информация", но оно "превращается в информацию" как только начинает использоваться.

3. Информация — сырье для получения знания, полуфабрикат, суррогат знания; в свою очередь данные выступают в роли полуфабриката информации. Таким образом, между понятиями данные — информация — знание устанавливается то же логическое отношение, что и между понятиями зерно — мука — хлеб. Опять-таки в конкретных науках, возможно, нужно проследить, как превращаются данные, поступившие на вход кибернетической системы, в выходную информацию, так же как Аристотелю важно было различать мнение и знание, но в общем случае скорее всего прав С. С. Лавров, считающий, что "любое знание несет в себе информацию и может быть представлено в виде данных"[58].

4. Семиотические трактовки информации выражаются в двух противоположных, на первый взгляд, суждениях:

а) знание — данная в ощущениях информация, принявшая знаковую форму; б) информация -- это знание, воплощенное в знаковой форме. Эти суждения совместимы, так как в первом имеется в виду познавательный процесс, а во втором — процесс коммуникационный. Но первое выводит за пределы знания чувственные образы, эмоции, установки, не поддающиеся вербализации, а второе то же самое оставляет за пределами информации.

Итак, как и прежде, ясности нет. Соотношение между понятиями "информация" и "знания" отличается крайним многообразием: полная внеположенность, отношение форма — содержание, генетическое отношение, отношение включения одного понятия в другое, и наоборот, наконец, есть мнение, что знание и информация "взаимоперекре-щивающиеся" понятия. Антропоцентристские взгляды по характеру своему тяготеют к частнонаучному знанию, но их нельзя не учитывать при гносеологическом исследовании проблемы информации.

3.1.4. Всем приведенным выше точкам зрения присуща одна общая черта: презумпция *объективного* (вне зависимости от человеческого сознания) существования информации. Их антиподами служат скептические рассуждения по поводу реальности информации, агностические заявления о непознаваемости информации (информация — неопределяемое исходное понятие), наконец, прямое отрицание объективности (онтологизации, физикализации) информации. Например, "Никто еще не видел ни как субстанцию, ни как свойство эту загадочную информацию... Везде мы обнаруживаем лишь взаимодействие материальных веществ, наделенных энергией и нигде не обнаруживаем того, что обычно называем информацией. Почему? Да потому, что ее не существует в природе, как не существует флюидов, флогистона, эфира и

[58] Лавров С. С. Использование вычислительной техники, программирование и искусственный интеллект (перспективы развития) // Микропроцессорные средства и системы.— 1984. _ N 3.— С.3.

т.д."[59].

Очевидный факт, что информация не дана нам в ощущениях, говорит о том, что она — продукт абстрагирующего мышления, понятие, выработанное человеческим сознанием. Квалификация информации в качестве "абстракции", "категории мышления", "понятия" содержится в некоторых публикациях. В пользу такого подхода свидетельствует начатая еще К. Шенноном и Н. Винером традиция представления информации как меры чего-то.

Объект, характеризуемый посредством информационных мер, существует независимо от познающего субъекта, но сама информационная мера — это произведение ума человеческого, т. е. мысленный конструкт. Предлагается использовать информацию в качестве меры самых разных свойств и отношений реальных объектов и систем. Например: неопределенности, присущей данному набору альтернатив; неоднородности распределения материи и энергии в пространстве и во времени; изменений, которыми сопровождаются все протекающие в мире процессы; разнообразия; сложности; организованности; активности отражения и т. д. Сюда можно для полноты картины включить еще негэнтропию, как меру упорядоченности (Л. Бриллюэн) и негинформацию как "меру трудности познания состояния системы" (П. Шамбадаль).

3.1.5. Подведем итоги. Полярными воззрениями на природу информации являются не атрибутивная и функциональная концепции, как думалось ранее, а, так сказать, *онтологическое*[60] и *методологическое* понимание. Первое: информация принадлежит объективной действительности в качестве особого явления материального мира или функции высокоорганизованных систем; второе: информация продукт сознания, познавательный инструмент, абстрактная фикция. Эти две крайности несовместимы, нужно выбрать что-нибудь одно. В противном случае информация оказывается одновременно феноменом, функцией, фикцией; вещью, свойством, отношением; существующим повсюду и нигде не обнаруживаемым; материальным и в то же время идеальным; объективным и субъективным и т. д. Именно этот невообразимый хаос имеет место сейчас в научном сознании. Казалось бы, нельзя не согласиться со словами М. И. Сетрова, приведенными в пункте 3.1.4. Информация, подобно флогистону или эфиру, никак не проявляет себя в реальной действительности. Нет таких реалий, относительно которых можно было бы сказать: вот это информация, а не сообщение, не сигнал, не знание, не отражение, не структура и т.п. Информация в "чистом" виде — чистейшая абстракция. Но вопреки очевидности подавляющее большинство ученых, инженеров, просто носителей современного языка говорят и думают гак, как будто бы информацию реально можно получить,

[59] Сетров М.И. Информационные процессы в биологических системах: Методологический очерк. — Л., 1975. — С. 123—124.

[60] Онтология — философское учение о бытии, в компетенцию которого входит установление способа существования той или иной реалии.

передать и сохранить. Именно "онтологическое" понимание информации оказалось господствующим, а "методологическое", которое, по-видимому, гораздо ближе к истине, не пользуется общим признанием. Чтобы выяснить причину такого парадокса, обратимся к практике использования информационною подхода.

3.2. Единство информационного подхода к информации

Первоначально информационный подход воспринимался как одно из проявлений кибернетического стиля мышления, основоположником которого явились Н. Винер и К. Шеннон, широко использовавшие понятие информации. Затем информационный подход был включен в состав общенаучных методологических подходов наряду с системным, деятельностным, функциональным подходами и стал квалифицироваться как "направление научного исследования", "методологическая ориентация", "стратегический принцип исследования" и т. п.

"Онтологическое" понимание информации привело к "онтологической" версии информационного подхода, видящей свою задачу в "выделении и исследовании именно информационного аспекта изучаемых явлений действительности, необходимо дополняющего собой другие основные аспекты — вещественный и энергетический" (здесь отчетливо прослеживается формула "материя = вещество + энергия + информация" — см. 3.1.2). Обнаружение информации в реальной действительности произошло тогда, "когда науки о живой природе и человеческом обществе достигли определенного уровня"[61]. Таким образом утверждается, что информация первична, а информационный подход вторичен. Информация, подобно бактериям и микробам, была открыта учеными тогда, когда появился соответствующий исследовательский инструментарий.

Более интересной кажется "методологическая" версия информационного подхода, в соответствии с которой понятие "информация" произвольно вырабатывается исследователем, а не диктуется ему природными реалиями. О произвольности оперирования информационным подходом свидетельствует массовое его использование в науке. Тодор Павлов в свое время не без удивления заметил: "Физиологи, психологи, социологи, экономисты, технологи, генетики, языковеды, эстеты, педагоги и другие ищут и находят информацию почти во всех органических и умственных процессах"[62]. Именно так: "ищут и находят". В результате в научном обиходе появились десятки частнонаучных дефиниций информации, явно несовместимых друг с другом, которые служат основой для

[61] Семенюк Э.П. Информационный подход к познанию действительности. — Киев, 1988. — С. 171;174.

[62] Павлов Т.Д. Информация, отражение, творчество, — М., 1967. — С.16.

несовместимых философских концепций.

Как оказывается, информационный подход в естественных науках сводится в основном к использованию математического аппарата теории К. Шеннона и коммуникационных схем управления с обратной связью. Появление информационных схем, допустим, генетической информации, не означает, что генетика открыла феномен информации в механизме наследственности, а означает появление еще одного способа описания и объяснения этого механизма. Информационные системы столь же неправомерно онтологизировать, как модели атома, таблицу Менделеева или земную ось. Источником научных терминов является не объективная действительность, а теоретическое мышление ученого, в данном случае — информационный подход. Отсюда следует, что информационный подход первичен, а понятие информации вторично.

Чтобы глубже понять суть "онтологического" и "методологического" вариантов информационного подхода, обратимся к практике его использования. Обнаруживаются четыре функции информационного подхода.

1. П р а к с е о л о г и ч е с к а я функция, проявляющаяся в организационных решениях, касающихся общественного производства и духовной жизни общества. Эти решения охватывают как опирающиеся на современную техническую базу средства массовой информации, системы управления и связи, системы научно-технической информации и т.д., так и традиционные социально-коммуникационные институты — библиотеки, архивы, музеи, народное образование. Праксеологическая функция информационного подхода послужила основой для укоренившихся в общественном сознании представлений об информатике как инфраструктурном феномене (см. далее, раздел 3.3).

2. К о н с т р у к т и в н а я функция тесно связана с праксеологической, но отличается тем, что она реализуется главным образом в инженерно-техническом сознании. Конструктивная функция информационного подхода есть форма проявления проектно-конструктивной функции современной науки в области информационной техники. Под информационной техникой понимаются измерительная техника, радиосвязь, проводная связь, радиолокация, радионавигация, вычислительная техника, включая обработку и передачу данных. Вершиной современной информационной техники можно назвать безбумажную информатику, основанную на микроэлементной базе[63].

Информационный подход становится практической методологией проектной и конструкторской деятельности. Причем для инженерного мышления информация — не абстрактное понятие, а рабочее тело, которое можно транспортировать, хранить и обрабатывать так же, как пар в теплотехнике, жидкость в гидравлике.

---

[63] Глушков В.М. Основы безбумажной информатики. — М.: Наука, 1982. — 552 с. Моисеев Н.Н., Фролов И.Т. Высокое соприкосновение. Общество, человек и природа в век микроэлектроники, информатики и биотехнологии // Вопр.философии. — 1984. — N 9. — С.24—41.

Не является ли овеществление информации в области информационной техники решительным доводом в пользу "онтологических" концепций информации? Нет, не является. Как уже отмечалось (см. 3.1.3.1), здесь происходит отождествление информации и сигнала; если же присмотреться к сути дела поближе, выясняется следующее. Информационная техника, как и любая другая техника, есть объект, искусственно созданный людьми путем преобразования природного материала. Механические, химические, энергетические производства основаны на возможностях преобразования вещества и энергии, познанных человеком; информационная техника также имеет свою естественно-природную основу, в качестве которой выступает присущее материи свойство отражения. Можно сказать, что информационная техника — это материальное отражение, поставленное на службу обществу.

Почему же инженеры говорят об информации, а не об отражении? Потому, что они изначально исходят из информационного подхода и руководствуются им в своей работе, вовсе не заботясь о раскрытии действительной природы и сущности информации. Оказываются вполне достаточными трактовки информации как содержания сигналов, носителя данных, сведений и т. п. Таким образом объективно, существующие отражательные процессы заслоняются их информационной интерпретацией, и в итоге на выходе получаются информационные технические устройства, а не, так сказать, "отражательная техника".

3. О б ъ я с н и т е л ь н а я функция. В естественных и общественных науках информационный подход часто служит для описания и объяснения различных отражательных и организационных явлений. При этом имеет место своеобразное объяснение "неизвестного через неизвестное", где не имеющее определенного содержания понятие информации трактуется произвольным по сути дела, но интуитивно понятным образом. Например, нам неведом действительный механизм памяти, понимания, мышления, но можно вразумительно обсуждать эти сложные психические явления посредством понятия информации: память — это хранилище информации, понимание — раскодирование информации, мышление — обработка информации. Особенно удачно описываются и объясняются на информационной основе общение между людьми и сигнализация животных, управление и связь в технических устройствах и биологических системах. Именно поэтому информационный подход, освоенный практическим сознанием, успешно выполняет праксеологическую и конструктивную функции.

Вместе с тем при использовании объяснения "неизвестного через неизвестное" нельзя выходить за определенные пределы, дабы не попасть в ложное положение (примеры: "панинформизм", "информационный витализм", "информационный гносеологизм" приведены выше). Информационные схемы не раскрывают полностью сущность описываемых реалий, но они позволяют представить в общем виде, на принципиальном уровне их динамику и организацию. Такому

представлению содействует потенциал обобщения, всегда присутствующий в понятиях формации. Для познания сущности психических, социальных, коммуникационных, термодинамических или биофизических явлений требуются более содержательные "неинформационные" подходы. Можно сказать, что в описательно-объяснительных схемах конкретных наук информация — это не "снятая неопределенность", в качестве которой она предстает в вероятностно-статистической теории информации, а вечная неопределенность, общенаучный умственный костыль, с помощью которого осуществляется восхождение от относительной к абсолютной истине.

4. М о д е л и р у ю щ а я функция по сути дела является частным случаем объяснительной функции, но имеет смысл рассматривать эти две функции отдельно, так как способы их реализации существенно различаются. Объяснительная функция основывается на "онтологическом" понимании информации, т. е. презумпции объективного бытия информации. Моделирующая функция предполагает четкое разграничение моделируемых физических, психических, социальных и др. объективных явлений от их информационных моделей, построенных познающим субъектом.

Надо сказать, что В.М. Глушков еще в 1963 г. видел перспективы информационного моделирования. Универсальным техническим средством информационного моделирования он объявил ЭВМ, которая обладает "алгоритмической универсальностью". Действительно, развитие прикладной математики в 70-е годы сделало возможным вычислительное экспериментирование по информационным моделям, успешно заменяющее натурный эксперимент в тех случаях, когда последний чересчур дорог или вообще невозможен. Правда, информационное моделирование трудно отличить от системного моделирования, "выступающего в качестве практически ориентированного направления системных исследований и представляющего собой относительно целостный комплекс средств, методов и приемов изучения и конструирования сложных и сверхсложных систем"[64]. Этот факт свидетельство интеграционной тенденции системного и информационного подходов.

Анализ функций, выполняемых информационным подходом в социальной практике, проектно-конструкторской деятельности и научных исследованиях, позволяет сделать вывод, что возможны два режима реализации информационного подхода: *корректный,* основанный на "методологической" интерпретации информации, примером которого служит информационное моделирование, и *некорректный,* исходящий из зачастую наивной онтологизации информации (примеры: информационная техника, информационная инфраструктура, онтологические схемы объяснения).

Информационный подход — не универсальное, а довольно

[64] Природа моделей и модели природы. — М., 1986. — С. 15.

специализированное познавательное средство. В силу своей односторонности он должен сочетаться с другими, "неинформационными" методами. Например, при проектировании информационной техники нельзя забывать о вещественно-энергетических аспектах. Информационный подход хорошо отражает структурно-функциональные свойства системных объектов, но принцип историзма, развития ему чужд. Нельзя не солидаризироваться с О. П. Тихомировым, обеспокоенным механической тенденцией "всю психику трактовать как частный случай информационных процессов"[65]. Характерный пример ограниченности информационного подхода — это проблема искусственного интеллекта, где информационный подход необходим, но не достаточен. Не случайно центральное место в проблематике искусственного интеллекта отводится не информации, а знаниям (представление знаний, базы знаний, логический вывод и т.д.). Информационный подход отличается от других общенаучных подходов тем, что ему сопутствуют многочисленные и разнообразные теории, учения, научные дисциплины, науки, предметом изучения которых провозглашаются информация, информационные процессы, информационная деятельность в целом или частично, т.е. по существу проблематика информационного подхода. Эти концептуальные образования обладают разной степенью развитости и разным научным статусом - от гипотезы ученого-одиночки до академически признанного научного направления, относятся к разным научным комплексам — общественным, техническим, математическим и имеют тенденцию к образованию многоуровневой системы информационно-коммуникационных наук. В составе этой системы развивается ряд концепций, именующих себя "информатика".

3.3. Информатика как информационная инфраструктура и научная дисциплина

Вырисовываются две области использования термина "информатика": область практического сознания, где информатика понимается как совокупность общественных реалий, и область научного сознания, где под информатикой понимается научная дисциплина (наука). Подобный семантический дуализм присущ многим научным терминам (акустика, архитектура, геометрия, логика, эстетика и др.), он обычно легко снимается контекстом, но пытаясь уяснить, что такое информатика, забывать о нем нельзя.

3.3.1. Практическое сознание обращается к информационному подходу и оперирует понятием "информация", "информатизация", "информатика" и т.п. для того, чтобы осмыслить некоторые характерные явления общественного производства и социальной жизни в целом.

---

[65] Тихомиров О. П. Информатика и новые проблемы психологической науки // Вопр. философии. — 1986. — N 7. — С. 50.

Типичен следующий ход мысли. Если на заре нашей цивилизации доминирующим было воспроизводство самих людей как живых существ, затем господствующее значение приобрело аграрное и индустриальное производство вещественно-энергетических средств жизни, то в наше время, в эпоху научно-технической революции приоритет принадлежит информационному производству, конечный продукт которого составляют "информационные средства к жизни", служащие "орудиями информационной деятельности людей"[66]. Происходит перераспределение общественного труда в показу сферы производства, переработки и распределения информации; национальные информационные ресурсы становятся важным мерилом общественного богатства, не только экономическим, но и политическим фактором"[67], недаром появился термин "информационный империализм"; современная социальная среда превратилась в мир информации[68]; информационные перегрузки, достающиеся на долю современному ученому, специалисту, учащемуся стали столь неправдоподобно большими, что появились сомнения к реальном их существовании[69]; во всех промышленно-развитых странах имеет место информатизация материального производства - внедрение роботов, гибких автоматизированных производств, работающих по безлюдной технологии, интегрированных производственных комплексов и т.д. Короче говоря, есть все основания для того, чтобы говорить о становлении индустрии информатики как "качественно нового состояния технического и культурного этапа развития общества"

Что понимается под информатикой в данном случае? Очевидно, что не отрасль народного хозяйства, а явление межотраслевое, существенно преобразующее все области общественного производства, а также непроизводственную сферу, включая образование и досуг. Если воспользоваться категориями политической экономии, то информатика в этом смысле есть компонент инфраструктуры, наряду с транспортом, энергетическим и материально-техническим снабжением, средствами связи[70], причем ее можно рассматривать и как составляющую производственной инфраструктуры, и — более широко — как составляющую инфраструктуры социальной. Правомерны, стало быть, термины "инфраструктурная информатика" или "информационная инфраструктура". Последний, кстати, не является неологизмом, он давно

---

[66] Хмелько Н.И. Общественное производство жизни: структура процессов и ее динамика // Производство как общественный процесс. М., 1986. С. 156-157.

[67] Громов Г.Р. Национальные информационные ресурсы: проблемы проблемы промышленной эксплуатации. С.: Наука, 1984.- 237 с.

[68] Коган В.З. Человек в потоке информации. Новосибирск: Наука, 1981. - 177 с., Суханов А.II. Мир информации (история и перспективы). М.: Мысль, 1986. - 204 с.

[69] Ефимов А.Н. Информационный взрыв: проблемы реальные и мнимые. М.: Наука, 1985. 160 с.

[70] Средства телекоммуникации часто интегрируются со средствами информатики, образуя *телематику.*

используется в документах ЮНЕСКО и других международных организаций, а ныне получил распространение в нашей стране. С. С. Терещенко толкует его следующим образом: "Информационную инфраструктуру России составляют информационные ресурсы в самом широком понимании, различные посредники, продающие технические средства и программное обеспечение, менеджеры и коммерсанты отечественных и зарубежных фирм, а также активно формируемая сеть учебных заведений"[71].

В последние годы для обозначения процесса развития "индустрии информации" стал использоваться термин *информатизация.* Бытуют три основные трактовки этого термина, признаваемые равноправными:

1) процесс создания и совершенствования информационного общества;

2) процесс повышения эффективности использования информации в государстве и обществе на основе перспективных информационных технологий;

3) процесс формирования инфосферы[72].

Процесс информатизации измеряется масштабами внедрения информационных технологий во все сферы общественной и личной жизни. Главными техническими средствами информатизации являются персональные компьютеры и средства дистанционной связи. По сути дела термины "информатизация" и "компьютеризация" равнозначны.

Термин "информатизация" нельзя признать точным и строгим. Он обозначает "внедрение информации" в общественную жизнь, причем имеется в виду "онтологическое" понимание информации. Но все онтологические концепции единогласно утверждают, что информация изначально существует в материи или в живых организмах и в обществе как их непременный атрибут. Зачем же их "информатизировать", если они изначально "информатизированы"?

Таким образом, движение по информатизации общества и формирование информационной инфраструктуры (инфраструктурной информатики) отнюдь не свидетельство в пользу онтологических концепций информации. "Эти факты говорят лишь о том, что интеллектуализация общества и материального производства, активизация коммуникации, имитирование техническими средствами умственных операций, повышение значимости духовных ценностей и т.п. приобрели информационную окраску в силу отождествления информации и знания, информационных и интеллектуальных процессов, информационной деятельности и умственного труда. Информация, информатизация и информатика — *это* понятия, посредством которых современное практическое сознание осмысливает свойственные любому человеческому

[71] Терещенко С. С. Информационная инфраструктура России // Научно-техническая информация. Сер. 1. — 1994. — N 12. — С. 6.

[72] Копылов В. А. Еще раз о термине "информатизация"//Научно-техническая информация. Сер.1. — 1994.— N 8.—С.4—7.

обществу, но принявшие сейчас "компьютерные" формы, такие социальные отражательные процессы, как хранение, обработка и распространение знаний, общение между людьми, организация и управление в социуме. Праксеологическая и конструктивная функции информационного подхода реализуются в данном случае в полной мере, правда в "некорректном" режиме.

3.3.2. На уровне научного сознания информационный В подход играет две роли

а) роль одного из научно-исследовательских инструментов в методологическом арсенале какой-либо конкретной науки, например, физики или психологии, генетики или семиотики;

б) роль способа конституирования научных дисциплин, называющих предметом своего изучения информацию (информационные процессы) в целом или их разновидности. Поэтому они именуются "информатика" (другие наименования: информатистика, информатроника, информатология, информология, инфотроника, теория информационных процессов, информационная наука (в единственном и множественном числе), информационно-документационная наука и т.п.).

Бурное развитие семейства "информатик" в конечном счете объясняется ростом информационной инфраструктуры, но не менее значим потенциал обобщения, присущий информационному подходу. Отсюда — репутация "комплексных", "стыковых", "обобщающих", "интегральных" дисциплин, закрепившаяся за информационными науками.

Впервые в советской научной литературе термин "информатика" был употреблен в 1963 г. для обозначения "интегральной научной дисциплины", представляющей собой "важный теоретический стержень автоматики, телемеханики, измерительной и вычислительной техники, связи и радиолокации"[73]. Но идея подобной информатики поддержки не получила.

После публикации в 1966 г. статьи А. И. Михайлова, А. И. Черного, Р. С. Гиляревского "Информатика - повое название теории научной информации" (Научно-техническая информация, — 1966. — N 12. - - *С.* 35—39) под информатикой стали понимав ь науку о структуре и свойствах научной информации, о научно-информационной деятельности, о научной коммуникации[74]. Практическая предпосылка формирования этой концепции информатики, которую, чтобы отличить от прочих, будем называть "научной информатикой", заключалась в потребностях совершенствования научной коммуникации. Поскольку главное средство совершенствования коммуникационных процессов виделось в их автоматизации, то научная информатика, так же, как ее зарубежные аналоги, формировалась как "стыковая" социально-техническая

[73] Темников Ф. Б. Информатика // Известия высш. уч. завед. Электротехника. - 1963. N 11. - С. 1277.

[74] Большая Советская Энциклопедия. — 3-е изд. — Т. 10. — С. 348. Советский Энциклопедический Словарь. — М., 1986. — С. 499.

дисциплина. В свете информационного подхода научная коммуникация выглядела как "совокупность процессов представления, передачи и получения научной информации"[75]. Научной информацией весьма успешно реализуются конструктивная и объяснительная функции информационного подхода, о чем свидетельствуют государственная система научно-технической информации и международный авторитет, завоеванный советской школой научной информатики.

Локализация информатики в области научной коммуникации не могла не вызвать возражений. В словарях по информатике, подготовленных для международного использования, информатика предстала как "отрасль знания об информационной деятельности"[76]. Если в качестве предмета информатики взять информационную деятельность в целом, то такая наука приобретает практически необозримые масштабы, охватывающие все виды социального, да и психологического отражения. Потребовалось найти такой принцип построения информационной теории, который, избегая отраслевой односторонности, в то же время был достаточно конструктивным. В качестве подобного принципа в концепции социальной информатики, выдвинутой в 1971 г., принят уровень теоретического обобщения. Социальная информатика понимается как обобщающая теория социально-коммуникационного цикла наук[77]. В 70-е годы наблюдалось, можно сказать, лавинообразное увеличение количества специальных (отраслевых) информатик. Например: статистическая информатика, отраслевая информатика, музейная информатика, социологическая информатика и т. п. Пожалуй, наиболее жизнеспособной в этом ряду оказалась экономическая информатика, понимаемая как "наука об информационном обеспечении систем экономического управления, предусматривающая использование электронной вычислительной техники для создания автоматизированных информационных систем управления"[78].

Обобщающая тенденция информационного подхода особенно отчетливо проявилась в концепции информологии В. И. Сифорова[79], идеи которой проникли даже в популярную литературу[80]. Философскому и науковедческому осмыслению информологии много внимания уделяет Э.П. Семенюк, который прямо называет ее обобщающей наукой об

---

[75] Михайлов А.И., Черный А.И., Гиляревский Р.С. Научные коммуникации и ипформатака. — М.,1976. — С.45.

[76] Словарь терминов по информатике на русском и английском языках. — М.,1971; Терминологический словарь по информатике на 14-ти языках. — М., 1975.

[77] По поводу концепции социальной информатики // Сов. библиография. — 1976. — N 1. — С. 36—40.

[78] Экономическая информатика. — М., 1977. — С. 5.

[79] Сифоров В. И. Наука об информации // Вестник АН СССР. — 1974.— N 3.— С. 12—20.; Его же. Наука об информации и ее проблемы // Междунар. форум информ. и докум. — 1983. — Т.8. — N 11. — С.I 7—21 и др.

[80] Коган В. З. Маршрут в страну информологию. — М., 1985.

информации, а также другие советские философы (Ю.Ф. Абрамов, А.Д. Урсул). Правда, в последующих работах В.И. Сифоров отказался от термина "информоло-гая" в пользу термина "информатика", усугубив тем самым чрезмерную многозначность последнего.

В 1983 г. в Академии наук СССР было создано Отделение информатики, вычислительной техники и автоматизации, организован академический Институт информатики (наряду с Институтом кибернетики). Концепции информатики как научной дисциплины, охарактеризованные выше, не были приняты во внимание, а завоевала признание "компьютерная" трактовка информатики, лучше согласующаяся с представлением об информатике как информационной инфраструктуре. В "компьютерной" информатике нетрудно заметить две концепции, частично совпадающие, но по существу не сводимые друг к другу.

Во-первых, свойственное школе В. М. Глушкова понимание информатики в качестве комплексной научной и инженерной дисциплины, изучающей все аспекты разработки, проектирования, создания, оценки, функционирования машинизированных (основанных на ЭВМ) систем переработки информации, их применения и воздействия на различные области практики. Доминирующей здесь является конструктивная функция информационного подхода.

Во-вторых, представленная в выступлениях академиков О.М. Белоцерковского, А.II. Ершова, А.А. Дородницына, А.А. Самарского трактовка информатики как науки об информационном моделировании на ЭВМ, Сущность ее выражена в следующих словах: "Как самостоятельная наука информатика вступает в права тогда, когда в рамках соот-ветствующей частной теории строится информационная модель того или иного фрагмента действительности, в информатике рассматриваются методологические принципы построения таких моделей и манипулирования ими"[81].

Очевидно, что здесь акцентируется моделирующая функция информационного подхода. Существенное различие между этими концепциями заключается в том, что первая допускает онтологизацию информации, а вторая относит понятие информации к модели, а не к оригиналу. Общность обеих концепций состоит в том, что они так же как и кибернетика, не требуют фундаментального прояснения понятия информации, довольствуясь интуитивно понятной трактовкой его как совокупности сведений, данных, сообщений, сигналов. До известных пределов можно успешно работать в области информационного моделирования, не задумываясь о природе информации, подобно тому, как электротехники не беспокоятся о природе электричества. Но при дальнейшем углублении, особенно при попытках моделировать интеллектуальную деятельность, волей-неволей приходится расстаться с гносеологической беспечностью. Не случайно разработчикам

[81] Ершов А.П. О предмете информатики // Вестник АН *СССР.* — 1984. — N 2. — С'. 113; Его же. Информатика: предмет и понятие // Кибернетика. Становление информатики. — М., 1986. — *С.* 30.

искусственного интеллекта пришлось отказаться от объяснения "неизвестного через неизвестное", свойственного обычному информационному подходу, и задуматься на содержательно-сущностном уровне над знанием, пониманием, мышлением.

3.3.3. Итак, во избежание недоразумений, необходимо различить информатику практическую, инфраструктурную и целую гамму теоретических информатик, претендующих на научный статус. Объединяет все виды иинформатик то, что, говоря философским языком, все они имеют дело с отражением и организацией.

Практическая информатика это компьютеризированные отражательные и организационные социальные процессы, такие как познание и коммуникация. Эти же социальные процессы, но не обязательно в компьютеризированной форме, являются предметом различных концепций информатики. Так, информатики специальные (отраслевые) изучают ту или иную разновидность специальной коммуникации; социальная информатика обобщает достижения социально-коммуникационных паук, а информология пытается вскрыть общие закономерности всех отражательных и организационных процессов. Информационные системы, образующие предмет комплексной компьютерной информатики, представляют собой общественно организованные системы управления и общения между людьми. Поскольку информационные модели — это образы реальных материальных или умственных процессов, то информатика, выступающая как наука об информационном моделировании, оказывается наукой об одном из методов познания.

Таким образом, все теоретические информатики — это науки "отражательно-организационные" по предмету и "информационные" но методу. Методологически неверно включать в их предмет изучение "структуры и свойств информации", ибо познать информацию можно только изучая информационный подход.

3.4. Информация как информационный подход к отражению и организации

Решение философской проблемы информации не может заключаться в простом отрицании и замене одних взглядов другими. Нужно найти такой поворот мысли, который позволил бы преодолеть их односторонность и противоречивость, служил бы отправной точкой для будущих исследований. Попытаемся отыскать этот поворот.

Сопоставление трактовок информации, приведенных в разделе 3.1, показывает, что нельзя выработать родовое понятие информации (информации "вообще" формальнологическим путем, так как в видовых дефинициях отсутствуют общие признаки, которые могли бы образовать содержание общего родового понятия.

Анализ областей приложения информационного подхода и предметов

изучения различных информатик показывает, что они группируются вокруг двух классов объективно существующих явлений: *отражения (в* особенности — познания и коммуникации) и *организации* (в особенности — управления, упорядоченности). Отражение и организацию (системность, структурность, разнообразие, неоднородность) правомерно считать атрибутами материи, представленными на всех ступенях ее развития и во всех формах движения. Поэтому столь широка сфера использования информационного подхода, распространяющаяся на неживую и живую природу, социум и сознание.

Отражение и организация — разные, но диалектически взаимосвязанные атрибуты материи. Диалектика их взаимосвязи — обычная диалектика первичного и вторичного и заключается в том, что организация служит необходимым условием отражения (нет организованного объекта — нечего отражать), а отражение, в свою очередь, выступает в качестве необходимого условия организации (организация объекта — результат отражения внешних и внутренних воздействий). Организация всегда образ прошлого данного объекта; образ всегда отражение организации.

Диалектическая взаимообусловленность отражения и организации нашла свое выражение в кибернетических идеях "свободной" и "связанной" информации, информации как меры организованности. Взаимосвязь отражения и организации отчетливо просматривается в программной информации, представляющей собой, с одной стороны, — отражательное явление в виде прообраза желаемого будущего, с другой стороны, информационную причину, управляющую процессом организации данной системы.

Информация предстает как абстрактное понятие, формируемое при информационном подходе к отражательным и организационным явлениям. Специфическая особенность родового (всеобщего) понятия информации в том, что оно есть понятие *функциональное,* не имеющее определенного референта в объективной действительности (отсюда — сомнения в реальности существования информации). Функциональность понятия информации заключается в том, что его содержание формируется в процессе развертывания информационного подхода. Поэтому информационный подход первичен, а информация вторична. Референтом функционального понятия информации становится то отражательное или организационное явление, которое изучается посредством информационного подхода. Оно, это явление, и определяет то толкование, то содержание, которые приобретают понятие информации в данном конкретном случае, становясь уже не родовым, а видовым понятием. В структуре информационного подхода базовое понятие Называется "рамкой" или "пробелом", которые заполняются в зависимости от исследовательской задачи. Этим и объясняется многообразие и несовместимость конкретно-ручных определений информации.

Итак, наиболее общее, родовое понятие информации получает следующую дефиницию:

Информация — базовое функциональное понятие информационного подхода, содержание и объем которого переменны и зависят or изучаемых отражательных или организационных явлений.

Говоря попросту, информация — это информационный подход к отражению и организации[82].

Вернемся теперь к затруднениям "онтологических" концепций информации, о которых шла речь в разделе 3.1. Оказывается, что они легко преодолеваются, если информацию считать функциональным понятием, а не объектом реального мира. Устраняется опасность отождествления информации с отражением, организацией, сигналом или иными объективными реалиями, гак как информация существует в иной плоскости - плоскости сознания познающего субъекта. Информация ни в коем случае не может быть содержанием отражения, как утверждает атрибутивная концепция; наоборот, отражение есть содержание информации.

Правомерно использовать информационный подход для познания социальной коммуникации, и тогда информация выступает как способ движения знания, эмоциональных переживаний, волевых воздействий в социальном пространстве и времени. Но и в этом случае лишь мета-форично можно говорить о превращении знания в информацию, о приобретении знанием "информационной" формы и т. п. Издержки "фетишизации" информации вроде "панинформизма", "информационного витализма", "информационного гносеологизма" отпадают сами собой.

Вместе с тем нужно отдавать себе отчет в том, что рамки корректного применения информационного подхода, когда четко и последовательно разграничиваются реальный мир и информационное пространство, довольно узки. По сути дела они ограничиваются математическими теориями информации и информационным моделированием[83], методо-логическая база которого создается одной из концепций "компьютерной" информатики. В остальных случаях, и в науке, и в технике, и в социальной практике, и в естественном языке, информация онтологизируется, выступая в качестве обобщающею понятия но отношению к тому или иному классу реально наблюдаемых явлений (импульсов, сигналов, сообщений, речи, изображений и т. п.). На уровне обыденной практики и конкретно-научного знания некорректное обращение с информационным подходом не вызывает особых неудобств.

---

[82] Предложенную трактовку информации нетрудно связать с диспутами средневековых номиналистов и реалистов вокруг проблемы универсалий (общих понятий). Номиналисты утверждали, что они существуют не в реальной, чувственно воспринимаемой действительности, а только в мышлении, реалисты отстаивали реальность универсалий, не зависящую от сознания людей. Мы понимаем информацию, которая несомненно может быть названа "универсалией", в духе номинализма. Номиналистическая и реалистическая традиции сохранились в современной логике. Так, универсалии рассматриваются как речевые штампы, которые не имеют самостоятельного смысла, но приобретают относительный смысл при использовании в научной нрактике (У.Куайн).

[83] Слово "информационный" здесь излишне, так как любую модель можно понимать, как источник информации (т.се средство познания), "информационных" моделей просто не бывает. Можно сказать, что моделирование есть разновидность информационною подхода.

Так, в качестве реальных объектов рассматриваются различные тины и виды информации.

3.5. Типы информации. Социальная информация и ее виды

Типы информации - результат информационного подхода к разным уровням организации (движения) материи. Коли оставить в стороне неживую природу, где информационный подход малопродуктивен, выявляются три Уровня:

1) социальный, соответствующий человеческому обществу;

2) биологический, представленный живой природой;

3) машинный, охватывающий искусственно созданную "вторую природу" и прежде всего — информационную технику.

Каждому уровню свойствен свой тип информации, содержание которого обусловлено теми отражательными организационными явлениями, которые реально существа ют на данном уровне. Получаем три типа информации: социальную, биологическую, машинную.

Основными отражательными процессами в социуме являются познание и коммуникация, сущность которых заключается в генерации (познание) и передаче (коммуникация) смыслов. Понятие социальной информации требуется для того, чтобы детально описать и глубоко понять эти процессы. В разделе 3.1.3.2, рассматривая разные антропоцентристские концепции информации, мы остановились на проблемах, связанных с формулировкой понятия социальной информации, но самого определения не сформулировали. Теперь сделаем это.

3.5.1. В философской и социологической литературе имеются "узкая" и "широкая" трактовки социальной информации. "Узкую" трактовку, иногда используемую социологами, характеризует следующая цитата: "К социальной информации относится не вообще вся информация, полученная человеком в процессе отражения окружающего мира, а лишь имеющая общественный интерес, служащая развитию общественной жизни, получившая признание людей... Естественно-научную и техническую информацию мы причислить к социальной не можем, т. к. последние не носят ярко выраженной классовой направленности"[84]. Это понимание сводит социальную информацию к понятию массовой, если не публицистической информации (см. ниже), поэтому неконструктивно.

"Широкая" трактовка представлена в следующих высказываниях. Социальная информация "представляет собой знания, сообщения, сведения о социальной форме движения материи и о всех других ее формах в той мере, в какой они используются обществом, человеком, вовлечены в орбиту общественной жизни"[85]. Б. А. Грушин к социальной

[84] Суханов А. П. Информация и человек.— М., 1980. — С. 40.

[85] Афанасьев В. Г. Социальная информация и управление обществом. — М., 1975. — С. 39; Он же. Социальная информация.— М., 1994. С. 13.

информации относит "всю без исключения совокупность сообщений, вышедших из "рук" человека. Это и научный текст, и религиозная проповедь, и газетная статья, и архитектурный проект". Автор отмечает, что социальная информация "связана с жизнью общества не только своим существованием, но и самим своим содержанием, а также типом знаковой системы, избираемой для фиксирования этого содержания"[86]. "Широкая" трактовка по сути дела сводится к утверждению, что социальная информация — это сообщения, содержанием которых является знание. Но содержанием смысловой коммуникации, как известно, могут быть не только знания, но и эмоциональные переживания и волевые стимулы, которые непременно входят в понятие социальной информации, получаемой в результате информационного подхода к социальной коммуникации. Достаточно сказать:

Социальная информация — это осмысленное коммуникационное сообщение в свете информационного подхода. Эта дефиниция подразумевает, что осмысленное сообщение может быть носителем знаний, эмоций, побуждений (все это — смыслы), и значит, последние попадают в содержание социальной информации. Другими словами: *социальная информация* — это *сообщение, имеющее смысл.* Эти сообщения можно именовать "информационными" или просто "информацией" и в результате элементарная схема коммуникации (рис. 1.1) преобразуется и элементарную схему информационного воздействия (рис. 3.1), представляющую собой один из вариантов интерпретации смысловой коммуникации.

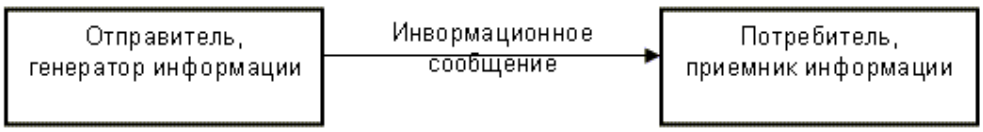

Рис. 3.1. Элементарная схема информационною воздействия

Б и о л о г и ч е с к а я информация охватывает три рода объектов: во-первых, чувственно-наглядные образы (перцептивные образы) материальных объектов, формируемые посредством органов чувств и хранящиеся в памяти живого существа; во-вторых, сигналы, которыми обмениваются животные в ходе зоокоммуникации; в-третьих, молекулы ДНК, в структурах которых закодирован образ будущего организма и программа его синтезирования. Соответственно различаются три вида биологической информации: сенсорная (перцептивная), зоокоммуникационная, генетическая. Генетическая информация пред-ставляет собой сообщения в рамках генетической коммуникации (см. раздел 1.1).

---

[86] Грушин Б. А. Массовая информация как объект социологического исследования // Массовая информация в советском промышленном городе.— М., 1980.— С. 25—26.

М а ш и н н а я информация - это представленные в форме энергетических излучений (сигналов) или машиночитаемых записей отображения материальных объектов и управляющих программ. Машиночитаемые записи, например, оптические диски, магнитные компакт-диски, являющиеся носителями текстовой и аудиовизуальной информации, одновременно относятся к социально-информационным сообщениям.

3.5.2. Теперь обратимся к видам социальной информации, которые обнаруживаются при информационном подходе к микро-, миди- и макрокоммуникации (см. рис. 1.2). Микрокоммуникации - это информационное взаимодействие, где к роли отправителя и потребителя информации выступают отдельные личности, а информационные сообщения сводятся к живой речи (канал устной коммуникации) или личной переписке (документарный капал). Мидикоммуникация это специальная коммуникация, где в роли отправителей и потребителей информации выступают целевые, как правило, профессиональные социальные группы, а сообщения представляют собой специальную информацию, непонятную неспециалистам. Отличительный признак макрокоммуникации — участие массовых аудиторий (общество, народ, население в целом), которые выступают в качестве создателей и потребителей массовой информации.

М а с с о в а я информация — это коммуникационные (информационные) сообщения о знаниях, эмоциональных настроениях, волевых воздействиях, которые необходимы или важны, полезны или интересны для всех членов общества. Массовая информация адресована и доступна любому человеку, поэтому она называется массовой.

Массовые коммуникации делятся па три взаимно пересекающиеся, но тем не менее отличающиеся друг от друга вида: публицистическая, художественная, обыденная коммуникации. Каждому виду соответствует свое понимание информации.

П у б л и ц и с т и ч е с к а я информация — массовая социальная информация, нацеленная на утверждение it общественном сознании определенных духовных ценностей и идейное воспитание членов общества. Ярко выраженная идейно-политическая и социально-воспитательная направленность отличительная особенность публицистической информации. Содержание публицистической информации затрагивает все стороны общественного бытия и общественного сознания — политику, экономику, международную жизнь, образование, науку, культуру, мораль, искусство и т. д. Средствами распространения публицистической информации являются пресса, радиовещание, телевидение, кинохроника. Эти средства называются средствами массовой коммуникации (информации и пропаганды).

Эстетическая (художественная) информация — специфический вид массовой социальной информации, обладающий свойством воздействовать на эмоциональную сферу человека при помощи художественных образов. Эстетическая информация характерна для искусства, которое можно

рассматривать в качестве коммуникационного канала, первым звеном которого является художник (отправитель художественной информации), вторым звеном — художественное произведение (информационное сообщение), третьим звеном — воспринимающие искусство люди (потребители эстетической информации). Благодаря этому каналу происходит обмен мыслями, чувствами, устремлениями людей, обобществление индивидуальной духовной жизни. Искусству присуща многофункциональность. Однако все многочисленные функции искусства (познавательная, воспитательная, гедонистическая, т. е. способность возбуждать чувство эстетического наслаждения) реализуются через коммуникативную функцию. Произведения искусства адресованы, обществу в целом (не только современникам, но и последующим поколениям), поэтому эстетическая информация относится к категории массовой социальной информации. Способностью воздействовать на эмоциональную сферу человека обладают все виды социальной информации (например, всех волнуют события политической жизни, многих — результаты спортивных состязаний и курс рубля по отношению к доллару), но эстетической информации присущи особые средства эмоционального воздействия — образно-художественная форма, особые знаковые системы, и в этом заключается ее специфичность.

Обыденная (бытовая) информация — массовая социальная информация, выражающая общественное мнение, социально-психологические чувства и настроения, регламентирующая поведение членов общества и ориентирующая их в социальной среде. К обыденной информации относятся образцы поведения, свойственные членам данной социальной группы; так называемые "донаучные знания", позволяющие пользоваться различными техническими приборами, не имея представления о принципах их работы;

сведения, выдаваемые городской справочной службой, расписание движения транспорта и т. д.

3.5.3. *Специальная информация* — это коммуникационные (информационные) сообщения о знаниях и управляющих воздействиях, адресованные не всем членам общества, а целевым социальным группам. Целевые группы сформировались в результате разделения труда для решения определенных общественных задач. В этих группах вырабатывается формальная структура, которая характеризуется функциональной специализацией членов группы, созданием иерархии социальных ролей и аппарата управления. Примеры целевых групп: научное сообщество, объединяющее научных работников, сообщество инженерно-технических работников, аппарат экономического управления, политическая партия, армия, священнослужители определенной конфессии и т. д. Для решения задач, стоящих перед группой, необходима мидикоммуникация (специальная коммуникация), служащая для передачи специальных знаний и управляющих воздействий (методик, нормативов, рекомендаций и т. п.). Целевые группы обычно вырабатывают собственные знаковые системы (терминологию, условные обозначения),

понятные только членам данной группы. Именно поэтому научно-техническая литература недоступна для неспециалистов и данной отрасли знания.

Видов специальной информации можно выделить столько, сколько существует целевых социальных групп. Охарактеризуем некоторые виды специальной социальной информации.

Научной информатикой, охарактеризованной и пункте 3.3.2, была выработана следующая стандартная дефиниция: *научная информация* -- "получаемая и процессе познания логическая информация, которая адекватно отражает явления и законы природы, обществ и мышления и используется и общественно-исторической практике"[87].

Нетрудно показать, что эта дефиниция соответствует пониманию социальной информации как знания, используемого обществом в практической жизни. Именно научному знанию присуще быть результатом абстрактно-логического мышления, протекающего в форме логических понятий, суждений и умозаключений, и адекватно отображать явления и объективные законы природы, общества и мышления людей. Поэтому можно упростить "стандартную дефиницию", сказав: "научная информация — это научное знание, используемое и научной практике". Ясно, что общественное использование предполагает представление научного знания в виде некоторого сообщения, иначе общество о нем не узнает. В итоге получаем: "научная информация — сообщение о научном знании, имеющем смысл для научного сообщества", что хороню согласуется с дефиницией социальной информации, приведенной в пункте 3.5.1.

Результатом творчества целевой социальной группы инженерно-технических работников (ИГР) является генерация технического знания. Отличительная особенность технического знания состоит в том, что оно содержит рецепт (методику, инструкцию, норматив) реализации того или иною изделия, материала, технологического процесса. Типичными носителями технического знания являются специальные виды технической литературы (патентные описания, технические нормы и стандарты, промышленные каталоги, технические справочники) и техническая документация (рабочие чертежи, технологические карты, технические условия и т.д.). Такою рода сообщения именуются *технической информацией*[88]. Обратим внимание, что передача технического знания осуществляется не только через документальные каналы, но и посредством устной коммуникации (демонстрация приемов труда, технологических умений и мастерства).

Между научным и техническим знанием существуют тесные

---

[87] Михайлов А.И., Черный А.И., Гиляревскнй Р.С. Научные коммуникации и информатика. - М., 1976. С. 73.

[88] Необходимо предостеречь от смешивания технической информации как видя специальной информации с машинной информацией, передаваемой по каналам технической коммуникации (информационной техники).

взаимосвязи, которые находят свое отражение в сращивании коммуникационных каналов науки и техники. Зачастую между сообщениями научною и технического характера невозможно провести четкую грань. Поэтому в практике коммуникационного обслуживания, как правило, не различают научную и техническую информации и рассматривают их совместно как *научно-техническую информацию.*

Нет необходимости останавливаться на характеристике других видов специальной информации: экономической, военной, коммерческой, медицинской, спортивной, метеорологической, партийной, дипломатической и пр., специфика которых достаточно очевидна. Обратим внимание на гибридные виды социальной информации. Например, научно-популярная литература — объединение массовой и научной информации. Своеобразным синтезом коммерческой, обыденной и эстетической информации является торговая реклама.

3.5.4. До сих пор мы выделяли разновидности социальной информации по *общественному* назначению исходя из того, каким потребителям адресован тот или иной вид информации — массовым аудиториям или определенной группе специалистов. Помимо общественного назначения (адресности) информационным сообщениям свойственно еще целевое назначение. *Целевое назначение* сообщения обусловлено целью, которую преследует вступивший в коммуникационный процесс отправитель информации. В общем случае можно назвать три коммуникационные цели, которые соответствуют трем сторонам смысла вообще (знания, эмоции, воля):

— познавательная — сообщить другим об известном отправителю знании; отсюда — *познавательная* функция информационного сообщения;

— эмоциональная — поделиться чувствами и переживаниями; отсюда — *эмоциональная* функция сообщения (способность воздействовать на эмоциональную сферу);

—побуждающая (управляющая) — стимулировать адресата выполнить определенные действия; отсюда — *управляющая* функция сообщения.

Целевое назначение, в отличие от назначения общественного, нельзя использовать для классификации сообщения, ибо, как правило, обнаруживается одновременное присутствие двух или трех функций. Поэтому следует говорить не о видах, а о функциональных компонентах социальной информации.

В публицистической и эстетической информации обнаруживаются совместно познавательный, эмоциональный и побуждающий компоненты во многих отдельно взятых сообщениях. Но есть публицистические сообщения констатирующего, как говорят в журналистике, "сугубо информационного" плана, где выхолощен эмоциональный компонент; имеются произведения искусства, например, камерная музыка, балет, абстрактное и импрессионистское изобразительное искусство, где затушеваны познавательная и побуждающая функции. Для обыденной и специальной информации характерно совместное присутствие познава-

тельного и побуждающего компонентов, хотя опять-таки есть сообщения чисто познавательного плана, например, каталоги изделий и расписания поездов, и сообщения чисто директивные, например, стандарты или правила уличного движения.

Возможны два уровня осмысления объективной реальности:

а) ф а к т о г р а ф и ч е с к и й уровень, когда констатируется реальность существования того или иного объекта и описываются присущие ему свойства (признаки, характеристики);

б) к о н ц е п т о г р а ф и ч е с к и й уровень, когда выявляются существенные взаимосвязи между объектами, например, целое — часть, причина — следствие, предмет — свойства, вскрываются генезис и эволюция развития объекта, строятся его реальные модели, выводятся законы и т. д.

В научном познании фактографический уровень называют *эмпирическим,* а концептографический — *теоретическим* уровнем. Эмпирический (описательный) уровень — необходимый, но предварительный этап; подлинная наука начинается с теоретического осмысления собранного эмпирического материала.

Познавательную сторону информационного сообщения можно представить в виде последовательности фактов и концепций, организованных в соответствии с замыслом автора. Изложение фактов и концепций может быть эмоционально окрашено и тогда появляется эмоциональный аспект социальной информации.

Эмоции всегда субъективны, они существуют во внутреннем психологическом мире человека (субъективной реальности) и находят свое отражение в эмоциональном выступлении, цель которого состоит в том, чтобы возбудить аналогичное эмоциональное состояние (переживание) в психологическом мире реципиента. Чтобы успешно достигнуть цели, выбираются соответствующие способы выражения смысла. В эмоциональном сообщении важнее не *что* говорится, а *как* говорится. Представление содержания такого сообщения в виде последовательности фактов и концепций в принципе возможно, но оно не отражает главного — эмоциональною заряда сообщения. Поэтому пересказ сюжета художественного произведения не есть отображение его содержания. Пока отсутствуют средства анализа содержательной структуры эмоциональной информации, хотя известны многочисленные попытки использования информационного подхода в области искусства (теория эстетической информации, семиотика искусства).

Тематика побуждающих информационных сообщений тесно связана с человеческой деятельностью. Упрощенно говоря, речь идет о том, что и как надо делать тому или иному субъекту в тех или иных ситуациях. К побуждающей информации относятся приказы (команды, директивы, распоряжения), методики (инструкции, нормативы, алгоритмы), рекомендации (советы, просьбы), отличительной особенностью которых является повелительная модальность.

Побуждение (управляющее воздействие) предписывающее, что и как

делать, по сути своей есть концепция. Поэтому побуждающее сообщение относится к концептографическому уровню познания. В нем может присутствовать, в качестве фона, фактографическое описание той или иной ситуации, в некоторых случаях возможно включение эмоционального компонента, но определяющая, главная роль принадлежит концепциям. Своеобразным гибридом побуждающего и эмоционального сообщения являются басни, поговорки, притчи и т. п

3.5.5. Одним из достижений информационного подхода при изучении социальной коммуникации является учение о фактографической и концептографической информации. В основе этого учения лежат положения теории познания (гносеологии) о фактах и идеях (концепциях) как элементах человеческого знания, но эти положения пришлось дополнить в соответствии с проблематикой социально-коммуникационного обслуживания.

В теории познания *факт* понимается как элемент эмпирического знания, представляющий собой констатацию реальности существования определенных предметов, процессов, событий, их свойств и отношений между ними. Факт обладает свойством *достоверности* (истинности), соответствующим современному уровню познания. Методами познания фактов служат наблюдение, практический опыт, эксперимент, опрос.

В теории познания фактами считаются объекты, реально существовавшие в прошлом или существующие сейчас; по не события, которые могут произойти в будущем. Такая трактовка факта оказывается узкой для решения некоторых практических задач. В соответствии с этой трактовкой оказываются "не фактами" плановые показатели, прогностические расчеты и т. п., хотя вероятность их реализации может быть достаточно высока. К примеру, оказываются "не фактами" завтрашний восход солнца или наступление весны после зимних холодов.

Учитывая коммуникационную практику, гносеологическое определение понятия "факт" целесообразно расширить, включив в пего не только констатацию реальности существования в прошлом и настоящем, но и констатацию *возможности существования в будущем.* Таким образом, наряду с более или менее достоверными фактами прошлого и настоящего, появляются *факты будущего,* достоверность существования которых может быть оценена по той же шкале, что и достоверность прочих фактов[89].

Фактографическая информация — это информация о фактах (в прошлом, настоящем, будущем) или их совокупности. Фактографическая информация представляется в виде *фактографических описаний,* которые состоят из наименований признаков описываемого объекта и значений этих признаков на данном объекте. Например, фактографическое описание судна включает такие признаки, как назначение (гражданское, военное,

[89] Шкала достоверности фактов состоит из оценок вероятности данного факта в пределах от +1 до -1, где +1 — безусловно достоверный факт, 0 — вымысел, миф, сказка, отрицательные значения — дезинформация, злоумышленная ложь.

специальное), водоизмещение, тип движителя, габариты и т. д. Типичным носителем фактографической информации являются справочники, словари, промышленные каталоги, прейскуранты, статистические таблицы, отчеты об экспериментах и т. п. Составляющие фактографическое описание сведения называются *данными.* .

Информация о фактах преобладает в потоках социально-коммуникационных сообщений. Публицистическую информацию справедливо называют "агитацией фактами", факты (данные) о состоянии производства, спроса, сбыта, являются содержанием экономической и торговой информации, художественное осмысление фактов лежит в основе эстетической информации, факты, по образному выражению И. П. Павлова, представляют собой "воздух ученого".

В научном обиходе наряду с эмпирическими фактами различают научные факты. Для того, чтобы эмпирический факт превратился в научный, он должен быть не только установлен, но и познан. Познание факта заключается в доказательстве его существования (желательно различными научными методами), в научной обработке (обобщении) множества отдельных эмпирических фактов, относящихся к наблюдаемому предмету, процессу, событию, наконец, — важнейшее условие — в осмыслении этого факта как элемента системы знаний. Итак, научный факт — это факт доказанный, обработанный и осмысленный научными методами. Научными фактами являются радиоактивность урана, озоновый слой в атмосфере и разрывы (дыры) в этом слое, а вот существование "снежного человека" или Атлантиды научным фактом не признается. Информация о научных фактах иногда называется *фактологической.* Фактологическая обработка эмпирического материала непосредственно смыкается с концептуальными формами познания.

Концепция (лат. "мысль", "представление") понимается нами как результат осмысления взаимосвязей между фактами, их происхождения и развития. Концепции вырабатываются в процессе абстрактно-логического мышления для объяснения наблюдаемых фактов, вскрытия законов, управляющих данными фактами, или для руководства человеческой деятельностью. Концептуальное знание весьма разнообразно, и в первом приближении его можно подразделить на следующие виды:

— *концепции-предположения,* куда, помимо научных гипотез, относятся прогнозы, догадки, предвидения, касающиеся взаимосвязей между фактами; органически вписываются в эти концепции "факты будущего";

— *теории,* раскрывающие сущность наблюдаемых явлений, необходимые (закономерные) взаимосвязи между фактами; теории позволяют объяснять и предсказывать положение дел с высокой степенью достоверности; эмпирическую основу для проверки и утверждения теоретического знания образуют научные факты;

— *оценочные концепции* строятся на базе эмпирических фактов, относящихся к области общественного и личного бытия и сводятся к одобрению или осуждению известных фактов, похвале или хуле в чей-то

адрес; сюда относится общественное мнение, играющее значительную роль в общественной жизни;

— *регулятивные канцепции* — рекомендации, указания, принципы, в том числе методологические, методы практической деятельности и научного исследования, алгоритмы, предписания, рецепты, нормы, запреты и т.п.; именно регулятивные концепции образуют основное содержание побуждающих сообщений; регулятивные предписания зачастую являются следствием гипотез, теорий, оценок и мнений, отсюда — их тесная связь с предыдущими видами концепций;

— *проблемные концепции,* куда входят нерешенные вопросы, проблемы, программы, задачи, цели, идеалы, которые нужно разрешить или достигнуть в процессе познания и практической деятельности; проблемные концепции в виде директив, задач, целей могут входить в побуждающие сообщения.

Концептографическую информацию можно определить как информацию о концепциях или их совокупности. Типичными носителями гипотез, теорий и проблем являются научная и учебная литература; оценочные концепции представлены в конъюнктурных исследованиях, сравнительно-сопоставительных обзорах, аналитических справках; инструктивно-методические материалы различного вида, своды законов и правил могут служить примерами носителей регулятивных концепций.

Наиболее ценными для общества являются научные теории, раскрывающие и объясняющие основные законы природы, общества и духовной жизни людей. Выработка теоретического знания является основной задачей науки, поэтому в научной коммуникации особое внимание уделяется оперативности и адресности распространения научных теорий, а также обеспечению их разработки соответствующей эмпирической и нормативно-методической базой. Оценочные концепции имеют очень важные значения для руководства внешней и внутренней политикой, для предпринимательства и коммерции, для принятия стратегических и тактических решений во всех областях практики.

Система концепций, определяющих способ видения, понимания и оценки окружающей действительности личностью или социа.ш>ной группой, представляет собой *мировоззрение.* Формированию определенного мировоззрения в наибольшей степени способствует публицистическая, эстетическая, научная информация, содержание которой охватывает концепции мировоззренческого значения.

3.5.6. Завершим рассмотрение типов и видов информации *сопоставлением научной и эстетической информации.* В познании реального мира наука и искусство взаимосвязаны друг с другом, дополняют друг друга и в равной степени важны для духовной жизни общества и развития личности. Этим духовно-производственным институтам свойственны познавательная и коммуникативная социальные функции, реализуемые посредством научной и эстетической информации. Рациональные и эмоциональные компоненты всегда присутствуют в научном и художественном творчестве, хотя играют разные роли. А.

Эйнштейн говорил: "В научном мышлении всегда присутствует элемент поэзии. Настоящая наука и настоящая музыка требуют однородного мыслительного процесса... Достоевский дает мне больше, чем любой мыслитель, больше, чем Гаусс"[90]. *В* то же время научные и художественные формы познания существенно различны. В отличие оі науки, имеющей целью вскрыта сущность и объективные закономерности изучаемого предмета, искусство в наглядных, эстетически окрашенных образах показывает типичные проявления сущности и законов человеческого бытия. Научная деятельность базируется на системе общественного знания; художник исходит из личного биосоциального опыта и противопоставляет собственное видение общепринятым образцам.

Посмотрим, как сходство и различие науки и искусства проявляются в научной и эстетической информации.

1. Научная информация отражает закономерности и явления природы, общества и духовной деятельности людей относительно объективно, т. е. независимо от познающего субъекта. Эстетическая информация всегда несет индивидуальный отпечаток личности ее создателя. Одни и те же события, ситуации, эмоциональные переживания различным образом воплощаются в художественных произведениях разных авторов. Отсюда следует, что авторская принадлежность эстетической информации является важнейшим *содержательным,* а не формальным ее признаком; для научной же информации автор — формальный поисковый признак, особенно — в технических, естественных и точных науках.

2. Основное содержание эстетической информации, так же как и других видов социальной информации, образуют факты. Художественные факты опосредованы фантазией художника, они представляют собой *художественные образы,* полученные не путем абстрактно-логического мышления, протекающего в виде понятий, суждений и умозаключений, а путем *типизации* наблюдаемых явлений. Степень типичности есть мера истинности и достоверности художественного факта. Достоверность реальных фактов подтверждается свидетельствами различных наблюдателей; "наблюдателем" художественного факта является *лишь* художник. Реальный факт может служить объектом спроса потребителей информации (например, мемуары о М. И. Кутузове); художественный факт не может быть объектом спроса (бессмысленно запрашивать мемуары о Пьере Безухове). Отсюда следует, что невозможна фактография художественных фактов, в то время как фактография научных фактов имеет немаловажное значение.

3. Поскольку объекты художественного и научного познания совпадают, могут совпадать тематика и проблематика художественных произведений и научных исследований. Однако результаты воздействия эстетической и научной информации на человеческое сознание совершенно различны. Эстетическая информация воздействует на эмоциональную сферу, вызывая чувства сопереживания, расширяя и обогащая

[90] Кухнецов Б.Г. Эйнштейн. – М., 19963. – С. 83.

личный биосоциальный опыт человека; научная информация ориентирована прежде всего на сферу логического мышления, сообщая новые сведения о внешнем мире, вскрывая сущность реально существующих явлений. Поэтому художественное и научное познание находятся в отношении *дополнительности* друг к другу. Академик М. Нечкина писала по этому поводу: "Литература, музыка, живопись, скульптура, театр создают неизмеримое, совершенно изумительное расширение личного жизненного опыта. Если представить себе, что эта функция их выпала из исторического процесса, опыт одного человека ссыхается и суживается до границ его переулка. Если человек сохранит в голове даже решительно все, почерпнутое из учебников политграмоты и географии, у него все равно не будет гигантского личного опыта — знакомства с сотнями и тысячами образов своих современников и людей предшествующих поколений. Из его души исчезнут сотни моральных проблем и высохнет море глубоких человеческих чувств"[91].

4. Исторически искусство возникло как первый искусственный канал социальной коммуникации. Первобытное искусство 35—30 тысяч лет назад служило средством передачи накопленною опыта и воспитания подрастающего поколения Однако до сих пор не сложилась формальная *общественно организованная* система эстетической информации, что дает повод говорить о "мозаичности" эстетических представлений современною человека, обусловленной разобщенностью различных каналов эстетической информации. Научная информация, напротив, распространяется, хранится, обрабатывается и систематизируется в рамках общественно организованной системы научных коммуникаций.

5. Эстетическая информация отличается от научной информации, как и от других видов социальной информации, следующими *специфическими* свойствами: невозможность реферирования, конспектирования и других способов микроаналитического свертывания, эстетическая информация допускает лишь макроаналитическое свертывание в форме общего описания, аннотации, систематизации;

— невозможность преобразования знаковой нормы, например, графического изображения, в словесное описание, и наоборот; даже в художественной литературе текст выполняет не только рационально-логическую, но и эмоционально-экспрессивную, предметно-чувственную функцию, поэтому нельзя достичь адекватности перевода на другой естественный язык;

— отсутствие свойства старения содержания; старение научного знания и соответственно содержания научной информации обусловлено появлением новых научных результатов, отрицающих предыдущие; для произведений искусства, отражающих индивидуальные качества своего создателя, ею талант и мировоззрение, подобный критерий не годится, ибо они уникальны; исключение носителей эстетической информации из

[91] Нечкина М. Функция художественного образа в историческом процессе // Содружество наук и тайны творчества. — М., 1968. — С. 75.

коммуникационных каналов объясняется низким художественным уровнем, старомодностью формы, перегрузкой каналов и другими социальными факторами, а не старением информации как таковой;

— неисчерпаемость тематики: одна и та же тема может варьироваться в десятках и сотнях оригинальных художественных произведений, не становясь тривиальной; в научных коммуникациях возможности дублирования сообщений на одну и ту же тему ограничены; для восприятия эстетической информации требуется эстетическое чувство, которое присуще всем людям, хотя и в разной степени, а для восприятия научной и других видов социальной информации определенный уровень профессиональной подготовки; поэтому эстетическая информация представляет собой вид массовой информации, а научная является разновидностью специальной информации.

Обратим внимание на то, что сопоставление различных коммуникационных явлений, в данном случае — научных сообщений и художественных произведений стало возможно лишь благодаря информационному подходу. Бессмысленно сопоставлять, допустим, художественную литературу и научную литературу, концерт и лекцию, картину и географическую карту. Понятие информации является обобщающим: научная информация мыслится как средоточие того общего, что свойственно всем научным сообщениям; эстетическая информация представляет общие качества всех произведений искусства. На уровне обобщающих понятий научной и эстетической информации сопоставление научных и художественных сообщений стало не только возможным, по и позволило получить новое, нетривиальное знание о социально-коммуникационных явлениях. Выясняется таким образом, что эвристическая сила информационного подхода заключается не в том, что он позволяет "открыть" информацию в реальной действительности, а в том, что он позволяет построить более” общую (абстрактную) картину коммуникации и познания, увидеть за пестрым разнообразием наблюдаемых вещей, свойств, процессов свойственные им скрытые законом мерности.

3.6. Информационная деятельность и информационное обслуживание.

Потенции обобщения, отличающие информационный подход, проявляются в понятиях информационной деятельности и информационного обслуживания. *Информационная деятельность* понимается, как неотъемлемая часть любого умственного труда, которая заключается в *восприятии, хранении* (запоминании), *переработке* (осмыслении, оценке, обобщении и т. д.), *выдаче* социальной информации. Если учесть, что содержанием социальной информации являются знания, эмоции, волевые воздействия, то трудно найти такую операцию умственного труда, которую нельзя было бы назвать "информационной".

Можно заметить, что многими авторами информационная деятельность попросту отождествляется с интеллектуальной или умственной деятельностью в их традиционном смысле. Оговорка же, что первая — лишь "часть" или "аспект" вторых, не более чем жест научного этикета.

Информационная деятельность, как и всякая человеческая деятельность (но не поведение вообще!), целесообразна, осуществляющий ее субъект (личность, социальная группа, масса людей) преследует определенную цель. Целей информационной деятельности может быть три:

1) получение нового знания, эмоциональных импульсов, советов или указаний;

2) сообщение другим людям о познанном и пережитом;

3) управление поведением других людей.

Для достижения этих целей субъект должен заняться либо *познавательной* деятельностью в широком смысле слова, включая научное и художественное творчество, либо *коммуникационной* деятельностью. Отсюда следует, что "информационная деятельность" — это обобщающее понятие для познавательной и коммуникационной деятельности. Занимаясь познанием или коммуникацией, субъект одновременно и непременно занимается информационной деятельностью, но заниматься просто информационной деятельностью как таковой, независимо от познавательных или коммуникационных процессов, никто не может. Понятие информационной деятельности есть результат информационного подхода к умственному труду.

Познание и коммуникация тесно связаны друг с другом: смысловая коммуникация по сути дела есть разновидность познания, коль скоро реципиент должен понять, т. е. познать смысл сообщения; результаты познания всегда облекаются в коммуникабельную форму (текст, изображение), в противном случае они безвозвратно утрачиваются. Тем не менее операции информационной деятельности можно распределить по преобладающему характеру на:

— познавательные — восприятие и переработка социальной информации, где главное — понимание и генерация смыслов;

— коммуникационные — хранение и выдача социальной информации, т. е. обеспечение движения смыслов во времени и пространстве.

Появление информационного обслуживания обычно объясняется следующими причинами. С увеличением числа работников, занятых умственным трудом, расширением и усложнением социальной коммуникации возрастают трудности информационного обмена. Вспомогательные операции, связанные с оформлением, сбором, поиском, хранением и передачей сообщений, начинают отнимать много времени у активно работающих интеллектуалов, что отрицательно сказывается на эффективности общественного производства. Освободить их от познавательных операций нельзя, так как они являются сущностью творческого процесса, а вот разгрузить от излишнею бремени коммуни-

кационных усилий можно и целесообразно. В связи с этим происходит выделение групп профессионалов, обеспечивающих специальную и массовую информацию. Эти профессиональные группы концентрируются в социально-коммуникационных обслуживающих институтах (архивы, библиотеки, книгоиздательства и т.д. - см. 1.3.2).

Информационное обслуживаете (информационный сервис) это область профессиональной информационной деятельности, нацеленная на удовлетворение общественных и индивидуальных информационных потребностей. К информационному обслуживанию относят следующие операции:

- оформление сообщений, например, полиграфическое тиражирование книг;
- сбор сообщений и комплектование фондов (хранилищ, баз и банков данных);
- аналитико-синтетическая, техническая и смысловая переработка сообщений;
- хранение упорядоченных массивов сообщений;
- поиск но запросам нужных сообщений;
- распространение сообщений в среде потребителей информации.

Все эти операции но сути своей являются коммуникационными, откуда следует, что *информационное обслуживание и коммуникационное обслуживание суть одно и то же.* В разделе 1.2 коммуникационное обслуживание характеризовалось как специально организованное общение обслуживающею персонала (коммуникант) и обслуживаемых реципиентов, имеющее целью удовлетворение коммуникационных потребностей последних. Ясно, что это определение идентично с определением информационного сервиса. Два разных термина, обозначающих одни и те же явления, появились потому, что первый фиксирует реально существующий объект - коммуникационное обслуживание, а второй (информационное обслуживание) возник вследствие информационного подхода к коммуникации, окрашивающею объективную действительность "информационными красками".

Следует заметить, что информационная деятельность и коммуникационная деятельность, в отличие от обслуживания, не совпадают по объему. Информационная деятельность охватывает не только коммуникационные, но и познавательные операции. Поэтому все формы коммуникационной деятельности (общение, управление, подражание) можно считать формами информационной деятельности, обратное же неверно.

В результате историческою развития социальной коммуникации возникли *три рода* коммуникационного обслуживания, которые могут именоваться также родами информационною обслуживания: документальное, фактографическое, концептографическое. Исходными коммуникационными каналами, как сказано в разделе 2.1, явились каналы устной и документальной коммуникации. Устная коммуникация, использующая вербальный и невербальный каналы, обеспечивает

межличностную микрокоммуникацию и обходится без обслуживающих посредников. Содержанием устных сообщений, конечно, являются факты и концепции, но фактографического и концептографического обслуживания здесь нет и быть не может (за исключением суфлеров в театре). Другое дело документальные сообщения, которые представляют собой не мимолетные поведенческие акты, а стабильные материальные формы.

Документальное обслуживание является старейшим, оно возникло фактически одновременно с появлением письменности (III тысячелетие до н.э.), когда в храмах и дворцах стали формироваться первые архивы и библиотеки.

3.6.1. Сущность *документального обслуживания* заключается в том, что коммуникационные потребности реципиентов удовлетворяются путем представления документов или их фрагментов, необходимые факты и концепции из которых реципиенты извлекают самостоятельно. В качестве основных социальных институтов документального обслуживания выступают: архивы, библиотеки, библиографические службы, издательства и книжная торговля, музеи. Задачи этих учреждений и содержание труда их сотрудников, естественно, различны, хотя все они в конечном счете направлены на удовлетворение коммуникационных потребностей общества. Отличительной особенностью документального обслуживания по сравнению с фактографическим и концептографическим обслуживанием является уровень содержательной аналитико-синтетической переработки поступающих первичных документов (рукописей или изданий). Этот уровень определяют три метода:

1) библиографическое описание, служащее универсальным адресом документа в документальных потоках и фондах и, таким образом, выполняющее сигнальную (сообщение о факте появления документа), информационно-поисковую и учетно-регистрационную (идентифицирующую) функции;

2) с в е р т ы в а н и е содержания исходного текста: для отдельного текста типичные операции свертывания — аннотирование, реферирование, конспектирование, сокращенный перевод; для нескольких текстов — библиографический или реферативный обзор; если свертывание сопровождается рекомендациями и оценками, то можно говорить о *свертывании-развертывании;* подготовка вспомогательных указателей к изданиям (именной, предметный, географический и т. п.), комментариев и примечаний есть *развертывание* текста;

3) п е р е к о д и р о в а н и е текста из одного алфавита в другой, например, перевод с одного языка на другой, подготовка машиночитаемого варианта текста.

Если при документальном обслуживании коммуникационные потребности удовлетворяются *опосредованно,* т. е. путем предоставления документов, возможно, содержащих нужные факты и концепции, то фактографическое и концептографическое обслуживание предполагают *непосредственное* удовлетворение потребностей реципиентов.

Возможности для такого обслуживания появились в последнее время благодаря развитию теории и методики аналитико-синтетической обработки документов, являющихся главными носителями фактографической и конпеп-тографической информации.

3.6.2. *Фактографическое обслуживание* заключается в сообщении потребителям фактографической информации. Имеются две точки зрения на сущность фактографического обслуживания. Сторонники первой точки зрения сводят фактографическое обслуживание к отысканию в документах "кусков текста", несущих нужную фактографическую информацию. Отсюда делается вывод, что фактографическое обслуживание — это непосредственное продолжение документального обслуживания. Сначала отыскиваются документы, предположительно содержащие нужные факты, а затем выбираются соответствующие фрагменты текста.

Сторонники второй точки зрения считают, что фактографическое обслуживание непременно предполагает не только разыскание "кусков текста" различных сообщений, но и формирование из этих кусков нового документа, представляющего собой описание данного факта, синтезированное на основе данных, содержащихся в различных сообщениях, причем достоверность этого описания оценивается по принятой шкале.

Фактографическое обслуживание, заключающееся к нахождении отдельных "цитат" (фрагментов) текста, можно назвать *документо-фактографическим,* а обслуживание второго вида - *фактологическим.* В библиотечных условиях документо-фактографическое обслуживание производится при выдаче библиографом "фактической" справки (даты жизни того или иного деятеля, физико-химических характеристик вещества, время свершения события и т. п.). Примером фактологического обслуживания может служить библиографическое уточнение, заключающееся в поиске "недостающих звеньев" описания документа или его корректировке.

Для реализации фактографического обслуживания в больших масштабах, включая фактологический синтез по разнообразным запросам, требуется изменение рода коммуникации: переход от документальной к электронной коммуникации, обеспечивающей диалог пользователя с различными базами данных.

3.6.3. *Концептографическое обслуживание* заключается не только в предоставлении сведений об уже известных концепциях, но и в выработке новых концепций, а заодно и фактов, необходимых для удовлетворения спроса на информацию. Концептографичсское обслуживание является наиболее сложным родом коммуникационного обслуживания, требующим участия высококвалифицированных и эрудированных экспертов. Не всякие концепции могут быть синтезированы в рамках коммуникационных служб. Познание научных законов, создание теорий, выработка методик, программ, алгоритмов и т. н. это область научного и технического творчества, а не коммуникационного обслуживания. В то же время концептографические службы способны предлагать концепции-предположения (прогнозы, тенденции тех или иных общественных явле-

ний), концепции-оценки (рекомендации, советы, мнения), концепции-проблемы, указывающие границы известного, "пробелы" в системе знания и служащие для постановки новых познавательных задач. Можно сказать, что системы концептографического обслуживания синтезируют *ситуативное* знание, предназначенное для более обоснованного принятия управленческих решений в данной ситуации. Поэтому они относятся к классу обслуживающих, а не управляющих или производственных систем.

Следует помнить, что различие между докуменальным и концептографическим обслуживанием заключается не в том, что в первом используются документированные тексты, а во втором нет. Без документов в наши дни немыслимо никакое коммуникационное обслуживание. Собственно само слово "фактография" означает буквально "запись фактов", а "копценторафия" - "запись мысли", и таким образом в том и другом случае речь идет о составлении и использовании документов. Разница состоит в том, что если при документальном обслуживании читателю предоставляются, в конечном счете, те же самые документы, которые были получены архивом, библиотекой, музеем и др. в результате комплектования фондов, то при фактографическом и концептографическом обслуживании пользователь получает *новые документы,* созданные в результате аналитико-синтетической переработки множества сообщений. Другими словами, фактографическое и концептографическое обслуживание *не предполагают* обращение пользователей к тем источникам, из которых были извлечены нужные для синтеза фаты или концепции, а документальное обслуживание, наоборот, ставит целью *активизировать* использование первоисточников, имеющихся в фонде.

Выводы

1. Информация есть научная абстракция, используемая при информационном подходе к реально существующим отражательным и организационным явлениям. Социальная коммуникация представляет собой одно из отражательных явлений, которое может рассматриваться через призму информационого подхода.

2. Социальная информация представляет собой коммуникационное сообщение, обладающее смысловым содержанием и материальным чувственно-воспринимаемым выражением. Смысловое содержание образуют знания, эмоциональные переживания, управляющие воздействия, которые отправитель адресует потребителям информации. Материальной формой может быть алфавит естественного языка, изображение, членораздельные звуки, пантомима и другие социально принятые знаки.

3. Социальная информация делится на виды по общественному назначению. По целевому назначению различаются познавательные, эмоциональные и побуждающие компоненты информационных сообщений. В содержании сообщений представлены уровни фактографической и кон-цептографической информации.

4. Коммуникационное и информационное обслуживание совпадают друг с другом, их можно именовать "информационно-коммуникационным обслуживанием". Они включают три рода обслуживания: документальное, фактографическое, концептографическое.

5. Информационный подход обладает мощным эвристическим потенциалом, благодаря которому он получил широкое распространение в науке, технике и в обыденной жизни. Информация часто понимается как реально существующий объект, свойство или функция, что, строго говоря, некорректно, хотя практически удобно. Следствием некорректного использования информационного подхода является дезориентирующее удвоение терминологии: информацией именуют сигнал, образ, сообщение, знание, структуру; все коммуникационные термины приобретают информационных дублеров (коммуникация = обмен информацией, коммуникационное обслуживание = информационное обслуживание, коммуникационные потребности = информационные потребности и т. д.). Информационный подход узурпировал коммуникационную проблематику, вследствие чего теория социальной коммуникации оказалась заслоненной различными информационными учениями.

4. СЕМИОТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К СОЦИАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Что есть письмо? Хранитель науки.
Что есть слово? Предатель мысли.
Кто обнаруживает слово? Язык.
Что делает язык? Бичует воздух.
Из диспута средневековых схоластов.

4.1. Понятие о семиотическом подходе и семиотике

Семиотический подход представляет собой такой подход, когда в изучаемом объекте выделяются аспекты, так или иначе связанные со знаками. Подобно тому, как информационный подход базируется на категории информации, семиотический подход использует базовую категорию "знак". Коммуникационные сообщения строятся из знаков, поэтому семиотический подход имеет широкое поле применения в теории социальной коммуникации. Более того, можно утверждать, что знаки вообще не существуют вне смысловой коммуникации, поэтому семиотика - это одна из социально-коммуникационных наук. Что представляет собой семиотика?

Стандартные словарные дефиниции сообщают, что *семиотика* (семиология) — научная дисциплина, изучающая природу, виды и функции знаков, знаковые системы и знаковую деятельность человека, знаковую сущность естественных и искусственных языков, с целью построения *общей* теории знаков. По своему научному статусу семиотика является *обобщающей* теорией, использующей эмпирический материал о знаках, добытый лингвистикой, этнографией, социологией, культурологией, психологией, литературоведением, искусствознанием в качестве исходных данных для выявления общих закономерностей.

В перечисленных дисциплинах далеко не всегда применяется термин "знак". В том же значении используются "символ", "сигнал", "симптом", "модель" и др. Во всех случаях речь идет о чувственно воспринимаемых предметах (изображениях, письменах, звуках), которые представляют в социально-коммуникационных и познавательных процессах другие предметы, их свойства и отношения. Сказанное представляет собой общенаучное толкование знака. Всякий знак оказывается единством материального и духовного (смыслового) начала. Каким образом возможно такое единство противоположностей, — главный познавательный вопрос семиотики. Единение материальности и духовности воплощено также в книге, которая представляет собой, с одной стороны, произведение человеческого разума, предназначенное для передачи определенного смысла, с другой стороны, — материальную вещь, обладающую рыночной стоимостью. Аналогично книге, духовно-

материальными единствами являются любые документы, устная речь, экранные изображения. Коммуникационные каналы различаются видами знаков, используемых ими. Разными знаками оперируют устная, документальная, электронная коммуникации.

Уместно заметить, что существует расширительная трактовка семиотики, подобная "панинформизму" в информационном подходе. Но, в отличие от последнего, реальная действительность оказывается носителем не информации, а знаков, нуждающихся в расшифровке. Семиотика объявляется наукой об отношениях между человеком и миром (включая отношения между людьми). В свете подобного "пансемиотизма" в качестве знаков могут рассматриваться конфигурации, которые образуют облака на небе[92]. Астрология оказывается древнейшей семиотической дисциплиной, специализирующейся на прочтении звездных текстов.

Семиотика имеет два первичных источника формирования: философия и лингвистика. Со стороны философии отцом-основателем семиотики считается Чарльз Пирс (1839—1914), американский логик, математик и естествоиспытатель, прославившийся в философии как родоначальник прагматизма. Основные понятия и принципы семиотики — знаковой деятельности — Чарльз Моррис, один из талантливых продолжателей теории Пирса, изложил в монографии "Знаки, язык и поведение" (1946). Помимо американских философов, интересовавшихся прагматическими свойствами знаков, языковые проблемы в 20-е—50-ё годы привлекли внимание западно-европейских ученых, что вылилось в становление самостоятельного направление философской мысли — аналитической философии (см. раздел 4.6.).

Со стороны лингвистики признанным основоположником семиотики, или семиологии, является швейцарский лингвист Фердинанд де Соссюр (1857—1913). Его "Курс общей лингвистики", изданный учениками ученого после его смерти, стал поворотным пунктом в истории языкознания"[93]. Идеи Соссюра использовались в качестве отправной точки в различных школах структурной лингвистики, возникших в Европе и США после первой мировой войны. Кроме лингвистики, структуралистические подходы нашли успешное применение в культурологии и этнографии, литературоведении и экономике.

В дореволюционной России, отличавшейся сильными лингвистическими и литературоведческими традициями, представленными именами И.А. Бодуэна де Куртенэ, Н.С. Трубецкого, Р.О. Якобсона, участниками Общества изучения поэтического языка — ОПОЯЗ и другими литера-туроведами-"формалистами", — была готова почва для восприятия семиотических идей, но эти идеи плохо совмещались с принципом партийности и поэтому после октябрьского переворота оказались отвергнутыми. Семиотическое движение в нашей стране стало проявляться в атмосфере интеллектуального подъема 60-х годов. Тогда

[92] Успенский Б. А. Избранные труды: в 2 т. - Т. 1. Семиотика истории. Семиотика культуры. — М., 1994.— С. 6.

[93] Соссюр Ф. Труды по языкознанию. М., Прогресс. 1977. – 696 с.

была признана структурная (математическая, прикладная) лингвистика, математическая (символическая) логика, и даже были переведены на русский язык некоторые труды аналитических философов. Знаменательным явлением в жизни интеллигентской элиты 60-х—70-х годов стала московско-тартуская школа, связанная с именем 10. М. Лотмана. Опубликованные труды этой школы были, по словам одного из ее участников, "первым открытым бунтом против правящей идеологии в области общественных и гуманитарных наук". Как ни парадоксально, но именно семиотика, одна из наиболее абстрактных и аполитичных дисциплин, стала приютом вольнодумства в советской филологии тех лет[94].

Сейчас официальных препятствий нет, но остались барьеры непонимания, недоверия, умственной лени, которые проницаемы хуже, чем главлитовская цензура. Пожалуй, только этим обстоятельством можно объяснить недооценку значения семиотического подхода и семиотики в современном научном познании.

4.2. Символизм — предшественник семиотики

Мифологическое сознание первобытного человека нуждалось и символах, имеющих сокровенное значение. Эти символы в виде гак называемых абстрактных структурных изображений - стрелы, шевроны, круги, опалы, прямоугольники, змейки, час то сопровождают первобытные произведения искусства. А. Голан провел расшифровку этих изображений, показав, что они связаны с некоторой неолитической религией, распространенной на территории Европы и Передней Азии[95]. Повсеместно, от Пиренейского полуострова до Сибири, встречаются *чуринги* - каменные и костяные пластины с изображением в виде радиальных, исходящих из отверстия в центре, и поперечных линий, прямоугольников, спиралей, концентрических кругов. Их символическая роль несомненна. Нет нужды приводить другие примеры первобытного символизма, достаточно констатировать, что вещественные символы, подобно живой речи, неизменно сопутствовали человеку, начиная с каменного века.

Осмысление феномена символизма началось в классической древнегреческой философии (Плачен, Аристотель) и тогда же были разграничены понятия "знак" (сема) и "символ" (симболон). Более того, они были содержательно противопоставлены друг другу. Знаки считались достоянием обыденней жизни и низкой подражательной поэзии, символы — выражением сакральных божественных истин. Особенно последовательно и отчетливо это противопоставление проводили неоплатоники, в частности, Прокл, соответствующие сочинения которого

[94] Лотман Ю. М. и тартуско-московская семиотическая школа. Гнозис, 1994. — 560 с.

[95] Голан А. Миф и символ. — М.: Руслит, 1993. — 375 с.

дошли до нас"[96].

Согласно Проклу, с помощью мифологических символов человеку передается божественный дух. Божественным символам присуща прозрачность и ясность, но к человеку они обращены своей загадочной и таинственной стороной, которую нужно распознать, пользуясь "сметливостью своего ума". Символическая поэзия провозглашалась вершиной искусства. Если ранее качество художественного произведения оценивалось по степени приближения его к точному воспроизведению натуры (вспомним хрестоматийный пример с птицами, прилетевшими клевать нарисованный виноград), то теперь натурализм осуждался за бессодержательную подражательность. Истинная, самобытная поэзия требует усилий для постижения глубокого и многозначительного смысла ее символов. Мистически затуманенный символизм Прокла был воспринят в Византии и в западном христианстве.

В богословии различают профанную историю, где события не имеют скрытого смысла, и сакральную историю, где одни события являются символами других событий. Специальная богословская дисциплина — экзегетика — занята выявлением глубинных смыслов притч и поступков Христа, описанных в Священном писании.

В теории литературы символ раскрывается как иносказательный художественный образ, примером которого может служить стихотворение М. Ю. Лермонтова "Утес". Образ одинокого утеса, покинутого золотой тучкой, становится символом гордого и сильного человека, страдающего от одиночества. Символические образы изображают не отдельное лицо или событие, а имеют обобщающее значение. Это значение нельзя прямолинейно "расшифровать", его нужно эмоционально пережить и прочувствовать. Символизм в европейской литературе и искусстве сложился в самостоятельное направление, достигшее расцвета в конце XIX — начале XX века. Нельзя не вспомнить русских символистов "первой" и "второй волны", которые сами стали подлинными символами серебряного века русской литературы (К. Бальмонт, В. Брюсов, З. Гиппиус, Д. Мережков-ский, А. Белый, А. Блок, М. Волошин, Вяч. Иванов и др.). Особо следует обратить внимание на философские эссе А. Белого, посвященные символизму[97], и статьи Вяч. Иванова, которые можно включить в состав библиотеки по семиотике.

Раскрывая англо-американское понимание термина "символ", Э. Сепир, один из классиков современной лингвистики, писал в 30-е годы, что символ — это "сгусток энергии", его "действительная значимость непропорционально больше, чем на первый взгляд тривиальное значение, выражаемое его формой как таковой"[98]. Это качество особенно присуще

---

[96] Лосев А. Ф. История античной эстетики. Кн. II. — М., С. 475—488.

[97] Белый А. Символизм как мировоззрение. — М.: Республика, 1994. — 528 с.

[98] Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. 1993. — С. 204—209.

так называемым "конденсационным символам", связанным с политическими или религиозными эмоциями, которые "значат гораздо больше, чем обозначают". "Конденсационным символам" противопоставляются "референциальные символы", эмоционально нейтральные и логически обоснованные; именно последние образуют знаковые системы цивилизованного общества, они рациональны и общеприняты.

В научной литературе и публицистике встречается выражение "символ веры". Символ веры в прямом смысле слова означает краткое изложение основных догматов христианской религии, в иносказательном — понимается как кредо, основные положения какого-либо учения или политической программы.

А. Ф. Лосев авторитетно заявлял: "Понятие символа и в литературе, и в искусстве является одним из самых туманных, сбивчивых и противоречивых понятий... И всем этом все культурные языки мира неизменно пользуются этим термином и всячески его сохраняют, несмотря на десятки других терминов, которыми, казалось бы, вполне можно было его заменить"[99].

Символизм обнаруживается не только в мифологии, религии, политике и литературе, но и в социально-коммуникационной сфере. Книга — традиционный символ духовности и просвещения. "Дом без книг, что тело без души", — говорили древние, отдавая приоритет не орудийной вспомогательности, а символической духовности. Не учитывались тематика, содержательность, полезность книг, важно было их символическое присутствие в человеческом жилище.

Средневековые библиотеки — книгохранилища во дворцах и храмах — создавались не как практически полезное средство познания жизни, а как богоугодное дело спасения души. В новое время королевские (императорские) библиотеки стали символом просвещенной монархии; не случайно статус императорской библиотеки носили Библиотека Академии наук и Публичная библиотека в Санкт-Петербурге. Отличительная особенность национальных библиотек, музеев, заповедников, театров в выполнении символической функции, чем и определяется их статус, авторитет, престиж. Символы, стало быть, вполне реальные и очень важные явления в социально-культурной сфере. Попытаемся вопреки "туманности, сбивчивости и противоречивости" этого понятия все-таки уяснить его содержание.

В пушкинские времена в "Словаре древней и новой поэзии", составленном Н. Остолоповым в 1821 г., *символ* определяется как "знак, относящийся к такому предмету, о котором хотят дать понятие". Весы служат символом правосудия, символом невозможности может быть умывающийся Арап:

Хотя реку воды на Ефиопа лей,

[99] Лосев А. Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. — М., 1995. — С.5.

Не будет он белей.

О глубоком философском содержании понятия символа свидетельствует дефиниция, данная в "Философской энциклопедии" (Т. 5. М., 1970, С. 10 11.): "Символ есть отражение, или, точнее говоря, функция действительности, сигнификативно данная как индивидуально-общий и чувственно-смысловой закон (или модель) с возможным разложением этой исходной функции в бесконечный ряд членов, из которых каждый, ввиду своей закономерной связи с другими членами ряда и с исходной функцией, является как эквивалентным всякому другому члену ряда и самой функции, так и амбивалентным по самой своей природе". Воздержимся от комментариев к этой дефиниции.

В 1987 г. известный культуролог и литературовед Ю. М. Лотман трактовал символ, во-первых, как "простой синоним нпаковости"; во-вторых, как знак некоторого искусственного языка, например, химические или математические символы; в-третьих, как выражение иррациональной незнаковой функции (глубинного сакрального смысла)[100]. Именно символы третьего рода обладают большой культурно-смысловой емкостью (крест, круг, пентаграмма и др.), они восходят к дописьменной эпохе и представляют собой архаические тексты, служащие основой всякой культуры. Ю.М. Лотман пояснил: "Наиболее привычное представление о символе связано с идеей некоторого содержания, которое, в свою очередь, служит планом выражения для другого, культурно более ценного содержания... Символ и в плане выражения, и в плане содержания всегда представляет собой некоторый текст, т. е. обладает некоторым единым замкнутым в себе значением"[101]. Действительно, книги, находящиеся в доме, имеют собственное определенное содержание, вместе с тем это содержание выражает вкусы, интересы, духовные запросы их владельца, становясь таким образом символом духовности (душой) дома.

Детальное изучение таинственной природы символа предпринял А.Ф. Лосев в книге "Проблема символа и реалистическое искусство", где приведена подробнейшая библиография русской и иностранной литературы по символизму (М., 1995.-С. 273-320). В книге подробно растолковываются отличия символа от аллегории, художественного образа, эмблемы, метафоры и других смежных категорий. К сожалению, анализ рассуждений А.Ф. Лосева не вписывается в рамки учебного пособия.

На основе сказанного можно сделать вывод, что *символ* — это социально-культурный знак, содержание которого представляет собой концепцию (идею), постигаемую интуитивно и не выражаемую адекватно в вербальных текстах. Трудно объяснить словами, почему с середины прошлого века красный цвет стал символом революции. Не случайно И. С. Тургенев изображал Рудина перепоясанным красным шарфом и с красным

---

[100] Лотман Ю.М. Символ в системе культуры // Символ и системе культуры: Труды по знаковым системам. Вып.21. — Тарту, 1987. С. 10—21.

[101] Там же, с. 11.

знаменем в руках на баррикадах Парижа. В настоящее время символизм представляет собой одно из направлений семиотики, ждущих своих исследователей.

4.3. Структурная лингвистика

В конце XIX века лингвистика представляла собой описательную науку, заполненную рассказами о грамматиках и словарном составе традиционных и экзотических языков, наречий и диалектов, что, безусловно, имеет важное историко-культурное значение. Однако сравнительно-языковедческие исследования показали, что описательная лингвистика не в состоянии вразумительно ответить на вопросы: что есть слово? предложение? язык? Интуитивные представления разных исследователей не совпадали, в итоге в лингвистике оказалось столько же лингвистических воззрений, сколько лингвистов. Появление структурной лингвистики — реакция на кризис, испытываемый описательным языкознанием.

Отличительная особенность структурной лингвистики, как и структурализма вообще, заключается в поиске объективных закономерностей, скрывающихся в массе разнообразного эмпирического материала. Для выражения закономерных связей нужна достаточно строгая и абстрактная терминология, позволяющая строить обобщения и типизации. Замелькали такие понятия, как "структура", "универсалия", "знак", "парадигма", "синтагма", "фонема", "морфема" и т. д., которые были чужды классической лингвистике. Помимо абстрактных терминов, вошли в обиход структурные формулы, символические модели, а в качестве идеала виделось использование математики, прежде всего — математической логики. Математическая лингвистика открыла дорогу для вычислительной и компьютерной лингвистики, смело взявшейся за машинный перевод, автоматическое реферирование, автоматический поиск информации. Но это произошло позже, во второй половине XX века, становление же структурной лингвистики датируется первой половиной столетия, с обнародования новаторских идей Ф. де Соссюра.

Соссюр осознал, что язык — многоаспектное, можно сказать, многоликое явление: он служит средством общения и орудием мышления, является культурно-историческим феноменом, компонентом социальной памяти, наконец, это сложная знаковая система. В качестве знаковой системы имеющийся в наличии язык можно изучать независимо от его истории, сосредоточивая внимание на уже сложившихся структурных элементах и способах их сочетания. Именно синхроничные языковые срезы стали излюбленной областью структурной лингвистики.

Немаловажно, что Ф. де Соссюр начал строго и последовательно различать *речь* (parole) как результат использования языка при индивидуальном говорении и *язык* (langue) как систему взаимосвязанных знаков. Речь индивидуальна, линейна, явно наблюдаема, язык же, напротив, социален, нелинеен (многомерен) и воспринимается только умозрительно. Языковый знак есть единство означаемого (предмет мысли) и означающего (звуки, буквы, изображение). Соссюру принадлежит идея о вертикальной и горизонтальной осях языка, вдоль которых можно располагать языковые единицы (фонемы, морфемы, лексемы) (См. раздел 6.3.).

Ясно, что лингвистика в понимании Ф. де Соссюра превращается в

формально-логическую теорию, оперирующую умопостигаемыми абстракциями, а не наблюдаемыми реально фактами. Подобную лингвистическую теорию Соссюр включал в состав общего учения о знаках, именуемого им *семиологией.* Нам нет необходимости рассматривать здесь содержание различных направлений структурной лингвистики, наиболее оригинальными и продуктивными из которых явились американская школа дескриптивной лингвистики (Л. Блумфильд и его последователи), копенгагенская школа глоссематики во главе с Л. Ельмслевом, Пражский лингвистический кружок, связанный с русской лингвистической традицией. Каковы же результаты, полученные в конечном итоге? (стали ли нам понятны механизмы развития естественных языков как социально-коммуникационных явлений, возможности сознательного управления ими, взаимосвязи между обществом и языком, между текстом и символом? Структурные методы дали мощный импульс лингвистике, они превратили ее в солидную и авторитетную фундаментальную социально-гуманитарную науку. Но большинство "вечных" вопросов, волновавших классическое языкознание, осталось без ответа. Вот некоторые из них:

1. Неизвестны критерии, которые позволили бы разграничить наречие, диалект, национальный язык. В результате количество живых языков, существующих сейчас на планете, оценивается от 2500 до 5000. А сколько бесследно исчезнувших языков? Ясно, что языковая избыточность препятствует международному сотрудничеству и взаимопониманию народов. Возможно ли успешное конструирование искусственного языка международного общения? Этот вопрос остается открытым. Никаких рецептов по упорядочению языковой ситуации на планете лингвистическая наука предложить не может.

2. Неизвестно не только количество языков, но нет даже удовлетвори тельной их типологии. В качестве типологических признаков используются: связность (спайка, соединение) морфологических элементов слова, — получаются три типа языков: изолирующие, агглютинативные[102], флективные; синтез (оформление) слов языка позволяет разделить языки на четыре типа: изолирующие (как и в первом случае в этом качестве выступают китайский, вьетнамский, кхмерский, сиамский языки), слабосинтетические - большинство европейских языков, вполне синтетические — арабский, санскрит, латинский, греческий, полисинтетические эскимосский и языки некоторых индейских племен. Ясно, что типологии такого рода нельзя назвать сущностными.

Построить культурно-генетические типологии, учитывающие уровень культурного развития общества-носителя языка или ею этническую историю, не удается. Не оправдалось предположение, что примитивные первобытные племена должны иметь более простой язык, чем западноевропейские нации. Оказалось, что выразительные возможности, семантическая сила, логичность грамматики языка не зависят от культурного уровня пользующегося им

[102] Агглютинативные (досл. “склеивающие” языки) – это языки, в которых каждый аффикс имеет определенное звучание и определенное, закрепленное за ним грамматическое значение, а слово строится путем нанизывания таких аффиксов. Например, в киргизском: кол – дол – ум – го “моим рукам” , кол – рука, - дол – аффикс множественного числа, - ум – аффикс 1-го лица, - го – аффикс дательного падежа.

народа. "Применительно к теории коммуникации, - делает вывод Э. Сепир, - это означает, что методы понимания означающих представителями рода человеческого в равной степени надежны, сложны и богаты оттенками в любом обществе, примитивном или развитом"[103].

3. Современная лингвистика признала свое бессилие в раскрытии тайны происхождения естественных языков. В отличие от прошлых времен, даже новые гипотезы по этому поводу не выдвигаются. Действительно, объяснить совершенство языков примитивных народов, конкурирующее с языками высокоцивилизованных наций, можно только в том случае, если признать происхождение человеческого языка от "языка Адама", дарованного ему самим богом и поэтому отличавшимся божественной красотой и силой, которые постепенно утрачивались по мере становления человечества. Но подобное разрешение загадки языка мы принять не можем.

4. В отличие от всех биологических и социальных образований не обнаруживается никакой эволюции человеческих языков. Возникнув таинственным образом на заре человечества, не поддающееся логической упорядоченности многообразие человеческих языков представляет собой неуправляемую стихию, неподвластную рационализации, дисциплине и указаниям власти. "Цезарь не выше грамматиков!" — сказал один ученый вольнодумец императору Тиберию, и он прав. Более того, оказалось, что языковая стихия сама управляет сознанием людей. Гипотеза "лингвистической относительности" Сепира - Уорфа до сих пор не опровергнута. В 1924 году в статье "Грамматист и его язык" Э. Сепир высказал предположение об относительности мышления, которое виделось ему во влиянии на него языка, которым пользуется мыслящий индивид. Б. Уорф, ученик Сепира, сделал более радикальный вывод о прямой зависимости мышления от языка, диктующего людям схемы видения и понимания окружающей действительности. Как избавиться от этого диктата и обрести свободу мировоззрения?

5. Остались до сих пор нереализованными обещания о машинном переводе с одного естественного языка на другой. Участие человека-постредактора по-прежнему остается условием приемлемого качества при переводе научно-технических текстов, а автоматический художественный перевод не просматривается даже в отдаленном будущем.

Почему же усилия талантливых, отважных и эрудированных лингвистов не дали желаемых результатов? Главная причина заключается в дисциплинарной ограниченности — язык нельзя познать, оставаясь в пределах языкознания. Естественный язык — важнейшее, но далеко не единственное средство социальной коммуникации. Человеческое общество располагает богатым запасом коммуникационных каналов и знаковых систем, которые правоверными лингвистами не учитываются. Достоинство обобщающего семиотического подхода заключается в том, что он разрушает дисциплинарные границы и ориентирует исследователя на широкое, междисциплинарное видение.

---

[103] Сепир Э. Избранные чруды но языкознанию и культурологии. — М., 1993.— С.211.

4.4. Семиотический континуум

Приведенное в разделе 4.1. стандартное толкование, согласно которому знаком является тот предмет, который репрезентирует (представляет, замещает) другой предмет (свойство, отношение), нуждается в уточнении и развертывании. В соответствии с этим толкованием всякий символ есть знак, поскольку он репрезентирует определенную идею, или, по цитированным словам Ю. М. Лотмана, "выражает другое, более ценное содержание". Вместе с тем Лотман утверждает, что "символ и в плане выражения, и в плане содержания всегда представляет собой некоторый текст". Действительно, для объяснения сущности национального флага или государственного гимна требуется довольно распространенный текст. Тот же Лотман в другой своей работе отождествляет художественное произведение с отдельным знаком, репрезентирующим замысел художника и имеющим целостную структуру. Текст, допустим, "Анны Карениной" превращается в литературоведческий знак, что создает условия для развития семиотического подхода в литературоведению[104]. Таким образом, водораздел между знаком и текстом оказывается размытым, и это обескураживает прямолинейно мыслящего исследователя. Где кончается "знак" и начинается "текст"?

Ситуация усложняется еще больше, если обратиться к зарубежным структуралистам-филологам. 'Текст не ограничивается рамками добропорядочной литературы, не поддается включению в жанровую иерархию, даже в обычную классификацию, — пишет Р. Барт. — Текст уклончив, он работает в сфере означающего. Текст зиждется не на понимании, а на метонимии; в выработке ассоциаций, взаимосцеплений, переносов находит себе выход символическая энергия; без такого выхода человек бы умер..." и т.д.[105] В итоге текст перерастает в "дискурс" или "диалог" (в смысле М.М. Бахтина) и оказывается обозначением смысловой среды, среды всеобъемлющей культуры, в которой обитает цивилизованный человек, постоянно общающийся с другими людьми и совместно с ними творящий бесконечный глобальный текст.

Таким образом, вырисовывается семиотический континуум — последовательность плавно переходящих друг в друга знаков, символов, текстов. Классическим примером континуума является цветовой спектр, где один цвет незаметно переходит в другой и невозможно установить границу между голубым и зеленым, красным и оранжевым цветами. Точно так же не видно границы между знаком и текстом, словом и предложением (яркий пример — явление морфосинтаксиса или инкорпорации — объединение в одном слове именного объекта и глагола, свойственное некоторым языкам американских индейцев). Спаянность семиотического континуума затрудняет

---

[104] Лотман Ю. М. О разграничении лингвистического и литературоведческого понятия структуры // Вопр. языкознания. — 1963. — N 3. — С. 44—52.

[105] Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика / Пер. с фр. — М., 1994.—С. 415—417.

его структурный анализ, выявление уровней, классифицирование знаков. Тем не менее, мы не можем отказаться от препарирования семиотического континуума, ибо только таким путем возможно его познание.

Попытаемся для начала уточнить соотношение между понятием "знак" и "код", которое выглядит довольно запутанным. В "Советском энциклопедическом словаре" (М., 1984), где знаком именуется "материальный чувственно воспринимаемый предмет, который выступает как представитель другого предмета", код определяется как "совокупность знаков (символов)". Получается явная нелепость: "код — совокупность представителей разных предметов". В 'Толковом словаре по информатике" (М., 1991) сообщается, что "код - множество слов в некотором алфавите", а знак — "отдельный символ алфавита". Выходит, что буквы "м" и "а" — это знаки , а слово "мама" — это код. Понятие "код" укоренилось в технике связи (телеграфный код, код Морзе), в вычислительной технике, математике, кибернетике, информатике, даже в генетике (вспомним "генетический код"). Характерно, что во всех случаях не требуется обращение к смыслу кодированных сообщений. Когда кодом называется естественный язык, учитывается внешнее сходство, а смысловая сторона игнорируется. В теории кодирования решаются проблемы оптимизации и помехозащищенности кодов, а не проблемы их понимания. Можно человекочитаемый текст закодировать телеграфным кодом, и содержание текста при этом не изменится. Аналогично звуковую речь можно закодировать письменами. С известными оговорками перевод трагедии Шекспира с английского языка на русский можно трактовать как перекодирование. Во всех этих случаях происходит изменение внешней, материальной формы знака или текста, а внутренняя, смысловая его сторона сохраняется постоянной. Трансформируется "тело" знака, а не смысл его. Таким образом, не код — "совокупность знаков", а наоборот — текст или знак — последовательность кодов.

Теория кодирования входит в семиотическую проблематику, занимающуюся построением искусственных языков, машинным переводом, шифровкой и дешифровкой текстов. Ее предметом является *план выражения* знаков, г. е. чувственно-наглядные средства репрезентации представляемого знаком предмета, а не отношение обозначаемое — обозначающее, образующее *план содержания* знака. Именно такая позиция, как известно, свойственна математической теории информации К. Шеннона, которая, измеряя в битах количество информации, абстрагируется от ее смысла.

Сказанное позволяет разграничить коды, знаки, тексты следующим образом: знаки и тексты в качестве духовно-материальных единств имеют две стороны, или два плана: план содержания и план выражения; коды же плана содержания не имеют, они служат "строительным материалом" для плана выражения знаков и текстов. Остается однако открытым вопрос о разграничении знаков и текстов. Чтобы найти семиотически приемлемое решение, обратимся к идеям одного из основателей глоссематики, замечательного датского лингвиста Людвига Ельмслева (1899—1965).

Вслед за Л. Ельмслевом[106] будем в плане содержания семиотических сообщений различать:

1) субстанцию плана содержания — аморфный, несформулированный замысел, мысленный образ будущего текста;

2) форму содержания — результат наложения на аморфный замысел структуры и выразительных возможностей данного языка, формирующих мысль в границах лингвистической относительности Сепира — Уорфа.

В плане выражения обнаруживаются:

3) субстанция плана выражения — звуки, изображения, пантомима и другие материальные носители сообщений;

4) форма плана выражения — фонетический состав разговорного языка, алфавит письменности, выразительные средства живописи, музыки, танца и т. п.

Получается таким образом 4 уровня семиотического континуума, из которых четвертый уровень — это *коды,* а третий — их материальные *носители.* Второй уровень — *поверхностный смысл* текста, представляющий собой сумму смыслов знаков, образовавших текст; первый уровень — *глубинный смысл,* исходный замысел автора, определивший выбор знаков и способов кодирования. Соотношение между глубинным и поверхностным смыслами — это лингвопсихологическая проблема соотношения мысли и слова. Л. С. Выготский писал по этому поводу: "Мысль не есть нечто готовое, подлежащее выражению... Мысль есть внутренний опосредованный процесс. Это путь от смутного желания к опосредованному выражению через значения, вернее, не к выражению, а к совершению мысли в слове"[107]. Мысль, таким образом, рождается в результате оперирования субъективными, не доступными другим людям смыслами.

Отчетливо разграничены глубинные смыслы (мораль) и поверхностные смыслы (повествование) в баснях, притчах, поговорках. Любое художественно-литературное произведение обладает идейно-эстетическим замыслом, не сводимым к сумме смыслов используемых знаков. Литературная критика, кстати говоря, как раз занимается выявлением глубинных, а не поверхностных смыслов.

Теперь можно, наконец, предложить критерий разграничения понятий "текст" и "знак". *Знак* — кодовое выражение, обладающее только поверхностным смыслом (значением). Например, взятое вне контекста слово с его словарным толкованием является подобным знаком. *Текст* — есть отдельный знак или (как правило) упорядоченное множество знаков, объединенных единством замысла коммуниканта и в силу этого обладающих глубинным смыслом. Именно отсутствие глубинного смысла разделяет текст и знак. Символы потому и считаются текстами, что они обладают глубинными, иногда мистическими смыслами. Текстом можно назвать роман, реплику в

---

[106] Ельмслев Л. Пролегомены к теории языка // Новое в зарубежной | лингвистике. Вып. 1. — М., 1960. — С. 305—318.

[107] Выготский Л.С. Психология искусства. — М., 1968. С. 190

диалоге, стихотворение, художественное полотно, инженерный проект, архитектурный ансамбль, пантомимический этюд, фортепьянную пьесу, частушку и многое другое. Энциклопедия, собрание сочинений, сборник статей, библиографический указатель есть текст текстов, или *супертекст,* поскольку в них глубинные смыслы отдельных произведений организованы согласно замыслу их составителей (создателей нового глубинного смысла). Объединив все мыслимые тексты и супертексты, можно придти к глобальному Тексту — абстракции структурализма. Итак, диапазон семиотического континуума простирается от бессодержательного кода до глобального Текста.

4.5. Классификация знаков

Невозможно ориентироваться в семиотическом континууме, не располагая практически пригодной классификацией знаков. Предлагаемые в литературе классификации знаков довольствуются тремя-четырьмя классами и не раскрывают многомерность и противоречивое многообразие мира знаков. Попробуем преодолеть эти ограничения.

Знаки, как было сказано, используются в двух областях духовной жизни общества: познания и коммуникации. В познании оперируют *знаками-образами,* воспроизводящими отличительные признаки обозначаемого явления в силу причинно-следственной связи с ним. В коммуникации используют *коммуникационные знаки,* создаваемые специально в ходе социально-культурной деятельности.

Знаки-образы подразделяются на *симптомы* (знаки-индексы) — наблюдаемые явления, свидетельствующие о наличии других, непосредственно не наблюдаемых явлений (дым — признак пожара, повышенная температура — признак болезни, народные приметы и т. д.) и *модели* — материальные предметы или тексты (записи), воспроизводящие внешний вид или внутреннее устройство объекта с целью его познания. Модели в виде материальных предметов представляют собой *копии* (в том числе — фотографии), а текстовые модели — *описания* моделируемых объектов. В моделях-описаниях используются те же знаки, что и в коммуникационных текстах, и таким образом познавательные знаки - образы сливаются с искусственными коммуникационными знаками. Собственно говоря, поверхностные смыслы текста моделируют глубинные его смыслы, так что всякий текст, а произведения искусства — прежде всего, правомерно считать моделью. Знаки-копии обладают документальным качеством и подобны вещественным символам.

Коммуникационные знаки делятся по способу воплощения на две группы: *поведенческие,* нестабильные, представляющие собой акты действия в реальном масштабе времени, и стабильные, *документальные* предметы, способные сохраняться с течением времени. Устная речь и исполнительское искусство пользуются поведенческими знаками, а письменная речь и изобразительное искусство — знаками документальными.

Кроме того, коммуникационные знаки можно поделить на:

а) *одиночные,* единичные знаки-символы, например, обособленные жесты

(не пантомима или жестикуляция, а отдельный жест), вещественные символы типа амулета, обручального кольца, фирменного знака, государственной символики, музейного экспоната;

б) *языки* — знаковые системы, в которых из кодов (букв, цифр, условных обозначений) при помощи грамматических правил строятся осмысленные лексические единицы и предложения. Язык задается в виде кодов — членораздельных звуков (фонем) или алфавита букв (графем) и правил оперирования с кодами — грамматики (синтаксис Языки делятся на *естественные* (русский, английский т. д.) и *искусственные* — химические символы, дорожные знаки, ноты, языки программирования, языки международного общения типа эсперанто, идо, интерлингва. Отличие одиночного знака от языка состоит в том, что первый находится вне грамматики, а второй включает в свой состав некоторую простую или сложную грамматику.

Этнографы и культурологи давно обратили внимание на специфические отличия коммуникационных знаков, используемых в разных культурах. Для учета этих отличий было введено понятие *язык культуры,* под которым понимается "совокупность всех знаковых способов вербальной и невербальной коммуникации, которые объективируют культуру этноса, выявляют ее этническую специфику и отражают ее взаимодействие с культурами других этносов"[108]. На стыке этнографии и семиотики образовалась этносемиотика, предметом которой является язык культуры. На рис. 4.1 приведена классификация знаков и языков, обобщающая сказанное.

4.6. Семантический треугольник

Как мы отмечали уже, вторым источником образования семиотики, помимо лингвистики, послужила философия, точнее, логика. Мысль и слово, понятие и имя всегда привлекали и философов, и лингвистов. Как возникает единство членораздельных звуков и психических образов. Каким образом предметы окружающей действительности и субъективные переживания человека обретают словесное выражение? Молодой А. Ф. Лосев афористично ответил в одном из своих сочинений 20-х годов: "Вещь имеет смысл. Смысл оформляется в определенное понятие. Понятие оформляется в выражение. Выражение делается словом"[109]. Однако "закрыть вопрос" не удалось. Напротив, "поворот к языку" стал характерной особенностью философии XX века, когда ведущих мыслителей серьезно обеспокоил тот факт, что "мы не понимаем логики нашего языка" (Л. Витгенштейн). В конце 60-х годов И.С. Нарский констатировал: "Проблема значения принадлежит к наиболее важным и интересным в философском отношении проблемам нашей эпохи и является одной из самых спорных в совре менной философской

[108] Мыльников А. С'. Язык культуры и вопросы изучения этнической специфики средств знаковой коммуникации//Этногеографическое изучение знаковых средств культуры. — Л., 1989. — С. 8.

[109] Лосев А. Ф. Бытие. Имя. Космос. — М., 1993. — С. 831.

литературе"[110]. Поиском логически непротиворечивого языка занялась *аналитическая философия* — авторитетное направление западноевропейской философской мысли, представленное именами Б. Рассела, Л. Витгенштейна, Р. Карнапа, Дж. Мура, М. Шлика, У. Куайна и др. Язык стал рассматриваться не как привычное

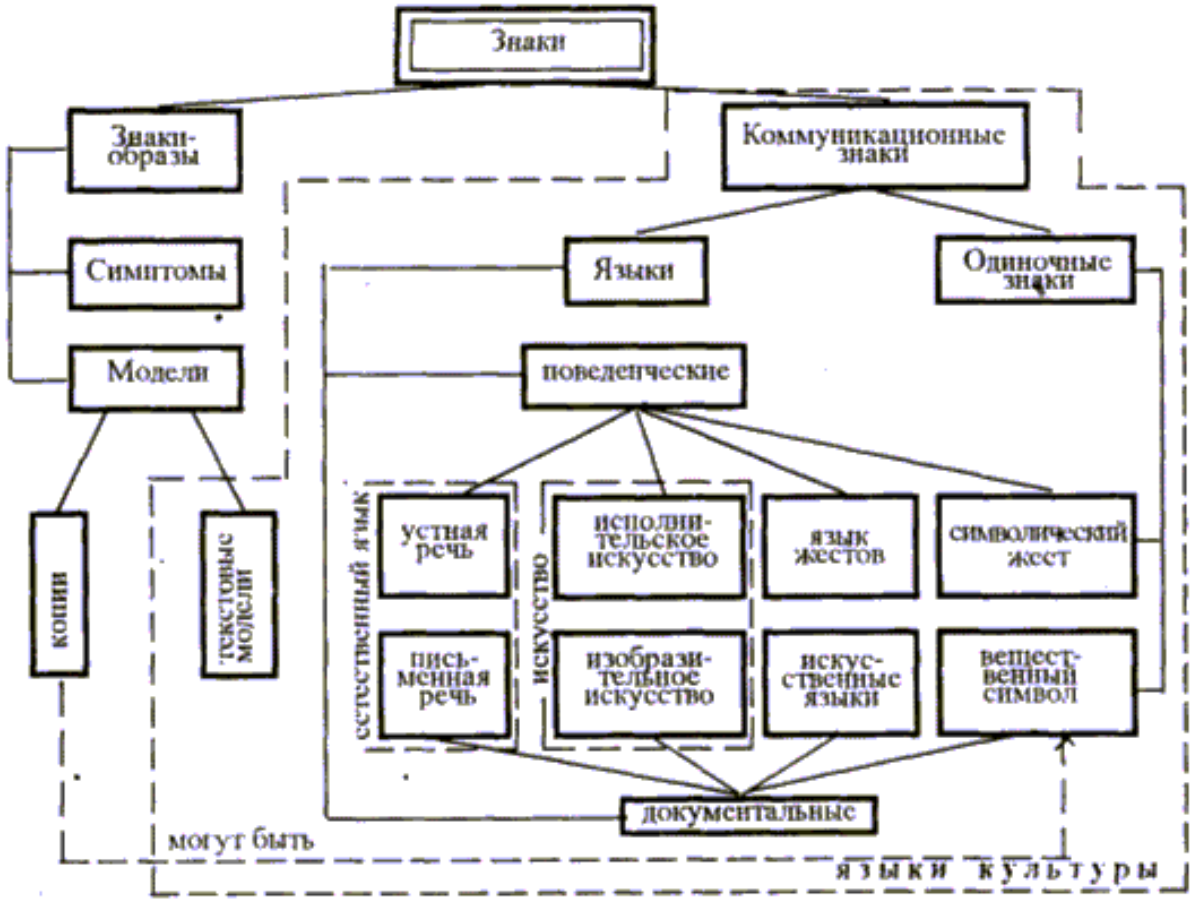

Рис. 4.1. Классификация языков

средство для сообщения результатов философствования, а как привлекательный предмет философствования. На первом "романтическом" этапе аналитической философии, когда она формировалась под знаменем логического позитивизма, существовала уверенность, что опираясь на аппарат математической логики, можно распознавать истинные утверждения и отсеивать ложные, превращая философию в стройную дедуктивную науку, очищенную от дезориентирующей метафизики.

После того, как утопическая программа логического позитивизма потерпела фиаско, аналитическая философия сосредоточилась на изучении "стихии обыденного естественного языка", сблизившись со структурной лингвистикой. Вот здесь-то и вышла на первый план проблема значения, изучение которой уже имело продолжительную историю в семиотических

[110] Нарский И. С. Проблема значения "значения" в теории познания // Проблема знака и значения. — М., 1969. — С. 5.

учениях. Пожалуй, наиболее заметным достижением явился так называемый *"семантический треугольник",* введенный в научный оборот американскими семиотиками С.К. Огденом и И.А. Ричардсом в их книге с характерным названием "Значение значения: Исследование влияния языка на мышление и научный символизм", опубликованной в 1923 году. Треугольник Огдена-Ричардса представляет собой удачную модель взаимосвязи трех главных логико-лингвистических категорий: 1) данный в ощущениях объект реальной действительности, именуемый в логике "денотат", а в лингвистике "референт"; 2) возникающий в сознании людей мысленный образ (психологическое представление) о данном объекте, которое в логике называется "понятие" или "концепт", а в лингвистике "значение" или "смысл"; 3) принятое в человеческом обществе наименование объекта — "имя" (слово, лексема). На рис. 4.2. воспроизведен прославленный треугольник с некоторыми дополнениями.

Рис. 4.2. Семантический треугольник

Одно из достоинств семантического треугольника состоит в том, что он наглядно показывает структуру знака: единство духовного плана содержания и материального плана выражения. Введенное Ф. де Соссюром отношение "означаемое — означающее" соответствует отношению "денотат — знак", и именно это отношение называется семантическим. Существует мнение, что семантическое отношение — это отношение между планом выражения и планом содержания знака, т. е. отношение "имя — значение". Это мнение непродуктивно, поскольку значение нельзя мыслить в отрыве от денотата, обозначенного знаком.

Семантический треугольник хорошо выполняет свои иллюстративные функции, когда в качестве знака выступает полнозначное слово (лексема). Слово в тексте, помимо лексического значения (концепта), приобретает грамматическое значение (род, число, падеж существительных, глагольные формы и т. д.). Грамматические значения, наряду с лексическими, входят в план содержания речи и фиксируются при помощи суффиксов, окончаний (как говорят лингвисты, — морфов) в плане выражения. Грамматические отношения плохо вписываются в семантический треугольник, но упускать их из виду ни в коем случае нельзя.

Теперь можно дать семиотическую (логико-лингвистическую)

дефиницию коммуникационного знака: *коммуникационный знак* есть социально признанное единство значения и имени, т. е. содержания и выражения. Условие социального признания, или конвенциональности[111], обеспечивает понятность знаковых имен для реципиентов.

Приведенную выше дефиницию нельзя распространить на знаки-образы, не обладающие конвенциональностью; следы, гром или шелест листвы выполняют роль познавательных знаков, но коммуникационными знаками не являются.

Всякий коммуникационный знак можно трактовать как Минимальный текст или элементарное осмысленное сообщение, образно говоря, знак-атом *социальной коммуникации.* Может быть сообщение, состоящее из одиночного символа или языкового знака, но сообщения менее одного знака быть не может, ибо в нем не будет значения (плана содержания).

Семантический треугольник, благодаря своей наглядности, позволяет изящно сформулировать понятие синонима: разные имена, имеющие одинаковый денотат; или омонима: имя, имеющее несколько различных денотатов. Полезно использовать модель семантического треугольника для уяснения более сложных семиотических и гносеологических проблем:

1. Что первично: мышление или речь? Основоположник современного языкознания В. Гумбольт (1767—1835) утверждал, что понятие предшествует слову, ибо в противном случае у слова нет значения. Таким образом развитие языка шло, по его мнению, в направлении: денотат — концепт — имя. А.А. Потебня (1835— 1891), выдающийся отечественный лингвист XIX века, считал, что "мысль вскормлена словом" и исторически действовала цепочка: денотат — имя — концепт. Дискуссия о связи речи и мышления продолжается до сих пор, но вряд ли можно отдать абсолютное предпочтение той или иной точке зрения. Денотативное мышление по вектору "денотат — имя" свойственно примитивному сознанию, скользящему по поверхности явлений. Углубление в сущность окружающей действительности влечет обогащение психического мира, для словесного выражения которого требуются новые имена формирующиеся по вектору "концепт — имя". Получается, что внутри семантического треугольника возможны два противоположно направленных пути от денотата к имени, которые не исключают, а дополняют друг друга.

2. Текстовой треугольник. Семантический треугольник относится обычно к лексическому уровню, т. е. к словам естественного языка, но можно его распространить на текстовый уровень, где знак представляет собой символ, аллегорию или художественное произведение. Здесь, помимо конвенциально связанных с данными именами концептов (поверхностного смысла), появляется дополнительно глубинный смысл, который соотносится с денотатом, являющимся не отдельным предметом, а предметной ситуацией. В

[111] Проблема конвенциональности, т.е. приписывания имен тем или иным объектам, одна из главных в логической и лингвистической семантике. Произвольность имен, образующих план выражения разных естественных языков, кажется очевидной. Неясно, как произвольное сочетание звуков привязывается сознанием к объекту.

результате знаковый семантический треугольник преобразуется в текстовой треугольник (см. рис. 4.3).

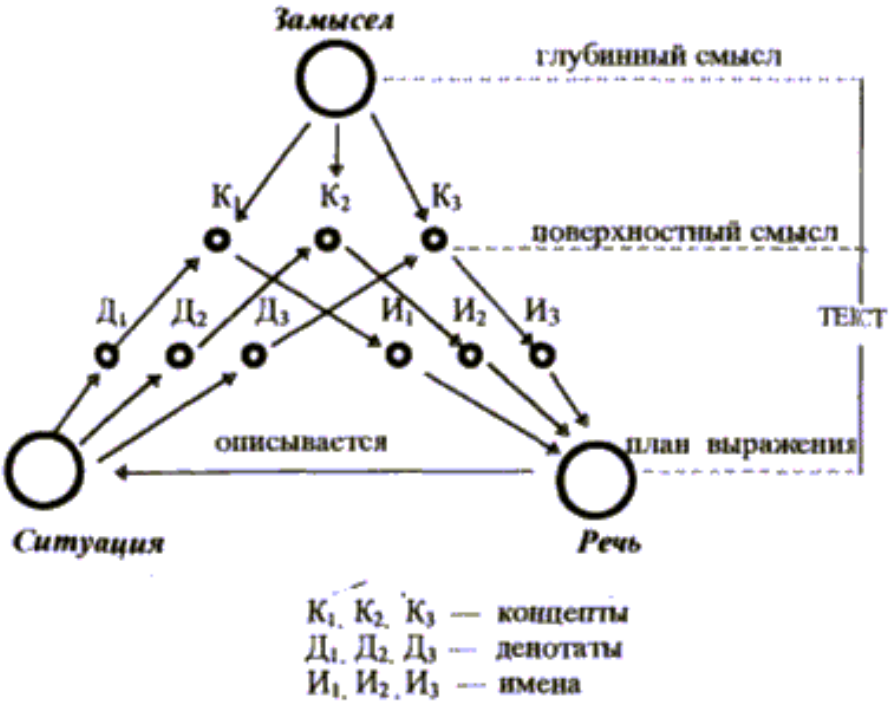

Рис. 4.3. Текстовой семантический треугольник

3. Сущность авангарда как радикально-нигилистического течения в литературе и изобразительном искусстве начала XX века хорошо иллюстрируется в терминах семиотики.

Вечным проклятием общедоступного языка является его банальность. Для того, чтобы коммуникант и реципиент понимали друг друга, они должны соблюдать языковые конвенции, т. е. находиться в рамках когда-то и кем-то установленных грамматических правил и лексического состава. Авангардисты заявили протест против традиционных языковых условностей, рассматривая их как произвольные ограничения свободы самовыражения художника. Они отказывались выражать свои новаторские концепции обыденными именами, взятыми "напрокат" из языкового фонда, и отстаивали свое право на использование собственных, изобретенных ими имен. Русские футуристы Д. Бурлюк, А. Крученых, В. Маяковский, В. Хлебников особенно решительно разрушали традиционный семиозис. В своих манифестах "Пощечина общественному вкусу", "Слово как таковое" они предписывали творить слова произвольно, ибо будетляне-речетворцы должны уничтожить прежний застывший язык и пользоваться разрубленными словами, полусловами, чтобы выразить стремительность современности.

Особенно показательна идея заумного языка, *зауми.* Заумь — это означающие без означаемых, т. е. имена, сознательно оторванные от денотатов, дабы полнее раскрыть глубинные смыслы художника. В зауми не концепты выражаются в именах, а имена обуславливают концепты. Для футуристов исходной точкой творчества является не мысль, ищущая своего выражения, а звуковой арсенал (фонетика) языка, порождающая заумные

конструкции в сознаниях коммуниканта (поэта) и реципиента. Классический семантический треугольник как бы инвертируется, и его исходной вершиной становится не денотат, а имя. Заумь мыслилась как реконструкция первоначальной (исторически и индивидуально) формы поэтического слова. Примером заумной поэзии может служить строка Алексея Крученых "Дыр бул щыл", которая родилась в итоге усилий[1] по вытравливанию "грязных клейм здравого смысла и хорошего вкуса" ради "зарниц новой грядущей красоты самоценного (самовитого) слова". Давид Бурлюк расшифровал эту *футуристическую* криптограмму следующим образом: "Дырой будет уродное лицо счастливых олухов".

Творческие поиски поэтов-футуристов чудесным образом совпали с исканиями художников-авангардистов, отвергавших сюжетную и тематическую заданность и стремившихся узреть формы, выходящие за пределы естественных форм. Нельзя отрицать, что "семиотические игры" футуристов и авангардистов создали новые перспективы для словесного, художественного, музыкального творчества, которые постепенно получают признание.

4. Коннотация. Термин "коннотация" (соозначение) был предложен знаменитым английским логиком Д.С. Миллем (1806—1873) в дополнение к принятому в логике термину "денотация" (означение). Денотат обычно мыслится как объект, а коннотат — как свойство, в принципе независимое от денотата. К примеру, в языке встречаются слова, не имеющие денотата, но имеющие коннотацию — совокупность известных свойств, например, "русалка", "единорог". Коннотация отражает свойства, выявленные в денотатах мыслящим субъектом, ассоциированные с данным денотатом и выражающие эмоциональное отношение субъекта к денотату. Так, в слове "лачуга" содержится денотативный концепт "дом", "жилище" и коннотативное значение "скверный, маленький". Денотативные концепты входят в общее языковое сознание социума, а коннотативные концепты (коннотаты) относятся к групповому или индивидуальному сознанию[112]. Поскольку коннотация играет важную роль в знаковой деятельности людей, желательно включить ее в семантический треугольник Огдена-Ричардса, который приобретает форму четырехугольника (см. рис. 4.4).

[112] Отечественными психологами (А.Н. Леонтьев и его школа) факт несовпадения индивидуального и общественного языкового сознания учитывается благодаря различению "значения" и "смысла" слов. Значение понимается как устойчивое, общественно признанное объективное понимание данного слова, а "смысл" — это субъективная трактовка его личностью или социальной группой. Утверждается, что "в смысле слова фиксируется опыт, релевантный не для всего общества, а для класса, социальной группы, социального института и т. п. Если опыт, зафиксированный в смысле, становится релевантным для всего общества, то он входит в значение слова" (Основы теории речевой деятельности. - М., 1974. — С.271.). Нетрудно видеть, что "значение" в данном случае аналогично денотативному концепту, а "смысл" - коннотативному концепту. Мы понимаем "смысл" совсем иначе, отождествляя его с философской категорией идеального.

Рис. 4.4. Семантический четырехугольник

Рис.4.4. показывает, что под действием субъективных коннотатов общеязыковой денотативный концепт видоизменяется, что приводит к изменению имени. Поскольку у разных субъектов могут быть разные коннотации относительно одного и того же денотата, изменения имен далеко не совпадают (один и тот же дом может называться то "лачуга", то "дворец").

Понятие коннотации имеет важное значение для анализа коммуникации в современном обществе, состоящем из различных социальных групп (слоев, классов). Социальные группы имеют субъективно окрашенное групповое сознание и могут создавать свою своеобразную субкультуру. Групповые ценности, симпатии и антипатии, установки, идеалы и прочие духовные образования группового сознания будем именовать коннотатами. Коннотаты, воздействуя на концепты национального языка, приводят к образованию *социолектов.* Есть социолекты, обладающие собственным лексическим запасом, например, терминология науки или язык преступного мира. Чаще всего социолект строится. путем переосмысления общеязыковых имен и выражений. В результате происходит расслоение национального языка на множество социолектов, выражающих мировосприятие того или иного класса, социальной группы, литературного направления, партии, общественного движения и т. д. Допустим, такие слова, как "демократия", "гласность", "равенство", "патриотизм", "права человека", "рынок" имеют разное ценностно-ориентационное содержание в лексиконе — социолекте разных российских политиков, органов печати, телевизионных программ. Социолект выступает в качестве своеобразной идеологической призмы, побуждая индивида видеть, понимать и оценивать реальную действительность в определенном свете и под определенным углом зрения.

Коннотативные значения приобретаются не только политическими выражениями, но и научными терминами, языками искусства (в зависимости от школы, течения, направления), даже словами обыденной речи и предметами обихода (одежда, мебель, утварь и пр.). "Модность",

"престижность", "архаичность" и т. п. — это выражение не денотативных, а коннотативных значений. В отличие от денотации, коннотация быстро изменяется, непредсказуемо возникает и исчезает; она не фиксируется в толковых словарях, но играет важную роль в социальной коммуникации. Вполне очевидно, что все типы коммуникационных знаков (см. рис. 4.1) способны воспринимать коннотативные значения.

Обращение семиотики к коннотативным значениям позволяет включить в ее сферу, помимо знаков, непосредственно осознаваемых и сознательно используемых людьми, также знаки укорененные в сфере социального бессознательного, к которой никогда не обращались классическая лингвистика или логика.

4.7. Семантика, синтактика, прагматика

Семиотический подход предполагает рассмотрение всякого текста в трех аспектах, или в трех "измерениях": семантическом, синтаксическом, прагматическом . Соответственно семиотика делится на три части: семантика, синтактика, прагматика, подобно тому как лингвистика подразделяется на фонетику, грамматику (в свою очередь состоящую из морфологии и синтаксиса), лексикологию, *Семантика* имеет дело с отношениями знаков к тому, что они обозначают, с денотатами, значениями, именами, представленными в классическом семантическом треугольнике

Степанов Ю. С. В трехмерном пространстве языка: Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. — М.: Наука, 1985. — 335с.

(рис. 4.2). *Синтактика* рассматривает способы сочетания знаков, ведущие в конечном счете к порождению текстов. Ее предметом являются синтаксис и грамматика разных знаковых систем. *Прагматика* занимается отношением человек (коммуникант или реципиент) — знак.

Если вернуться к уровням семиотического континуума, представленным в разделе 4.4, то глубинный смысл (замысел), в соответствии с которым коммуникант подбирает и организует знаки, относится к компетенции прагматики. Замысел зависит от намерений и целей, преследуемых коммуникантом, его понимания важного и полезного в коммуникационной деятельности, поэтому глубинный смысл можно постичь только с позиций прагматики, учитывая ситуативно изменяющееся отношение "человек — знак". Поверхностный смысл доступен всякому человеку, владеющему семантикой языка текста. Этот семиотический уровень постигается семантикой. Синтактика' имеет своим предметом план выражения сообщений, где его определяется порядок следования (расположения) знаков, т. е. отношения "знак — знак", классическим примером которых могут служить грамматические согласования между словами предложения.

В коммуникационном обслуживании учет семантических, синтаксических, прагматических аспектов иногда бывает весьма полезным. Например, библиографы, подбиравшие литературу в соответствии с читательским запросом, зачастую сталкивались с тем, что читатель отвергал документы, казалось бы, бесспорно лежащие в тематических рамках запроса, а

другие, явно не имеющие отношения к теме, с энтузиазмом принимал. В чем причина этого феномена: неквалифицированность библиографа или капризы читателя? Проанализируем ситуацию с семиотических позиций.

Читатель обращается в библиотеку с тематическим запросом из-за дефицита знаний по данной теме, который переживается им как коммуникационная (информационная, познавательная — не будем здесь уточнять) потребность. Потребность существует объективно, осознается она в виде субъективного образа предмета потребности, в данном случае - представления читателя о тех знаниях, которых, по его мнению, ему не достает. Это представление (субъективный образ потребности, иногда называемый "интерес") выражается в запросе (причем формулировка запроса, как правило, задается шире тематических рамок нужных знаний, чтобы избежать потерь информации). В результате получается семантический треугольник (см. рис. 4.2), где в качестве денотата выступает объективная потребность, которая отражается в ее субъективном образе (концепт потребности), а осознанный субъектом образ выражается в тексте запроса, который направляется в библиотеку.

Библиограф, получивший запрос, может его уточнить и конкретизировать, сделать более адекватным объективной потребности, но, в конечном счете запрос остается текстом с явно выраженным поверхностным смыслом и сокровенным глубинным смыслом (представления читателя о своих потребностях), о котором известно лишь читателю, но никак не библиографу. Библиограф в результате библиографического поиска получает множество документов, представляющих собой тексты, также имеющие два смысловых уровня.

В процессе библиографического отбора библиограф сопоставляет поверхностные смыслы текста запроса и текстов документа и на этом основании решает вопрос о *релевантности* документа данному запросу. Поскольку всякое оперирование смыслами есть операция семантическая, понятие релевантности относится к области *семантики.* Его можно определить как объективно (т. е. независимо от читателя и библиографа) существующую смысловую близость между содержанием двух текстов, в частном случае — текста документа и текста запроса.

Почему же читатель отказывается от некоторых (не всех, конечно!) релевантных документов, отобранных библиографом, и приветствует документы, вовсе не релевантные? Анализ показывает, что причинами отказа являются неточная формулировка запроса, недоступный научный уровень, незнание языка документа, изменения в коммуникационных потребностях, знакомство с документом ранее. Обобщая, можно сказать, что читатель всегда и непроизвольно ориентируется не на релевантность, а на *пертинентность,* исходя из субъективной оценки полезности данного документа в качестве источника информации, а не из смысловой близости его текста и текста запроса. Пертинентность относится к области *прагматики,* она связана с глубинными, а не поверхностными смыслами и лежит в иной плоскости, чем понятие релевантности (см. рис. 4.5.).

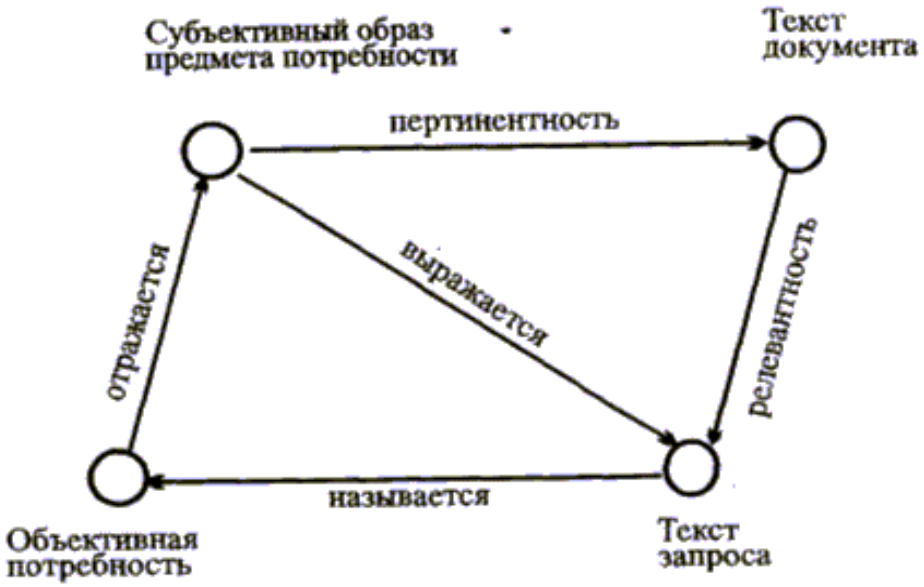

Рис. 4.5. Соотношение релевантности и пертинентности

Различение понятий релевантности и пертинентности важно для того, чтобы четко уяснить требования, предъявляемые к библиографическому поиску. Нельзя требовать от библиографических служб, чтобы они выдавали пертинентные документы, т. е. те и только те документы, которые признал бы полезным автор запроса, если бы лично просмотрел все библиотечные фонды. Назначением библиографической службы общественного пользования (личные справочные аппараты не в счет) является выдача релевантных запросу документов, и не более того. Проникнуть в глубинные смыслы читателя, не выраженные явно в его запросе, никакая библиографическая служба не в состоянии. Достаточно, если она будет хорошо функционировать в области семантики и незачем стараться перетащить ее в чуждую ей область прагматики.

4.8. Искусственные языки

Семиотический подход к социальной коммуникации будет не полон, если оставить в стороне проблему конструирования искусственных языков, имеющую многовековую историю. Крупнейшие мыслители античности, средневековья, а также эпохи Возрождения задумывались над природой слова и механизмами действия естественного языка; тогда же предпринимались попытки построения искусственных языков.

В XVI—XVII веках проектирование универсального научного языка приняло характер массового движения в науке. Среди зачинателей этого движения были Ф. Бэкон, Р. Декарт, Я. Коменский. Создание универсального языка входило в задачи Лондонского Королевского

общества. В 1661 г., когда И. Ньютону было восемнадцать лет, он начал свою научную карьеру трактатом "Об универсальном языке". Идея построения однозначного и непротиворечивого "философского языка" многие годы волновала Г. В. Лейбница.

Надо отметить, что стимул для работы над проектами искусственных языков заключался не в отсутствии языковых средств научного общения, ибо в это время латынь еще продолжала выполнять роль международного научного языка, а в стремлении усовершенствовать язык так, чтобы он служил надежным путем к постижению истины, соответствовал бы природе именуемых вещей, т. с. служил бы орудием научного познания. Как выяснилось, подобная цель недостижима, и в XVIII—XIX веках "философские языки" уже не волновали фантазию ученых.

Однако идея искусственного логически выдержанного языка не умерла. В середине XX века она возродилась в новом обличий. Ее воплощением стали языки программирования (Алгол, Кобол, Ада и мн. др.), а также информационно-поисковые языки для автоматизированных информационно-поисковых систем. В этих языках применяются контролируемый лексический состав и формализованная грамматика, благодаря чему достигается однозначность записей. Правда, эти искусственные языки непригодны для общения людей.

Возвращаясь в XVIII век, нельзя не заметить, что все европейские академии паук ставили одной из задач нормализацию естественного языка. В уставе Российской Академии, созданной в 1783 г. во главе с княгиней Е. Р. Дашковой, было записано: "...Российская академия долженствует иметь предметом своим вычищение и обогащение российского языка, общее установление употребления слов оного, свойственное оному витийство и стихотворение. К достижению сего предмета должно сочинить прежде всего российскую грамматику, российский словарь, риторику и правила стихотворения"[113]. Однако декретирование языковых норм, как показал опыт, оказывается успешным лишь в том случае, когда оно совпадает с широкомасштабными социальными сдвигами, например, реформы Петра I или Октябрьская революция 1917 г. Отметим, кстати, что орфографическая реформа 1918 г. была подготовлена еще в 1912 г., но для ее реализации понадобился Октябрьский переворот.

Несмотря на старания академических учреждений, всем естественным языкам свойственна вопиющая нелогичность, которую носители языка почему-то не замечают. Например, русские говорят: "съел две тарелки щей", но съедены не тарелки, а щи. Осиротеть — значит потерять родителей. А если потерять детей? "Родители — сироты" не говорят. Обидно за женщин, которые игнорируются в наименовании многих профессий: певец — певица, но как от творец, боец, делец, мудрец? Библиотекарь — библиотекарша, но как от пахарь, пекарь, главарь? Медик — медичка, но как от трагик, лирик, академик, историк, суфлер, дирижер, шофер или экскурсовод, птицелов, фотограф, славянофил?

---

[113] Сухомлинов М.И. История Российской Академии**.** СПб. 1874. С. 380.

Анекдотичные диалоги: — Машиниста Степанова знаешь? — Еще бы! — Женился! — На ком? — На начальнике станции. Или: Теперь у нас в станице прибавился еще один агроном. — Кто? —Жена нашего агронома.

В логически правильном языке должно быть: а) суффикс, обозначающий мужчину, б) суффикс, обозначающий женщину, в) суффикс, обозначающий человека или несколько человек, независимо от пола. Например: учитель — учительница — учителя (учительство). Но ни в одном реальном языке этого нет. Поэтому у логически мыслящих и любящих порядок энергичных людей давно возникло искушение построить логически совершенный язык взамен нескольких тысяч стихийно возникших языков, наречий и диалектов.

Кардинальный способ преодоления вавилонского многоязычия виделся в разработке искусственного *языка международного общения.* Первым языком такого рода стал *волапюк,* созданный в 1879 г. в Германии И.М. Шлейером. Слова естественных языков в нем видоизменялись и теряли опознаваемость, например, английское world — vol, speak — puk, отсюда volapuk — всемирный язык. Волапюк оказался чересчур сложным для практического использования, поэтому в дальнейшем международные языки стали строиться на основе интернациональной лексики, упорядоченной по авторским правилам. Грамматика максимально упрощалась. Количество проектов уже в 30-х годах исчислялось тремя сотнями. Образовалось научное направление *интерлингвистика.* Наиболее популярные продукты интерлингвистики:

— Эсперанто (создан в 1887 г. Л. Заменгофом);

— Идо (реформированный Эсперанто, 1907);

— Окциденталь (1921:—22 гг., автор Э. Валем, Эстония),

— Интерлингва (1951 г., создан Ассоциацией международного вспомогательного языка в США);

— Новиаль (синтез идо и окпиденталя, осуществлен Есперсеном, Дания в 1928 г.).

Идея искусственного международного языка очень соблазнительна для благородно и прогрессивно мыслящих энтузиастов. Вместе с тем история попыток воплотить эту идею роковым образом напоминает историю дьявольских соблазнов человечества, страдающего от божьей кары многоязычия. Единый, общепонятный и общепринятый язык мог бы стать платформой для единства человечества, для преодоления национальной розни, для достижения взаимопонимания, доверия, в конечном счете — братства людей. И дьявол манит людей этими благами. Но увы, они по божьему замыслу становятся недостижимой иллюзией. Поучительна в этом отношении история Эсперанто — самого, казалось бы, успешно и близко подошедшего к осуществлению проекта.

Людвиг Лазарь Маркович Заменгоф (1859—1917) родился в Белостоке (ныне Польша, тогда Россия). Позднее родители увезли его в Варшаву. Еще в гимназические годы Людвиг разработал проект "универсального языка", но отец, будучи российским статским советником и цензором иностранных книг, сжег подозрительную рукопись. В студенческие годы, учась на

медицинском факультете в Москве, затем в Вене, наконец, в Варшаве, Людвиг Лазарь вернулся к своему проекту, но опубликовал его много лет спустя, будучи практикующим доктором медицины.

26 июля 1887 г. вышла в свет тиражом 2000 экземпляров брошюра: Д-р Эсперанто. Международный язык. Предисловие и полный учебник. Для русских. Варшава, 1887[114]. Принципиальные начала Эсперанто были изложены Земенгофом следующим образом:

Слова взяты из важнейших европейских языков в наиболее употребительной форме.

Я упростил до невероятности грамматику и притом, с одной стороны, в духе существующих живых языков, чтобы она могла быть легко усвоена, а с другой — нисколько не лишая этим языка ясности, точности и гибкости.

Даны ясные правила для того, чтобы из одного слова создавать другие, не имея надобности изучать их.

Международный язык должен жить, расти и развиваться по тем же законам, по каким вырабатываются все живые языки, и та форма, которую я придал ему, та грамматика и тот словарь, которые я представил, должны быть лишь основой, на которой будет выработан реальный международный язык[115].

Тоненькая брошюра Д-ра Эсперанто была разослана в редакции газет и научных обществ, и не осталась без внимания. Даже Л. Н. Толстой в статье "О международном языке" поддержал эсперантистов, считая, что распространение международного языка — дело христианское и богоугодное. Заменгоф верил в то, что "если достаточно пропагандировать Эсперанто, он распространится между всеми народами, и тогда люди перестанут быть злыми, поймут, что все они — братья". Самым ужасным социальным злом ему представлялись национальные конфликты, которые должен был устранить чудодейственный Эсперанто.

Благодаря удивительной простоте и доступности Эсперанто для европейцев, этот язык быстро завоевал сторонников во многих странах. С 1905 г. стали созываться международные конгрессы эсперантистов. С 1908 г. была основана Всеобщая Эсперанто-ассоциация. Идеи Эсперанто поддержали промышленники (даже выпускались спиртные напитки "Эсперанто"), торговцы, ученые, учителя, адвокаты, военные, представители королевских фамилий. На конгрессах собиралось более 1000 человек, которые немедленно устанавливали между собой речевой контакт, что вызывало их удивление и энтузиазм. В России в 1891 г. было основано общество "Эсперо" (Надежда), а в начале XX века организовалась Всероссийская лига эсперантистов, имевшая в 1911 г. (когда она была закрыта царским правительством) 30 отделений и около 900 членов. Первая мировая война разразилась в день открытия 10-го конгресса в Париже. Война была тяжелым ударом для гуманиста-интернационалиста Заменгофа.

---

[114] Свадост Э. Как возникнет всеобщий язык? — М., 1968. С. 124—133.

[115] Цит. по; Колкер Б. Г, Учебник языка эсперанто: Основной курс, М.: Наука, 1992, - 160 с.

Он тщетно взывал к правительствам воюющих стран. 14 апреля 1917 г. он скончался в Варшаве, запятой кайзеровскими войсками. Но дело его не умерло.

К столетию Заменгофа (1959) были подведены итоги эсперантистского движения. В нем участвуют более 1 млн. человек, представляющих 60 стран. Социальный состав участников: сотни тысяч бизнесменов, сотни тысяч представителей свободных профессий, десятки тысяч преподавателей и научных работников, сотни парламентариев. Есть христианские, буддийские, мусульманские общества эсперантистов, а также международные лиги железнодорожников и полицейских. Ежегодно созываются конгрессы эсперантистов. Дальнейшее развитие языка обеспечивает Академия Эсперанто, созданная в 1908 г.

Впечатляет издательская деятельность эсперантистов: выходят в свет 140 периодических изданий, краткие учебники, так называемые "ключи" Эсперанто, изданы на 40 языках, на Эсперанто переведены произведения античности и классика нового времени (от Данте до Есенина). Фонд литературы па Эсперанто превышает 100 тысяч названий. Эсперанто широко используется в туристическом бизнесе для издания путеводителей и проспектов. Туристическое бюро Кука использует Эсперанто наряду с основными национальными языками. Около 10 радиостанций вещают па Эсперанто; Эсперанто изучается в сотнях учебных заведений.

В России движение эсперантистов, насильственно прекращенное в 1938 году, вновь возобновилось в 1955— 56 гг. На Эсперанто издается художественная и общественно-политическая литература, а также учебники и словари. В 1979 г. была учреждена Ассоциация советских эсперантистов, а в 1989 1. - Союз эсперантистов.

К сожалению, высокие гуманистические идеалы, вдохновлявшие Л. Заменгофа и продолжателей его дела, достичь не удалось. Национальные барьеры и национальная вражда по-прежнему разделяют человечество. На роль языка международного общения сейчас реально претендует английский язык. Вместе с тем все народы протестуют против "лингвистического империализма" и не спешат расстаться со своими национальными языками, не без основания видя в них гарант сохранения духовного суверенитета.

Эсперанто представляет собой грандиозный социально-культурный эксперимент, осуществленный во всемирном масштабе. Несомненные успехи эсперантистского движения свидетельствуют о не удовлетворяемых коммуникационных потребностях народов и простых людей. История Эсперанто еще не закончена, и рано подводить итоги.

Выводы

1. Семиотический подход позволяет обогатить проблематику теории социальной коммуникации следующими немаловажными проблемами:

— символы и символизм в смысловой коммуникации;

— структура текстов коммуникационных сообщений;

— семантика, синтактика, прагматика коммуникационной

деятельности.

2. Знаковая деятельность осуществляется в процессах познания и коммуникации, обеспечивая органическую связь между этими двумя областями оперирования смыслами. Без обращения к семиотическому подходу нельзя исследовать смысловую коммуникацию.

3. Для совершенствования практики коммуникационного обслуживания немаловажное значение имет семиотический подход, позволяющий использовать научный багаж .лингвистики и семиотики.

4. Сознательное управление социальной коммуникацией возможно в ограниченных пределах, касающихся плана выражения (например, реформа письменности), но не плана содержания естественого языка. Об этом говорят безуспешные попытки конструирования искусственных "философских" языков и языков международного общения типа Эсперанто.

5. СМЫСЛ И ПОНИМАНИЕ

Я понять тебя хочу,
Смысла я в тебе ищу.
А.С.Пушкин.

5.1. Что такое "смысл"?

В теории социальной коммуникации широко используется понятие "смысл". Определение социальной коммуникации как движение *смыслов* в социальном времени и пространстве делает его фундаментальной категорией нашего курса, пронизывающей все его разделы. Коммуникационная деятельность представляет собой не бессмысленное телодвижение, а целесообразную активность, смысл которой заключается в цели, преследуемой коммуникантом или реципиентом. Коммуникационные сообщения имеют умопостигаемый план содержания, где сосредоточен их смысл и т. д.

Категория "смысл" имеет важное значение не только в теории социальной коммуникации, но и в других науках, в философии и богословии. Дело в том, что любая духовная деятельность, всякий умственный труд, и прежде всего — познание, оперируют смыслами, а не материальными телами. Смыслы — продукт интеллектуальной деятельности людей, это бесспорно. Но целесообразность, и стало быть, осмысленность, обнаруживается во многих естественных процессах, например, в биологическом обмене веществ, в смене времен года, в эволюции живого мира и т. д. Источник, питающий оазис, исполнен не меньшим смыслом, чем стихотворение М.Ю. Лермонтова о трех пальмах аравийской земли. Затрагивая понятие "смысл", мы волей-неволей попадаем в бурный эпицентр многовековых споров идеалистов и материалистов, поскольку "смысл" — псевдоним философской категории "идеальное". Не просто найти выход из этого эпицентра, но постараемся это сделать, апеллируя первоначально не к научным абстракциям, а к здравому смыслу естественного языка.

В.И. Даль в 'Толковом словаре живого великорусского языка" указывал: "смысл — сила, значение, толк, разум, суть" и приводил примеры: "смысл долгой речи этой тот, что без денег ничего не сделаешь; это набор слов без разумной связи и смысла; не изворачивай смысла закона, а в нем прямой и ясный смысл один".

В более позднем "Словаре русского языка" С.И. Ожегова (1953 г.) читаем: "Смысл — 1) внутреннее содержание, значение чего-л.; постигаемое разумом ("понять смысл чего-л.; слово в переносном смысле"); 2) цель, разумное основание ("в этом нет смысла"); 3) разум ("иметь здравый смысл"). Здесь же указано, что "смыслить" означает "понимать, знать что-л." ("ничего не смыслю в музыке")". Из этих трактовок видны следующие моменты:

а) смыслом "обладает не только отдельное слово ("в полном смысле

слова"), но и высказывания, речь, в общем — текст, которые могут содержать скрытый смысл (просьба о деньгах, смысл закона, слово в переносном смысле);

б) осмысленным или бессмысленным может быть действие, например, бесцельное действие именуется бессмысленным; отсюда связь понятий "смысл" и "цель";

в) В.И. Даль и С.И. Ожегов связывают понятия "смысл" и "разум", "содержание", "суть", "значение", правда, не раскрывая этой связи.

Смысл выступает в качестве научного понятия в логике, лингвистике, психологии, где получает не столь расплывчатые определения, как в толковых словарях разговорного языка.

В современной металогике (Г. Фреге, А. Черч) различаются значение и смысл некоторого имени (названия предмета или класса предметов). *Значением* (предметным содержанием, *денотатом)* называют обозначаемые именем предметы (объем понятия), а смыслом *(концептом* денотата) — абстрактный образ предмета-денотата (содержание понятия). Например, значением имен "Вечерняя звезда" и "Утренняя звезда" является один и тот же предмет — планета Венера, по смыслы этих имен различны. Обобщая, можно сказать, что синонимы — это имена с одинаковым значением, но разными смыслами.

Лингвисты для обозначения "области идеального в знаках", или "предметного содержания, освобожденного от своей вещественности и обретшего новую форму бытия — идеальную"[116], используют, в отличие от логиков, не термин "смысл", а термин "значение" (meaning). Налицо исторически сложившаяся несогласованность отраслевой терминологии.

В лингвистике язык берется как социальное явление, а речевая деятельность индивида изучается психологией, где помимо понятия "значение", аналогичного лингвистическому "значению", используется еще понятие "личностный смысл", введенное в научный оборот А. Н. Леонтьевым. При этом отмечается несовпадение, даже противоречие между "значением" как "общественно-историческим опытом, опредмечепным в ... понятиях языка" и личностным смыслом, "значением для меня"[117]. Воспринимая социальные значения, личность интерпретирует их по-своему, например, личностную оценку получают произведения искусства, политические события и т.п.

Итак, отвлекаясь от терминологических разночтении, сделаем очевидный вывод: для экспликации, т.е. развернутого и всестороннего толкования понятия "смысл", нужно учитывать его отношение с целым "созвездием" других понятий, так или иначе связанных с идеальной (духовной) стороной человеческой деятельности, общения, познания, мышления.

---

[116] Психологические проблемы семантики, — М., 1983,— С.3, 7.

[117] Леонтъев А.Н. Некоторые проблемы психологии искусства // Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения: В 2 т. — М,, 1983. Т.2.с. 273.

На рис. 5.1 представлено умозрительное "пространство смыслов", вмещающее различные толкования понятия "смысл", бытующие в общеязыковом и научном обиходе.

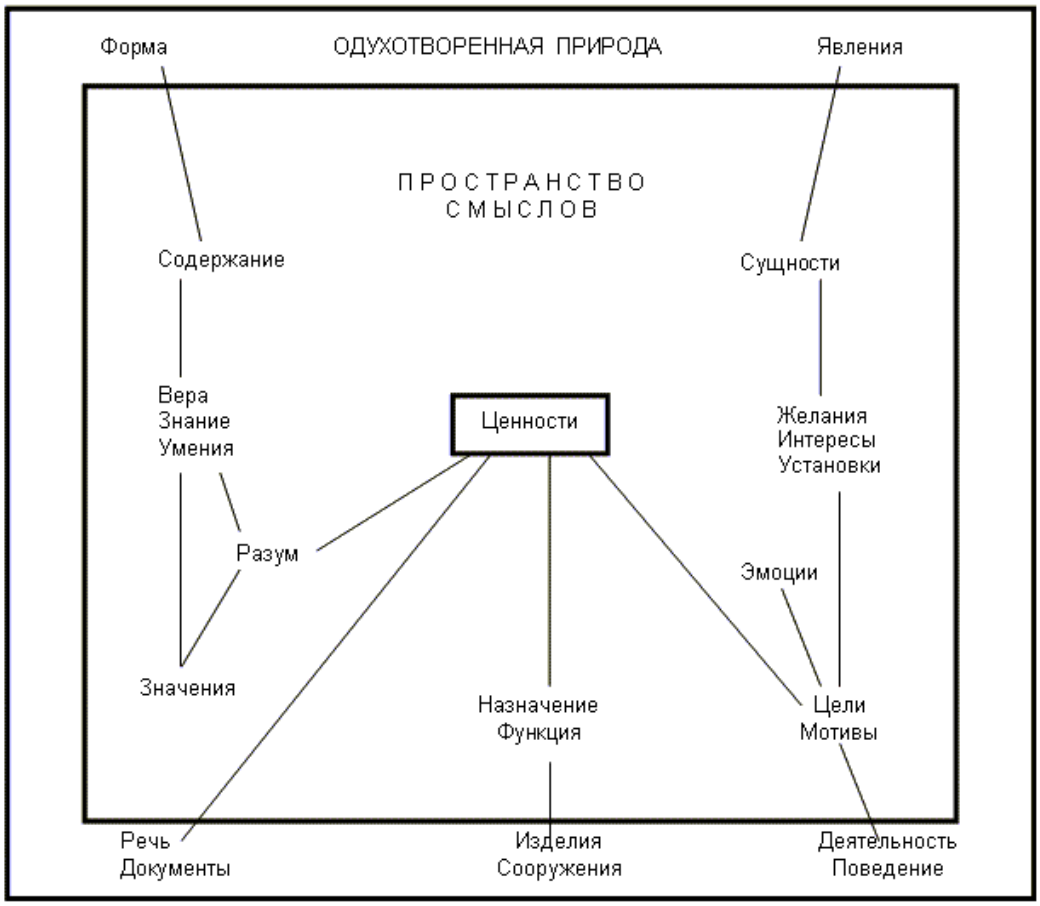

Рис. 5.1. Пространство смыслов

Поясним рисунок 5.1. Пространство смыслов, как и любое другое идеальное образование, связано с материальным миром, который преобразуется в одухотворенную природу. Одухотворенная природа включает следующие *виды воплощения* (опредмечивания, материлизации) смыслов:

— форма — все вовлеченные в орбиту общественной жизни природные объекты, обладающие содержанием (пашни, злаки, домашние животные, дороги и пр.);

— явления — события и процессы общественной жизни, имеющие определенную сущность, например, войны, революции, реформы, праздники и т. д.;

— речь, документы — материальные явления и предметы (звуки, жесты, изображения, экспонаты), имеющие значения и представляющие собой, таким образом тексты или знаки;

— изделия, сооружения — предметы материальной культуры, включая одежду, оружие, орудия труда, жилища и общественные здания, специально предназначенные для выполнения определенных функций;

— деятельность, поведение — целенаправленные и осознанно мотивированные действия людей.

Пространство смыслов охватывает все виды смыслов, имеющих различное терминологическое оформление, а именно:

— содержание и сущности предметов и явлений, освоенных обществом и образующих одухотворенную природу;

— результаты познания и чувственных переживаний — разум, знание, умения, вера, эмоции;

— значения языка, знаков и коммуникационных сообщений (текстов);

— назначения целенаправленно созданных обществом изделий и сооружений;

— цели, желания, установки, мотивы, интересы, выступающие в качестве побуждений в деятельности индивида и общества;

— ценности — весьма широкое и, подобно смыслу, неопределенное понятие.

Ясно, что не все смыслы являются ценностями, например, умышленную ложь ценностью не назовешь, но зато все ценности имеют смысл, бессмысленные ценности абсурдны. Ценностями являются разум, знания, верования (убеждения), эмоции (за исключением отрицательных);

значения речи и документальных сообщений; удовлетворяющие своему назначению изделия рук человеческих. Кроме того, на ценности ориентирована потребностно-мотивационная сфера личности и общества, включающая цели, желания, интересы, мотивирующие факторы (симпатии, антипатии, обязанности, привычки и т. п.).

Итак, что же такое "смысл"? Есть два ответа: один культурологический, другой "пантеистический". С культурологической точки зрения *смысл — это сокровенное духовное начало в культуре.* Смыслы присущи всем формам, явлениям, продуктам культурной деятельности, но они не воспринимаются органами чувств. Скрытый (сокровенный) смысл произведений культуры можно понять (постичь) только путем умственного труда. Поэтому область бытия культурологических смыслов — не материальная природа, а идеальное (информационно-логическое) пространство смыслов.

Пантеистическая точка зрения видит смыслы не только в одухотворенной человеческой культуре, но и в неодухотворенной (косной, неокультуренной) природе. Здесь действует определение: *смысл — это сокровенное духовное начало в природе.* В классических пантеистических концепциях (например, Б. Спиноза) духовное начало природы отождествляется с Богом. В этом случае все природные объекты становятся носителями таинственного замысла Творца, который не всегда доступен человеческому разумению. Область бытия смыслов в этом случае совпадает с областью бытия природы. Пантеистическое мироощущение хорошо выражено Ф. И. Тютчевым:

Не то, что мните вы, природа.
Не слепок; не бездушный лик.
В ней есть душа, в ней есть свобода,
В ней есть любовь, в ней есть язык.

Упомянутые выше "панинформационные" и "пансемиотические" взгляды представляют собой разновидности пантеизма. Если в каждом природном объекте усматривается информационное сообщение или знак (текст), которые нужно расшифровать (раскодировать), то тем самым признается наличие в них некоторого смысла, в противном случае, расшифровывать нечего. Откуда взялся этот смысл? Он — толика Разума всемогущего Творца.

В теории социальной коммуникации главное внимание уделяется культурологическим смыслам, представляющим собой духовные ценности культуры. Социально организованная коммуникационная деятельность в формах общения, обслуживания, управления, обучения ориентирована на передачу именно этих смыслов в социальном времени и пространстве. Для нас вполне достаточно разобраться в смыслах коммуникационных сообщений, целенаправленно созданных людьми, а постижение природы, жизни, истории оставим другим наукам.

5.2. Классификация культурологических смыслов

Пространство смыслов является многомерным, поэтому классифицировать смыслы можно по разным признакам. По субъектам-носителям легко различаются *личностные и социальные смыслы.*

Личностные смыслы вырабатываются и используются отдельной личностью в процессе ее жизнедеятельности. Личностные мотивирующие смыслы сосредоточены в потребностно-мотивационной сфере, где представлены цели, желания, интересы, мотивы, установки, которыми руководствуется данный человек в своей жизнедеятельности. Здесь же формируются идеалы и представление о смысле жизни в качестве смыслов высшего уровня. Мотивирующие смыслы, как правило, сопровождаются эмоциональными переживаниями (удовольствие, тревога, страх и пр.), которые усиливают или ослабляют мотивацию.

Личностные мотивирующие смыслы, осознаваемые как коммуникационные потребности, побуждают человека к коммуникационной деятельности. Однако не все личностные смыслы являются *коммуникабельными,* т. е. поддаются выражению посредством языков и знаков. Л. Н. Толстой заметил: "У каждого человека есть глубина внутренней жизни, сущность которой нельзя сообщить другому. Иногда хочется передать это людям. Но тотчас же чувствуется, что передать это вполне другому человеку невозможно"[118]. Стало быть, имеются коммуникабельные и некоммуникабельные личностные смыслы. О первых люди сообщают друг другу, о вторых можно только догадываться. Хранилищем личностных смыслов является индивидуальная память человека.

[118] Толстой Л. Н. Круг чтения: В 2 т. — М., 1991. — Т. 1. — С.439.

Коммуникабельные смыслы могут выражаться посредством естественного языка и других *социализированных* знаковых средств, принятых в данном обществе. Однако отдельные творческие личности склонны к самовыражению *несоциализированными* знаками, ярким примером которых может служить заумь и другие средства авангардного искусства. Подчеркнем, что использование в художественном творчестве нетрадиционных и неожиданных способов выражения смыслов — необходимое условие развития и обогащения социальных коммуникаций.

Социальные смыслы — это общепризнанные материальные и духовные ценности, социальные нормы, общественные знания, технологические умения, национальный язык и производные от него искусственные языки, социально-психологические качества и др. Социальные смыслы образуются путем обобществления несоциализированных личностных смыслов. Общество способно лишь отвергать или принимать смыслы, предлагаемые творческими личностями, но не может их генерировать. Поэтому социальные смыслы всегда *коммунникабельны и социализированы.*

Хранилищем социальных смыслов является социальная память, состоящая из овеществленной (ретроспективной) части и живой (текущей) части (см. раздел 1.3).

Овеществленная часть включает два рода смыслов:

— орудийные — смыслы артефактов (искусственно созданных орудий, оружия, механизмов, построек и прочих изделий), которые представляют собой *ш. назначение;*

— знаковые — смыслы документов, которые представлены в виде их *значения* (плана содержания); напомним, что различаются поверхностные и глубинные смыслы текстов (знаковых сообщений) (см. 4.4).

Живая социальная память оперирует неовеществленными (незапечатленными) смыслами, которые представлены *знаниями, умениями, верой* (убеждениями), а также общественным мнением, массовыми настроениями и другими *социальными эмоциями.* Трансляция во времени содержания неовсществленпой социальной памяти происходит посредством устной коммуникации. Поскольку это содержание представляет собой *менталитет* данного исторического общества[119], логично называть смыслы, образующие живую социальную намять, *ментальными.*

Знаковые и ментальные смыслы неразрывно связаны друг с другом. Ментатальные смыслы образуют значения текстов, а овеществленные в знаках смыслы могут передаваться посредством разных текстовых воплощений (устных, электронных или документальных), по миновать их вообще не могут. Знаковые смыслы - это ментальные смыслы, движущиеся в социальном времени и пространстве, а ментальные смыслы - инвариант знаковых смыслов, освобожденный от материальной формы.

---

[119] Менталитет (ментальность) - понятие соцременпоп исторической пауки, служащее для обозначения совокупности общественного сознания и бессознательного психологического строя, свойственной конкретному историческому обществу в данную эпоху, например, ментталитет средневековой Европы, менталитет Киевской Руси и т.п.

Наконец, смыслы делятся по их истокам па рациональные и иррациональные. *Рациональные* смыслы результат абстрагирующего мышления, протекающего в логической форме понятий, суждений, умозаключений. Научные знания (и научная информация) - характерные представители рациональных смыслов. Результатом рационального мышления являются также орудийные смыслы, запечатленные в камне, металле или других материалах.

Источником иррациональных.смыслов может служить искусство, которое располагает внелогическими познавательными путями (см. 3.5.6. -- сопоставление научной и эстетической информации). Помимо вдохновения художника, истоком иррациональных смыслов является медитация. *Медитация* (от лат. "обдумываю") представляет собой использование физиологических средств (поза, ритм дыхания) и умственных усилий (внимание, сосредоточение) "для освоения и постижения своего "Я" и окружающего мира посредством "сверхъестественных" высших психических сил, постепенно поступающих в распоряжение медитирующего но мере его отрешения (из-за указанных приемов) от любых мешающих углубленной сосредоточенности, озарению, экстазу внутренних и внешних обстоятельств"[120]. Иррациональные смыслы плохо поддаются обобществлению (исключение спонтанные массовые эмоции), поэтому они чаще всего бытуют в виде личных некоммуникабельных смыслов.

На рис. 5.2. представлена многоаспектная классификация культурологических смыслов, учитывающая три аспекта сие тематизации смыслов: а) по субъектам — носителям, б) по способу воплощения, в) по истокам происхождения. Смыслы разных видов не имеют жестких разграничений, напротив, они тесно связаны друг с другом. Наиболее очевидные взаимосвязи между смыслами указаны на рис. 5.2. Предметами теории социальной коммуникации являются *коммуникабельные* личные и социальные смыслы, овеществленные в виде *знаковых сообщений* (текстов) или в неовеществленой *ментальной* форме. В силу взаимосвязанности их с другими смыслами, нам необходимо ориентироваться в пространстве культурологических смыслов в целом.

[120] Урманцев Ю.А. О формах постижения бытия // Вопр. философии. — 1993.-N4.-С.95.

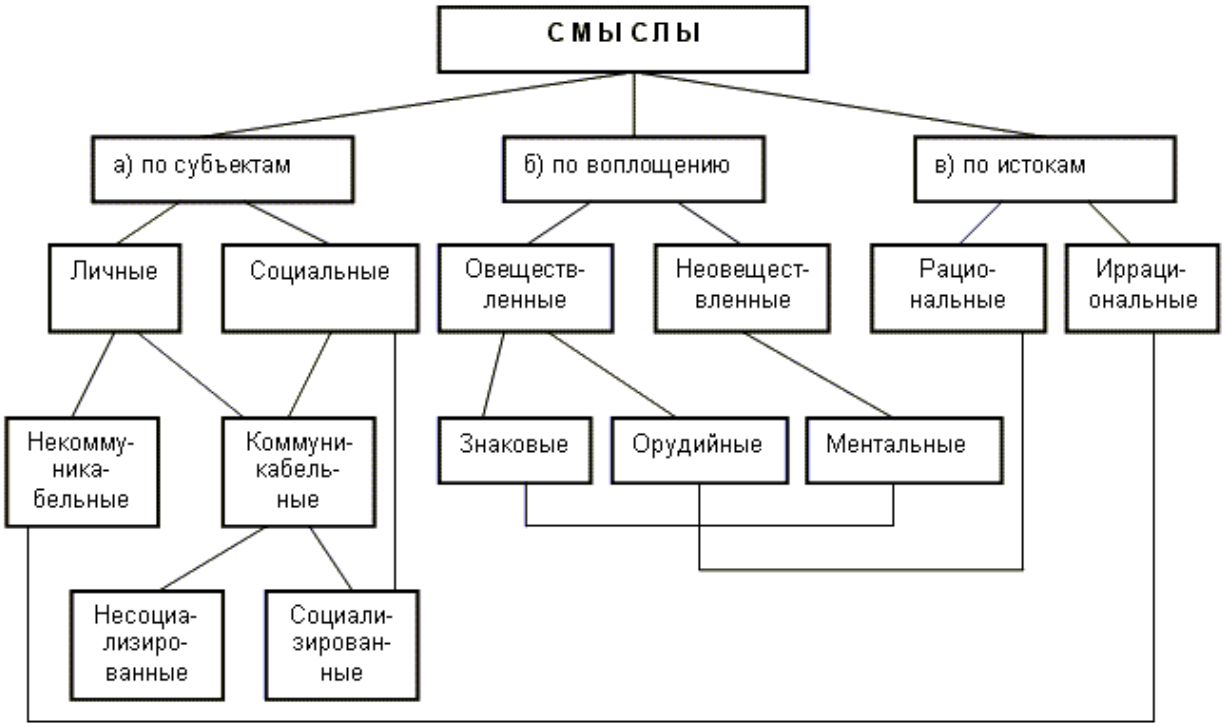

Рис. 5.2. Классификация культурологических смыслов

5.3. Познавательное и коммуникационное понимание

Культурологические смыслы, представляющие собой сокровенное духовное начало в предметах и явлениях куль-гуры, не даны нам в ощущениях, их нельзя увидеть, услышать, потрогать. Единственный способ овладения смыслами — их понимание. Понимание присутствует в двух умственных процессах: в познании и в коммуникации. Когда речь идет о понимании причинно-следственной связи, устройства машины, мотивов поведения человека, особенностях сложившейся ситуации, имеет место *познавательное* понимание, Когда же речь идет о понимании сообщения (документа, текста), имеется в виду *коммуникационное* понимание. Познавательное понимание — предмет изучения гносеологии (теории познания), а коммуникационное понимание — предмет изучения теории социальной коммуникации, т. е. наш предмет.

Коммуникационное понимание — понимание знакового смысла сообщения, которое может иметь три формы:

1) реципиент получает новое для него знание: коммуникационное понимание сливается с познавательным; имеет место *коммуникационное познание;*

2) реципиент, получивший сообщение, не постигает его глубинной смысл, ограничиваясь поверхностным *коммуникационным восприятием;*

3) реципиент запоминает, повторяет, переписывает отдельные слова или фразы, не понимая даже поверхностного смысла сообщения; тогда имеет место *псевдокоммуникация,* так как нет движения смыслов, а есть лишь движение материальной оболочки знаков.

Коммуникационное познание является творческим познавательным актом, потому что реципиент не только осознает поверхностный и глубинный смыслы сообщения, но и оценивает их с точки зрения этического долженствования и прагматической пользы. В. Ф. Одоевский хорошо сказал: "Два труда подлежит человеку в сей жизни: понять то, что существует и что должно существовать"[121].

Предлагаются разные критерии распознавания уровней понимания. Американские прагматики считают критерием поведение человека: если один человек попросил другого включить свет, то неважны познавательно-коммуникационные операции в головах собеседников, важно, будет ли включен свет. Если да, то имеет место коммуникационное познание.

Другие ученые полагают, что сообщение понято правильно, если реципиент может стать автором разумных утвердительных высказываний по поводу его содержания, т. е. обсуждать раскрытие темы, идейно-художественные достоинства, стиль изложения, полезность сообщения и т. д.

Третьи отвергают столь упрощенные критерии, считая, что они не годятся для оценки адекватного понимания научных, религиозных, художественных произведений. А. Франс заметил:- "Понимать совершенное произведение искусства, значит, в общем, заново создавать его в своем внутреннем мире". Получается, что понимание включает *сопереживание,* т. е. нужно не только узнать знаки и уяснить поверхностный и глубинный смысл сообщения, но также открыть и пережить то духовное состояние, которое пережил автор в процессе творчества. Не каждый человек обладает даром заново воссоздавать произведения искусства в своей душе.

Завышенный, практически недостижимый уровень коммуникационного познания питает скепсис относительно возможностей понимания людьми друг друга. Гете, изучая Спинозу, пришел к выводу: "Никто не понимает другого; никто при тех же самых словах не думает того, что думает другой; разговор, чтение у различных людей возбуждает различные ряды мыслей". В. Гумбольт выразился афористично: "Всякое понимание есть вместе с тем непонимание". Ф. И. Тютчев (1803 1873), который с 1822 по 1837 г. служил в Мюнхене и, возможно, слышал о словах Гете и Гумбольта, выразил свою точку зрения в известных поэтических строках (1830г.):

Молчи, скрывайся и таи
И чувства,и мечты свои!

Пускай в душевной глубине

[121] Одоевский В. Ф. Русские ночи. — Л., 1975. — С. 192.

И всходят и зайдут оне,
Как звезды ясные в ночи.
Любуйся ими и молчи!

Как сердцу высказать себя?
Другому как понять тебя?
Поймет ли он, чем ты живешь?
Мысль изреченная есть ложь.
Взрывая, возмутишь ключи.
Питайся ими и молчи!

Лишь жить в себе самом умей:
Есть целый мир в душе твоей
Таинственно-влюбленных дум,
Их заглушит наружный шум,
Дневные ослепят лучи, —
Внимай их пенью и молчи.

Маститый литературовед Д. Н. Овсянико-Куликовский (1853—1920) утверждал, что полное понимание одним человеком другого было бы возможно лишь тогда, когда воспринимающий полностью уподобляется говорящему, теряет индивидуальные особенности своей личности. Чтобы полностью понять Пушкина, не достаточно прочесть все книги, которые он читал, нужно еще *не читать* то, что не читал он!

Наш современник Ю.Б. Борев как бы отвечает Д.Н. Овсянико-Куликовскому: "Понимание вовсе не есть соприкосновение душ. Мы понимаем мысль автора настолько, насколько мы оказываемся конгениальны ему... Объем духовного мира автора шире самого обширного авторского текста. Понимание имеет дело с текстом, а не с духовным миром человека, хотя они и не чужды друг другу"[122].

Понимание всегда сопровождается "приписыванием смысла". А. А. Потебня описал ситуацию суперпонимания:

"Слушающий может гораздо лучше говорящего понимать то, что скрыто за словом, и читатель может лучше самого поэта постичь идею его произведения..., сущность, сила такого произведения не в том, что разумел под ним автор, а в том, как оно действует на читателя"[123].

Проблема понимания — чрезвычайно сложная философская, филологическая, социально-психологическая, историко-культурная, эстетическая проблема. Она изучается специальной наукой — герменевтикой, возникшей в античные времена.

Герменевтика (теория понимания смысла) этимологически связана с именем Гермеса, которого древнегреческая мифология рисовала посланцем олимпийских богов, передававшим их повеления и послания людям. В обязанность Гермеса входило истолкование и объяснение передаваемого

[122] Борев Ю. Б. Теория художественного восприятия и рецептивная эстетика // Художественная рецепция и герменевтика. — М., 1985. С. 38.

[123] Потебня А. А. Эстетика и поэтика. – М., 1976. – С. 330.

текста, ему приписывалось изобретение речи и письма. В Древней Греции герменевтика представляла собой искусство толкования (интерпретации) иносказаний, символов, произведений древних поэтов, прежде всего — Гомера. В христианской теологии герменевтика связана с толкованием Библии. Особенное значение поиску истинного смысла священных текстов придавали протестанты, которые на этой почве непримиримо враждовали с католиками, считавшими невозможным правильное понимание Священного писания в отрыве от церковной традиции.

С эпохи Возрождения герменевтическая проблематика вошла в состав классической филологии в связи с пониманием и включением в современность памятников античной культуры. Методология герменевтики была направлена на преодоление языковых и культурно-исторических коммуникационных барьеров с тем, чтобы привести к согласию автора и реципиента.

"Отец современной герменевтики" — протестантский теолог и филолог-классик Фридрих Шлейермахер (1768— 1834) считал понимание реконструктивным процессом: автор строит высказывания, кодирует текст, реципиент декодирует и расшифровывает смысл, стараясь проникнуть в духовный мир автора. В ходе понимания, согласно Шлейермахеру, интерпретатор должен превратить себя в другое лицо, постичь его личностное сознание.

Продолжателем Ф. Шлейермахера стал Вильгельм Дильтей (1833— 1911), немецкий историк культуры и "философ жизни", основоположник *понимающей* социологии. Дильтей видел в герменевтике метод "вживания", "вчувствования" в духовную жизнь, в культуру прошлых эпох, который свойствен гуманитарным наукам, в отличие от естественных наук. Благодаря герменевтическому методу гуманитарные науки, "науки о духе", способны постигать сущности, а естествознание — лишь объяснять наблюдаемые факты. Ведущим современным герменевтиком является германский философ Ханс Георг Гадамер[124].

Философская теория понимания сосредоточила свое внимание на познавательном понимании, затрагивая коммуникационное понимание лишь попутно. Нас же интересует понимание знаковых смыслов, в частности документальных сообщений. Здесь мы выходим па проблему чтения книг, довольно хорошо изученную в библиотековедении и книговедении[125]. Нетрудно найти примеры разных уровней коммуникационного понимания.

Примером псевдокоммуникации может служить чтение слуги Чичикова Петрушки. По словам П. В. Гоголя, он "содержанием книг не затруднялся: ему было совершенно все равно, похождение ли влюбленного героя, просто букварь или молитвенник, — он все читал с равным внимани-

[124] Гадамер Х. Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики / Пер.с нем. — М.: Прогресс, 1988. — 700 с.

[125] Человек, читающий Homo legens. Писатели XX о роли книги в жизни человека и общества. 22-е изд. испр. и доп. / Сост. С.И. Белза. М.: Прогресс. 1990. 720 с.

ем; если ему подвернули химию, он и от нее бы не отказался. Ему нравилось не то, о чем читал он, по больше само чтение, или лучше сказать, процесс самого чтения, что вот-де из букв вечно выходит какое-нибудь слово, которое иной раз черт знает, что и значит". Петрушка имел реального предшественника — слугу поэта Шиллера, который хвастался, что в одну ночь, сидя у постели больного господина, прочел три тома сочинений Канта.

Образцом ненасытного коммуникационного познания явился римский патриций Гай Плиний Старший (23— 79 г. п. э.). "За обедом, после обеда, в бане, дорогой — везде он был с книгой и делал выписки при помощи своего секретаря, считая потерянным всякое время, не посвященное ученым или литературным занятиям. Для него не было книги, читая которую, он не делал бы выписок". Плиний завещал своему племяннику Гаю Плинию Младшему 160 книг мельчайшею письма.

Можно привести немало цитат в поддержку образа жизни Плиния, но не меньше скептических высказываний. Например, Артур Шопенгауэр утверждал: "Чтение не более как суррогат собственного мышления... Самое верное средство не иметь собственных мыслей - это в каждую свободную минуту тотчас браться за книгу"[126]. Ему вторил Анатолъ Франс: 'Те, которые читают много книг, подобны курильщикам гашиша. Они живут во сне. Тонкий яд пропитывает их мозг и делает их нечувствительными к внешнему миру... Книга — гашиш западной культуры"[127]. Если собрать и сопоставить различные авторитетные высказывания в адрес книги и чтения, получается ряд антиномий — противоречивых утверждений, истинность которых доказывается с одинаковой убедительностью. Приведем некоторые из них.

1а. У книги столько содержаний, сколько читателей, ибо каждый понимает книгу по-своему (Н.А. Рубакин); можно продолжил": у кинофильма столько содержаний, сколько зрителей; у Петербурга столько образов, сколько жителей; у песни столько звучаний, сколько исполнителей и т.д.

16. Каждая книга (кинофильм, вообще коммуникационное сообщение) имеет объективное содержание, смысловой инвариант, который делает ее узнаваемой и единственной в своем роде.

2а. Бесполезных книг нет, в каждой книге при внимательном чтении можно почерпнуть новое и полезное знание.

26. Подавляющее большинство печатной продукции относится к макулатуре и не заслуживает внимания.

3а. Следует овладевать искусством медленного чтения, стараться правильно понять автора, делать выписки, конспектировать и многократно перечитывать текст[128].

---

[126] Гинкен А. О чтении и книгах. СПб. 1914. Вып. 2. с. 59.

[127] Там же. С. 63.

[128] Показательны цитаты: Ф. Ницше: "Филолог есть учитель медленного чтения"; С. Н. Трубецкой: "Только филологическая школа развивает в нас умственную способность зрячего, сознательного, мыслящего чтения, объективно понимающего и познающего, которое не только наполняет ум, но укрепляет его силы и является условием истинного" образования".

36. Следует овладевать техникой скорочтения, "чтения пальцами", умением "перелистывать книгу", чтобы освоить как можно больше печатной продукции.

4а. Из книг можно узнать обо всем, познать мир в целом.

46. Без знания "некнижного" реального мира чтение книг — пустая и вредная трата времени, о чём свидетельствует печальная судьба Дон Кихота.

5а. Следует выбирать для чтения такие книги, содержание которых вас интересует, ибо интерес облегчает усвоение содержания и дает удовлетворение от чтения.

56. Чтение — это труд, который может быть нелегким.

6а. Нужно читать преимущественно новую, текущую литературу, чтобы не отстать от современной жизни, не впасть в старомодность.

66. Лучше читать классическую, общепризнанную литературу, следуя совету Генри Торо (1817—1862): "Читайте прежде всего лучшие книги, а то вы и совсем не успеете . прочесть их".

7а. В будущем сократится социальная значимость чтения.

76. Чтение в будущем сохранит свою социальную роль.

Антиномии чтения легко распространить на социальную коммуникацию в целом, и тогда они становятся "социально-коммуникационными антиномиями". Для их разрешения требуется в каждом случае анализ конкретных ситуаций. Так, первая антиномия легко разрешается, если при анализе использовать понятия "смысл" и "понимание". Каждое знаковое сообщение имеет единственный *смысл,* но этот смысл *понимается* субъективно различными реципиентами, отсюда — иллюзия множественности смыслов. Правда, у нас нет методик объективного измерения смыслов.

Для разрешения других антиномий нужно учитывать типизацию потребителей книги и мотивы чтения. Потребители книги делятся на *читателей,* обращающихся к книге ради ее духовного содержания, и *нечитателей,* видящих в книге материальную ценность или инструмент для разрешения практических задач. Читатели делятся на *библиофилов* и *не библиофилов.*

Библиофилы ("книголюбы) — люди с хорошо развитыми читательскими потребностями; они хорошо ориентируются в мире книг, читают внимательно и вдумчиво тщательно отобранную литературу, практикуя беглый просмотр и деловое скорочтение для остальной печатной продукции. Как правило, библиофилы собирают личную библиотеку. Психология библиофила хорошо выражена в следующих словах ученого и литературного критика Н. Н. Страхова (1828—1896): "С самого детства у меня была любовь к книгам, и знаменитые имена писателей, ученых и философов возбуждали во мне благоговение и желание познакомиться с их произведениями... Царство ума, новые и древние создания мысли и творчества являлись мне с детства как далекое небо, обступившее меня со

всех сторон и усеянное прекрасными светилами"[129].

Н е б и б л и о ф и л а м чужды столь эмоционально окрашенные мотивы обращения к книжному миру. Для *них* книга не самоценность, а средство достижения практических целей. Таких целей может быть две: познание и заполнение досуга. Соответственно различаются два вида чтения: *деловое* (мотив "надо") и *досуговое* (мотив "хочу"). Деловое, в свою очередь, делится на производственное, продиктованное потребностью в знаниях для решения текущих производственных проблем, и самообразовательное, инициированное осознанными познавательными интересами. Досуговое чтение может быть развлекательным, привычным (просмотр газет, чтение перед сном), тщеславным (чтение из подражания, следования моде). Конечно, мотивы делового и досугового чтения свойственны не только трезвым небиблиофилам, но и благоговейно относящимся к книге библиофилам. Ясно, что последним доступно более глубокое понимание смыслов книжных текстов, чем первым.

Нечитатели воспринимают книгу как объект своего труда, как возможную собственность, а не как инструмент познания, самосовершенствования, рекреации. К категории нечитателей относятся люди, профессионально связанные с книжным делом, которых можно назвать "деятели книги". Деятели книги делятся на коммерсантов (книгоиздатели, книготорговцы) и некоммерсантов: ученые книговеды, филологи или работники культуры — библиотекари, библиографы, музейные работники. Некоммерческие деятели книги воспринимают ее прежде всего как духовную ценность, совпадая в этом отношении с подлинными библиофилами. Коммерсанты же прямо, иногда цинично рассматривают книжную продукцию как товар, как средство наживы, предмет рыночного спроса и предложения.

Особую группу почитателей образуют *библиоманы,* отличающиеся особыми психологическими чертами, которые, но словам многоопытного книговеда М. Н. Куфаева, заключаются в следующем: 1) .шобовь к книге, переходящая к страсть к пей; 2) отсутствие строгой системы в подборе коллекции, но наличие какого-то интереса, иногда весьма своеобразного; 3) влечение менее всего к содержанию и более всего к форме и внешности книги; 4) книжный фетишизм; 5) тщеславие, жадность в накоплении привлекательных книг и т.п.[130] Библиоман ориентирован на книгу как на самоцель; книги, обладающие определенными свойствами, например, миниатюрные, — его слабость. Если библиофил владеет книгами, то книги владеют библиоманом.

Библиоманы делятся на психически устойчивых коллекционеров и библиотафов, "могильщиков книг" с патологическими признаками. Библиотаф так ревниво охраняет свои книжные богатства, что нередко и

[129] Цит.по: Гинкен А. О чтении и книгах. — СПб., 1914. — Вып.2. С.44.

[130] Куфаев М.Н. Библиофилия и библиомания (психофизиология библиофнльства): Рспродуц.пад. - М., 1980. С. 34—35.

сам не в состоянии отыскать свои прочно запрятанные сокровища. Известны случаи преступлений, вплоть до убийств, совершенных библиотафами ради обладания вожделенной книгой.

Сказанное обобщено па рис. 5.3, представляющем собой классификацию пользователей книги и мотивов чтения. Очевидно, что для нечитателей мотивация чтения отсутствует; здесь имеют место мотивы обращения к книге, которые обусловлены профессиональными занятиями или психологией собирательства.

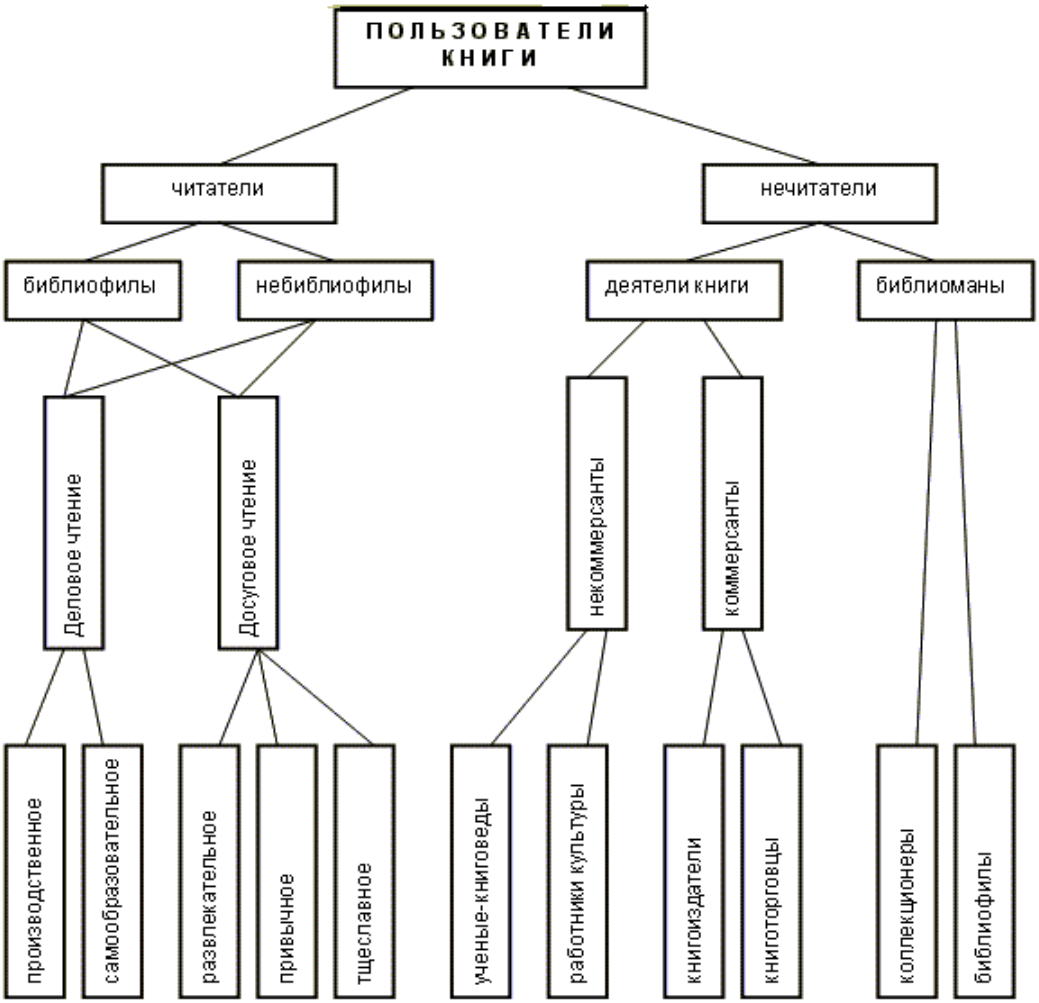

Рис. 5.3. Классификация пользователей книги и мотивов чтения

Вернемся теперь к процессу чтения как коммуникационного понимания. Ясно, что читательские и нечитательские группы обращаются с книгой по-разному. Различаются *поверхностное и углубленное* чтение. Поверхностное чтение нацелено на получение общего представления о содержании и форме книги, в этом случае уместно "чтение пальцами", выборочный просмотр отдельных страниц, оглавления, предисловия, заключения. Именно так знакомятся с книгами опытные читатели-библиофилы с тем, чтобы решить, целесообразно ли трудоемкое углубленное чтение. Для нечитателей "чтение пальцами" — обычный прием работы с книгой, ни о каком углубленном изучении ее содержания речи нет, хотя детальное исследование ее материальной формы, истории бытования,

рыночной конъюнктуры и т. п. возможно и даже обязательно.

Углубленное чтение может быть пассивным или активным. *Пассивное* чтение имеет место, когда читатель отдается на волю автора, не давая критической оценки прочитанному, не задумываясь над реальностью описанных событий, сопереживая вместе с героями произведения. Чтение (слушание) сказок детьми — типичный пример пассивного коммуникационного восприятия. *Активное* чтение — вид коммуникационного познания, когда читатель стремится к углубленному пониманию смысла сообщения. Он отграничивает себя от личности автора, критически оценивает прочитанное, делает собственные выводы. Следы активного отношения к содержанию книги часто остаются на ее страницах. Вспомним пушкинское:

Хранили многие страницы
Отметку резкую ногтей.
Татьяна смотрит с трепетаньем,
Какою мыслью, замечаньем
Бывал Евгений поражен,
С чем молча соглашался он.
И на полях она встречает
Следы его карандаша,
Везде Онегина душа
Себя невольно выражает
То кратким словом, то крестом,
То вопросительным крючком.

Небиблиофилы чаще всего практикуют пассивное чтение художественной и всей прочей литературы. Исследования показали, что лишь около 10% читателей художественной литературы стремятся к пониманию ее глубинного смысла. Библиофил может практиковать как активное, так и пассивное чтение, которое уместно при чтении классической художественной литературы, где важно слияние с сознанием автора, чтобы постичь эстетическую суть произведения. Ф. Бэкон мудро заметил: "Есть книги, которые можно только пробовать, другие глотать и весьма немногочисленные — разжевывать, переваривать; другими словами, есть книги, которые стоит читать лишь урывками, другие — целиком, но без особого сосредоточения внимания и наименьшее число — целиком и с полным вниманием и усердием".

В таблице 5.1 показано распределение методов чтения между разными группами пользователей книги. Библиофилы отличаются, во-первых, способностью варьировать методы чтения, во-вторых, владением активным углубленным чтением. Следует заметить, что для коммуникационного познания посредством активного диалога с литературным произведением нужно обладать не только добросовестностью и усидчивостью, но иметь предварительную подготовку, литературоведческие знания и навыки, достаточную начитанность. Верно заметил А. Т. Твардовский: "Если Пушкин приходит к нам с детства, то мы по-настоящему? приходим к нему лишь с годами". Сказанного достаточно! для того, чтобы разрешить

"социально-коммуникационные антиномии", приведенные выше. Предоставим это сделать нашим читателям.

Таблица 5.1

Методы чтения		Читатели		Нечитатели
		библиофилы	небиблиофилы	
Поверхностное		-	-	+
Углубленное	активное	-	-	-
	пассивное	+	+	-

Закончим разговор о коммуникационных аспектах чтения десятью советами, точнее, *заповедями читателю,* сформулированными крупнейшим русским логиком Сергеем Иннокентьевичем Поварниным (1870—1952) в его знаменитом пособии "Как читать книги".

1. Читай хотя бы не много, но основательно.
2. Читай необходимое, хотя бы и неинтересное.
3. Читай самое лучшее, что можно достать.
4. Не читай все книги на один лад. Способ чтения должен соответствовать цели чтения.
5. Неослабно борись с ленью мышления и воображения. Это злейшие враги.
6. Не зови других на помощь без самой крайней необходимости, напрягай все силы, чтобы обойтись без чужой помощи. Самодеятельность прежде всего.
7. Прежде старайся хорошо попять, а потом критикуй.
8. Научись пользоваться оглавлением.
9. Читай не только "слева направо", по и все время "справа налево" — возвращайся к прочитанному.
10. Прочитав книгу, уясни сущность ее и запиши в кратких словах.

Выводы

1. Понятие "смысл" имеет основополагающее значение в теории социальной коммуникации, но общепринятое и однозначное определение его отсутствует. В нашей работе принято культурологическое понимание: смысл — это сокровенное духовное начало в культуре.
2. Предметом теории социальной коммуникации являются коммуникабельные личные и социальные смыслы, овеществленные в виде знаковых сообщений (текстов) или в неовеществленной ментальной форме.
3. Коммуникационное понимание есть понимание знакового смысла сообщения, которое практически осуществляется в трех формах:

а) коммуникационное познание, например, активное углубленное чтение;

б) коммуникационное восприятие, например, поверхностное чтение или пассивное углубленное чтение;

в) псевдокоммуникация, когда происходит движение не смыслов, а материальной оболочки знаков.

6. СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД К СОЦИАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

6.1. Исходные понятия

Системой обычно именуют совокупность взаимосвязанных элементов, образующих единое целое (интеграцию). Например, солнечная система, система кровообращения, денежная система, система образования и т. д. Структура (строение) системы есть совокупность устойчивых взаимосвязей между элементами. Оказывается, что все Природные объекты, все смыслы, всякий человек являются элементами какой-либо системы и сами представляют собой систему. *Системный подход* — это методологический подход к познанию реальных объектов, когда эти объекты рассматриваются через призму *системности,* т. е. повсюду вычленяются системы и устанавливаются системные взаимосвязи между системами и внутри систем. Системный подход оправдывается как познавательная методология тогда, когда рассматривают не отдельно взятый предмет, а его внутреннее строение (структуру) и его внешние интегральные связи. Не случайно греческое слово "система", означающее целое, составленное из частей, и латинское слово "интеграция", означающее объединение в единое целое, связаны глубоким смысловым единством. Где есть система, там есть и интеграция, и наоборот.

Различают два понимания понятия "система":

1. Система — *любая* совокупность, всякая *сумма,* в том числе — груда камней, толпа людей, звездное нёбо и т. д. Утверждается, что "Материя вообще проявляется в форме систем. Системность — это атрибутивное свойство материи... форма существования материи"[131]. Сторонники этой точки зрения А.Н. Аверьянов, В.Г. Афанасьев, Н.Ф. Овчинников, В.С. Тюхтин.

2. Система — внутренне *структурированная* (организованная, упорядоченная) совокупность, а случайные внешним образом объединенные совокупности суть суммы или множества, но не системы (И. В. Блауберг, В. Н. Садовский, Э. Г. Юдин, 10. А. Шрейдер, А. А. Шаров).

Первую трактовку можно назвать широкой, а вторую - узкой; первая относится к *суммативным* системам, вторая — к *структурированным* системам. В суммативной системе части предшествуют целому, чтобы познать целое, нужно знать его части. В структурированной системе целое обладает интегративными (системными, эмерджентными) свойствами, которыми части ее, каждая в отдельности, не обладают. Например, если разнять живой организм на составные части, он перестанет быть живым; если разделить стих на отдельные слова, он утратит свой смысл. Поэтому в структурированных системах части познаются на основании знания о

[131] Аверьянов А.Н. Система: философская категория и реальность. М., 1976. — С.23—24.

целом; целое предшествует своим частям и не детерминирует ими.

Структура влияет существенно на свойства системы. Так, химические соединения, образованные из одних и тех же элементов, могут иметь разный удельный вес, точку кипения и замерзания. Дело в том, что одинаковые химические элементы вступают в разные типы связей и образуют разные структуры. Зависимость смысла высказывания от порядка слов, т.е. его структуры, очевидна.

Системный подход можно применять при рассмотрении любых объектов, например, личности или социума, отдельной звезды или созвездия, ибо всегда можно разложить объект па элементы, установить отношения между ними, выявить структуру. Возникает однако вопрос об исходных "точках отсчета" системности как сверху, так и снизу. В материальном мире наибольшей суперсистемой является, по-видимому. Вселенная, наименьшим элементом - элементарная частица. Между ними располагаются уровни физических, химических, биологических, астрономических и т.п. систем. Уровни объединяются *субстанцией,* т.е. природой элементов, входящих в состав систем данного уровня.

В мире Смыслов субстанцией является идея (мысль). Здесь также выделяются уровни: текстовой (элемент — высказывание, завершенная мысль), уровень смысловых систем (учений, наук, доктрин), уровень общественного знания, уровень социального менталитета. Свой ряд уровней возникает в знаковых системах (фонетический, лексический, синтаксический). Суммативные смысловые системы: бред, бессмыслица, поток сознания, мозаика знания.

При демонстрации структурированных систем верхнего уровня (больших систем) принято выделять не элементы, а *подсистемы.* К примеру, подсистемами экономики являются отрасли промышленности; подсистемами науки отрасли знания. Типичные подсистемы социального института практика, образование, наука, управление, специальная коммуникация. Подсистемы отличаются друг от друга функциональной специализацией. Функциональная специализация не характерна для элементов малых систем, которые однородны и не специализированы (атомы, молекулы, деревья в лесу, члены социальной группы).

В социальной коммуникации приходится иметь дело как с *суммативными системами,* например, массовая аудитория, издательская продукция, писатели, художники, актеры и т.д., так и со *структурированными малыми* (простыми) *системами* — элементарная межличностная коммуникация, текст небольшого сообщения (стихотворение, притча, картина художника, театральное представление, телеграмма), система "книга — читатель", или *большими* (сложными) *системами,* например, духовно-производственный социальный институт, система массовой коммуникации, фонд библиотеки, система учреждений культуры и т. п.

Формальное описание системы на языке теории множеств имеет вид формулы: S = {E, R, Z, F},
где S — система;

E — множество элементов;
R — множество отношений между элементами;
Z — целевая функция системы;
F — внешние факторы;
{...} — знак множества.

Если элементарную схему коммуникации (рис. 1. 1) считать системой (S), то описание этой системы примет вид:

E={e1,e2,e3},
где el — коммуникант,
e2 — сообщение**;**
e3 — реципиент.
R={rl2,r32,rl3,r3l},
где rl2 — отношение коммуникант-сообщение;
г32 — отношение реципиент-сообщение;
г13 — отношение коммуникант-реципиент;
г31 — отношение реципиент-коммуникант.
Z={zl,z2,z3},
где zl — функция связи,
z2 — субъект-субъектное отношение;
z3 — субъект-объектное отношение.
F={f1,f2,f3},
где fl — канал связи;
f2 — помехи;
f3 — шумы.

Достоинство формальных описаний систем заключается в том, что они позволяют наглядно и исчерпывающе представить все исходные данные, необходимые для познания системы.

6.2. Виды систем

В мире Природы бытуют *материальные* (вещественные, конкретные) системы. К материальным системам относятся: микромир, космос, экологические системы (в том числе — Земля как геологический объект, атмосфера, океан и т. д.), биологические организмы и биоценозы. Эти системы познаются личностью и в сознании познающего субъекта формируются *идеальные* (концептуальные, абстрактные, интеллектуальные) образы материальных систем. Индивидуальные идеальные образы принадлежат личности и входят в ее ментальный мир. Каждая личность вырабатывает свой индивидуальный образ материального мира; таким образом получается *сумма* индивидуальных идеальных образов.

Если бы люди не общались друг с другом, эти образы остались бы достоянием индивида. В результате социальной коммуникации между людьми из *суммы* индивидуальных идеальных образов путем их обобществления формируются социальные *смысловые системы,* которые образуют два типа:

1) з н а к о в ы е системы (всевозможные языки от естественного

языка до языка абстрактной живописи), служащие для социальной коммуникации и обобществления индивидуальных продуктов духовной деятельности;

2) м е н т а л ь н ы е (чисто духовные, идеальные) общественные системы — теории, наука, мифы, литературные произведения, произведения искусства и т. п.

Знаковые и ментальные социальные системы относятся к пространству Смыслов (рис. 5.1). Механизм их формирования схематично показан на рис. 6.1.

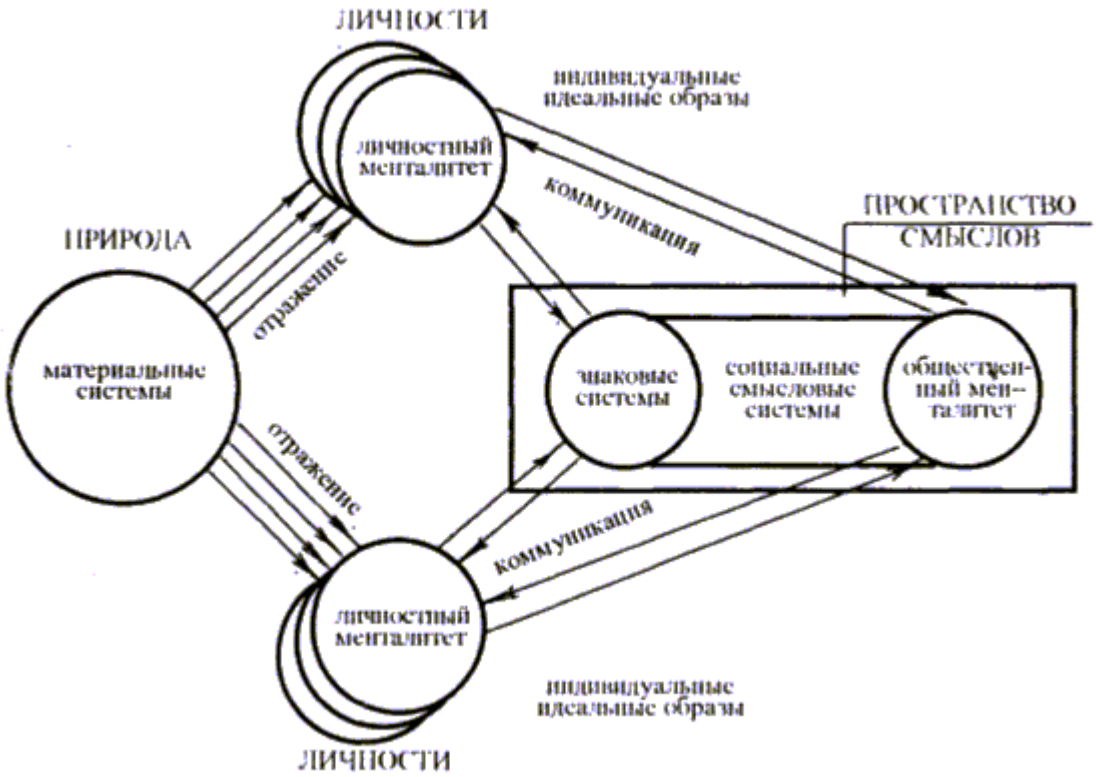

Рис. 6.1. Механизм формирования социальных смысловых систем (знаковых систем и общественного менталитета)

Важно обратить внимание на следующие моменты:

а) сумма индивидуальных образок преобразуется и общественную метальную систему, т. с. имеет место переход количеств в покое качество;

б) переход этот происходит посредством социально-коммуникационной деятельности, порождающей смысловые знаковые системы;

к) индивидуальные образы в знаковой форме активно обобществляются, и их смыслы (именно смыслы!) включаются в общественный менталитет, образующий большую идеальную систему общества.

В результате получаем классификацию структурированных систем в зависимости от субстанции их элементов: материальные идеальные (см. рис. 6. 2).

Человеческие общества и индивидуальные личности представляют

собой *комплексные* материально-идеальные системы, состоящие из идеальных и материальных систем. Сочетание материальных и идеальных элементов присуще техническим и знаковым системам.

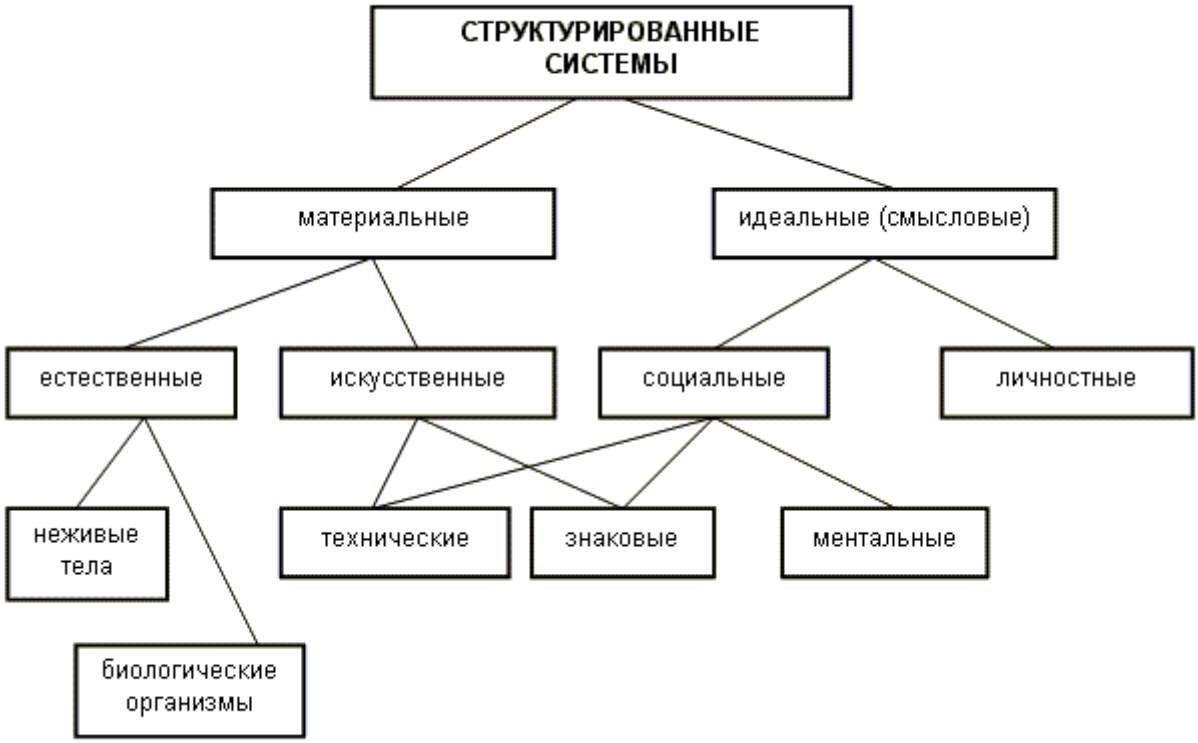

Рис. 6.2. Классификация систем по субстанции их элементов

Ментальные и знаковые системы есть идеальные (смысловые) системы, которые отличаются субстанцией материального носителя: в первых нейродинамические структуры (живая материя); во вторых - неживая материя (звук, движение, изображение, цвет и т. д.). Идеальное же содержание *одно и то же.* Главные различия знаковых и ментальных систем с точки зрения системности в следующем:

— они имеют разную элементную базу: знак и мысль (рис. 6.1. и рис; 6.2.).

- ментальные системы - системы *открытые* для пополнения, корректировки, трансформации; знаковые системы системы *закрытые,* завершенные в данный момент времени (сказанная речь "слово не воробей, вылетит -не поймаешь", написанный документ, картина и пр.);

— знаковые системы чувственно воспринимаемы, а ментальные системы умопостигаемы.

Как материальные, так и идеальные структурированные системы могут быть *статичными* или *динамичными,* в зависимости от того, изменяются во времени взаимосвязи между элементами или нет. Абсолютно статичных

материальных систем нет, т. к. в физическом времени "все течет, все изменяется". Относительно стабильны ландшафты, водоемы (не реки!), солнечная система. Статичны некоторые идеальные системы, например, системы родственных связей (родители-дети), таблица умножения, грамматика естественного языка, систематика растений и животных. Абсолютно статичны такие знаковые системы, как документы; относительно статична лексика (словарный состав) естественного языка и фонетика. Статичные системы входят в качестве устойчивых элементов в состав динамичных систем.

Динамичные системы отличаются от статичных не только изменением отношений между элементами со временем, но и наличием определенной *целевой функции* (у статичных систем целевая функция отсутствует, ее заменяет пассивное существование, бытие в своем мире). В динамичных системах элементы специализируются на выполнении определенной функции (роли), причем изменение функциональной специализации невозможно. По целевой функции различаются:

— гомеостатические (гомеостазис — равновесие) системы, стремящиеся к поддержанию сложившегося устойчивого состояния, например, круговорот воды в природе, приливы и отливы в океанах, обмен веществ в живых организмах, биоценозы, историко-культурные традиции, религии, идеологии (последние две — кибернетические системы, они имеют органы управления, ревниво сохраняющие их статус-кво);

- многоцелевые функционально-специализированные системы, нелепая функция которых состоит не в самосохранении, а в выполнении определенного назначения (специальных функций), достижении различных целей. Причем среди многоцелевых различаются системы *кибернетические,* имеющие специальную подсистему управления, и *некибернетические* системы; живой организм многофункциональная кибернетическая система; государство многоцелевая и многофункциональная кибернетическая система. Некибернетическими многоцелевыми системами являются общество, социальные группы, круг знакомых, сослуживцев, друзей, сознание. Если функция системы управления состоит в поддержании гомеоетазиса, имеет место гомеостатическая кибернетическая система.

Получаем классификацию систем но признаку развития целевых функций (Z) (рис. 6. 3.):

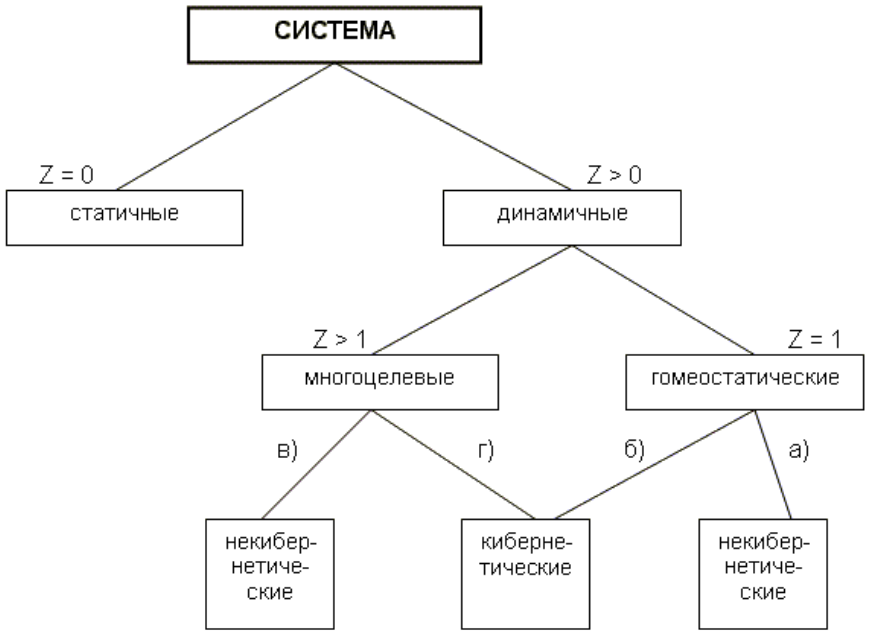

Рис. 6.3. Классификация систем по развитию целевых функций

Системный подход к социальной коммуникации позволяет выделить следующие *типы коммуникационных систем:*

— статичные: знаки-копии (фотографии, отпечатки пальцев), алфавит, фонетика естественного языка;

— динамичные: а) гомеостатические некибернетические: социальная память, традиции, грамматика и лексика естественного языка; б) гомеостатические кибернетические: религия, художественные школы, стили, идеологии, политические доктрины; в) многоцелевые некибернетические: естественный язык, фольклор, общественное мнение, литература, искусство, наука; г) многоцелевые кибернетические: образование, средства массовой коммуникации, книгоиздания и др. обслуживающие социально-коммуникационные институты.

6.3. Знаковые смысловые системы

Социальная коммуникация неразрывно связана со смысловыми системами двух типов: знаковыми и ментальными. Рассмотрим их более подробно.

Элементом знаковых систем является знак. Отдельный знак представляет собой *атомарный,* т. е. не разложимый далее смысл. Обычно атомарные смыслы объединяются в последовательности (цепочки), образуют *кортеж* смыслов. Допустим, каждый из знаков светофора имеет атомарный смысл, но их последовательность "зеленый -желтый - красный - желтый - зеленый" собственного смысла не имеет. Аналогично: отдельный орден или медаль имеет свой смысл, а их кортеж на груди ветерана — не более чем сумма смыслов каждой из наград.

Наиболее сложной знаковой системой является естественный язык. Лингвистическая паука различает в языке три уровня (яруса), каждый из которых можно считать *смысловой подсистемой* естественного языка, имеющей собственное функциональное назначение, элементную базу и набор разрешенных (осмысленных) структур. Нижний уровень представляет собой основание, на котором строится верхний уровень. Перечислим лингвистические уровни:

— фонетический уровень, где элементами *являются фонемы* (звуки, буквы), выступающие в качестве "тела знака", выражающего атомарный смысл; последовательность фонем, обладающая смыслом, называется слово (лексема или морфема);

— лексический уровень — в качестве элементов имеет *слова* (морфемы), которые, располагаясь в осмысленном порядке, образуют кортеж смыслов, эквивалентный *предложению;*

— синтаксический уровень — область бытия *предложений,* существующих не в хаотическом движении, а в виде последовательностей, выражающих относительно законченную мысль, которые именуются *высказываниями.* Синтаксический уровень — конечный уровень лингвистического анализа, выше которого лингвистика не поднимается. Лингвисты изучают не высказывания, а предложения, т.е. кортежи

(цепочки) слов, разграниченные знаками препинания.

Структуры естественного языка, как известно, изучаются *структурной* (математической) лингвистикой (см. 4.3). Исходной методологической предпосылкой структурной лингвистики является понимание естественного языка как многоуровневой знаковой системы, и следовательно, применение системного подхода (системной методологии) при изучении языковых знаков. Весьма полезным новшеством оказалась выдвинутая структуралистами идея о существовании двух осей в языке — горизонтальной и вертикальной.

Горизонтальная ось называется синтагматической; вдоль этой оси располагаются элементы каждого уровня, образующие осмысленные выражения — синтагмы. Ясно, что из арсенала фонем можно образовать множества бессмысленных звуковых или буквенных комбинаций, которые синтагмами не признаются. Фонетическая *синтагма* - это осмысленная (имеющая значение, содержание) последовательность (кортеж) фонем. Например, в русском языке "агипк" — не синтагма, а "книга" - синтагма. Фонетическая синтагма есть слово (лексема, морфема), которое на своем (лексическом уровне) образует лексические кортежи. Те из них, которые грамматически правильны, соответствуют нормам языка, признаются *лексическими синтагмами,* т. е. предложениями. Далее предложения можно расположить в осмысленной линейной последовательности вдоль синтагматической оси, и тогда получатся синтаксические синтагмы, представляющие собой высказывания.

Вертикальная ось языка называется парадигматической осью. Парадигматическая ось, в отличие от синтагматической, не наблюдается и чувственно не воспринимается. Она находится в сознании носителей языка, т.е. является *ментальной,* подобно мысленным образам. *Парадигма —- это* группа (букет) языковых единиц, сходных по внешним или внутренним (смысловым) признакам. Например, парадигмы свистящих, глухих, гласных и т.п. фонем; парадигмы однокоренных слов, слов одного рода, двуслов-ных устойчивых словосочетаний и т.д.; парадигмы безличных, вопросительных, утвердительных, побудительных, сложносочиненных, сложноподчиненных и т.п. предложений. Но это все форматно образованные парадигмы. Гораздо интересней содержательные лексические парадигмы - отношения между словами, существующие независимо от контекста и отражающие факты реальной действительности, например, отношения родовые (плод — яблоко), целое - часть (дерево - ствол), синонимия, омонимия и полисемия. Парадигмами являются предложения, толкующие об одном и том же, или родственных предметах, например, разные определения слов "знак", "язык", "культура".

Для дальнейшего рассмотрения смысловых систем целесообразно уточнить содержание терминов "предложение", "суждение", "высказывание".

Предложение, как уже говорилось, — категория лингвистическая, обозначающая грамматически связанную совокупность слов в тексте. Обычно предложения разграничиваются знаками препинания.

Суждение — категория л о г и ч е с к а я, соответствующая утвердительному предложению, представленному в форме "субъект - предикат", удобной для осуществления умозаключений: "Все люди смертны", "Сократ — человек" и т. п.

Логическое рассуждение — это *дискурс* — цепочка следующих друг за другом логически связанных суждений и умозаключений.

Высказывание — категория коммуникационная. Это фрагмент текста, отличающийся от других фрагментов того же текста следующими особенностями:

а) принадлежностью одному коммуниканту (автору);

б) содержательной законченностью, т.е. завершенностью выражаемой мысли;

в) адресностью, т.е. обращенностью к определенному реципиенту;

г) единством стиля, жанровой однородностью, общностью экспрессивной интонации[132].

Высказывание — это реплика в диалоге, завершенный продукт мыслительного процесса. Оно может состоять из одного или нескольких предложений и иметь форму "субъект - предикат", подобно суждению. Сумма смыслов предложений, входящих в высказывание, образуют его *поверхностный смысл.*

Высказывание ведет *"двойную жизнь":* оно принадлежит не только знаковым системам, но и ментальным системам: рациональному знанию и иррациональным смыслам. Высказывание имеет не только поверхностный, но и *глубинный смысл* (замысел, цель, интенция коммуниканта). Поверхностный смысл следует из читаемых (слышимых) слов и предложений, глубинный смысл постигается "между строк" (мораль басни, смысл поговорки).

Высказывания, несущие глубинные смыслы, образуют в ментальных системах *внутритекстовой* уровень. За пределы этого уровня не выходят суммативные системы глубинных смыслов (например, справочник, сборник цитат и пословиц). Если же глубинные смыслы высказываний вступают в системные взаимосвязи, то образуется *текстовой* уровень, обладающий новым, более глубоким смыслом (идейное содержание, целевая установка автора, место в литературном процессе и т.д.). С точки зрения системного подхода, текст это отдельное высказывание или (как правило) совокупность высказываний, объединенных единым замыслом (целевым назначением), представляющим собой глубинный смысл данного текста[133]. Всякий текст представляет собой достаточно сложную

---

[132] Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Бахтин М. М. Литературно-критические статьи. — М., 1986. —С.428—472.

[133] Познавательно сравнить эту трактовку текста с дефиницией текста, данной в разделе 4.4, с позиции семиотического подхода. Дня семиотики базовой категорией является "знак", и поэтому текст определяется как "отдельный знак или упорядоченное множество знаков"; системная методология практикует декомпозицию (разделение) изучаемого объекта на элементы, поэтому в ее рамках текст — "совокупность высказываний". Ясно, что обе точки зрения не противоречат друг другу.

смысловую систему.

Таким образом выявляются два "постлингвистических" уровня: внутритекстовой и текстовой. Но тексты в свою очередь способны к группировке в смысловые системы. В сфере иррациональных смыслов объединение текстов, глубинными смыслами которых являются откровения, приводят к формированию доктрин, учений, школ, пытающихся постичь запредельные смыслы, не поддающиеся документированию.

В сфере рационального знания тематически, жанрово, по назначению или по иным содержательным признакам близкие тексты образуют *межтекстовые* смысловые системы, например, теории, научные школы, научные дисциплины, типы литературы (справочная, учебная, детская и пр.). Документированные смысловые системы образуют собственный уровень, где единицей являются документальные фонды (множество текстов), из которых складывается ретроспективная социальная память.

Обобщая сказанное, получаем шесть уровней знаковых смысловых систем, охарактеризованных в табл. 6. 1.

Таблица 6.1.

Уровни знаковых смысловых систем

N п/п.	Элементарная частица	Наименование уровня выражения	Уровень смысла
1.	Фонема	фонетический	атомарный
2.		лексический	кортеж смыслов
3.	Предложение	синтаксический	поверхностные смыслы
4.	Высказывание	внутритекстовой	глубинные смыслы
5.	Текст	текстовой	смысловые системы
6.	Смысловая система	межтекстовой	ретроспективная социальная память

Уровни смысловых систем не обособлены, а необходимо связаны дру1 с другом, образуя ступенчатую последовательность, или иерархические отношения выше — ниже. Иерархия смысловых систем представлена на рис. 6.4.

6.4. Общественное знание как мозаика конкурирующих и кооперирующих ментальных смысловых систем

Известно, что любая система есть единство противоположностей, противоречия между которыми являются источником сохранения целостности и развития системы[134]. Этот вывод справедлив для пространства Смыслов как сверхсистемы, в которой сосуществуют такие противоположности, как рациональное знание и иррациональные смыслы.

[134] Афанасьев В.Г. Системность и общество. — М., 1980. — С. 69.

Не будем анализировать ментальные системы в целом, ограничимся рассмотрением структуры рационального общественного знания, квинтэссенцией которого является знание научное.

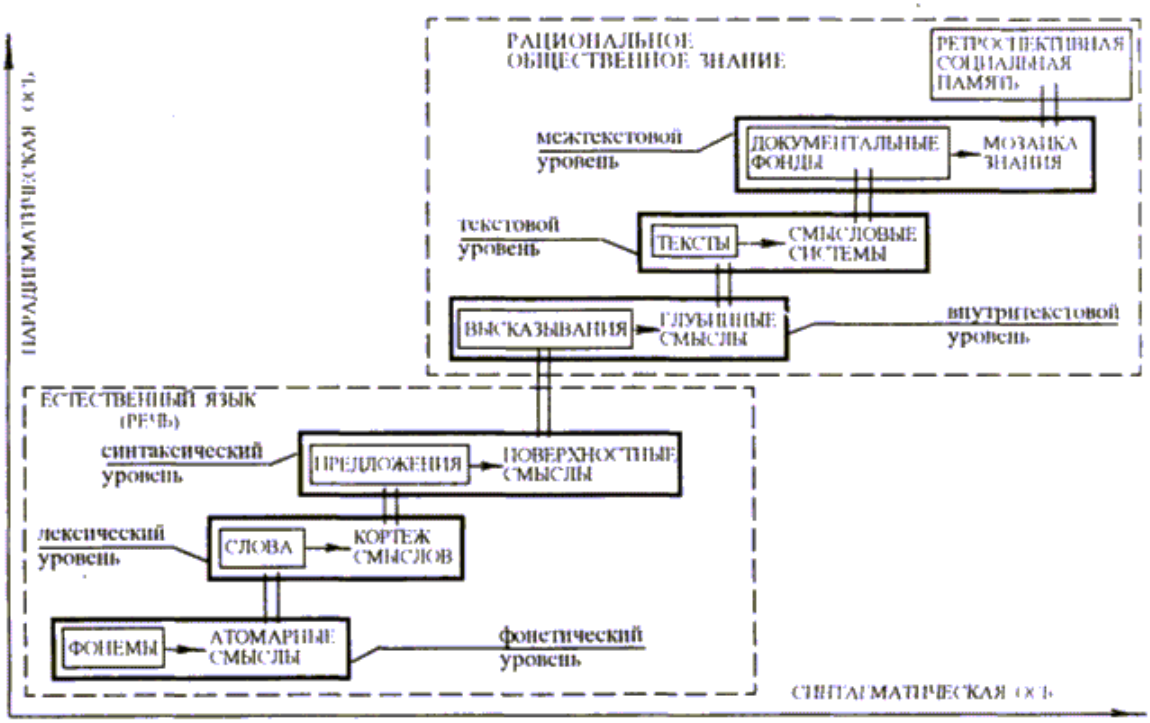

Рис. 6.4. Иерархия смысловых систем

В начале XX века господствовала кумулятивная модель роста научного знания. Кумулятивность понималась как "постепенный, последовательный рост однажды познанного, подобно тому, как кирпичик к кирпичику наращивается стена. Труд ученого в этом случае состоит в добывании кирпичиков-фактов, из которых рано или поздно возводится здание науки, ее теория"[135]. На смену кумулятивной концепции пришла концепция рево-люционных переворотов в науке, отрицающая стабильность накопленного знания. Вследствие нестабильности структуру общественного знания нельзя представить ни логически стройной, ни эстетически гармоничной. С точки зрения системного подхода общественное знание представляет собой не суммативную и не структуированную систему, а нечто среднее — это *мозаика.*

Мозаика отличается от системы тем, что не имеет единой структуры, объединяющей элементы в системную целостность. Характеристику мозаичности культуры, данную А. Молем, молено распространить на общественное знание. Мозаичная культура, по словам А. Моля, складывается из "разрозненных обрывков, связанных простыми, чисто случайными отношениями близости по времени усвоения, по созвучию

[135] Черняк В.С. Особенности современной концепции развития науки // В поисках теории развития науки.— М., 1982.— С. 13.

или по ассоциации идей... Она состоит из множества соприкасающихся, но не образующих конструкций фрагментов, где пет точек отсчета, нет ни единого общего понятия, но зато много понятий, обладающих большой весомостью (опорные идеи, ключевые слова и т. п.)"[136]. Пример мозаичности — вузовское образование, где нет жесткой последовательности и преемственности курсов.

Если присмотреться к мозаике общественного знания, оказывается, что это мозаика *конкурирующих и кооперирующих* смысловых систем. В качестве смысловых систем выступают: теории, концепции, научные школы, доктрины, учения, научные дисциплины в своих локальных пределах обладающие хорошо развитой системностью: единство терминологии, методологии, целевых установок, традиций и т. д. Итак, общественное знание — это не жесткая система систем, а мягкая мозаика относительно устойчивых и самобытных смысловых конструкций. Вследствие конкурентной борьбы мозаика общественного знания не имеет стабильной структуры и постоянно видоизменяется, исключая тем самым кумулятивное накопление. Существуют следующие типичные виды-конкуренции в мозаике общественного знания:

1. Конкуренция старого и нового, естественная для любой эволюционно развивающейся целостности. Этот вид конкуренции приобретает разную остроту в разных секторах общественного знания. Политическое и техническое знание устаревает довольно быстро и интенсивно вытесняется в архивную часть социальной памяти; для области искусства и философии характерно сохранение актуальности классических произведений; правовое, нравственное, религиозное сознание, точнее, их содержание, отличаются высокой стабильностью, доходящей до догматизма. Различие процесса обновления разных отраслей науки образно описал В. В. Налимов: "Точные и естественные науки, развиваясь во времени, растут как деревья: одни их ветви засыхают и отпадают, другие разрастаются, но по мере того, как дерево растет, его нижние части врастают в землю — уходят в область истории. Языкознание развивается не так — это мозаика ярких цветов на обширном лугу, и этот луг оказывается волшебным: после появления новых цветов старые не вянут, не теряют своей яркости и свежести"[137].

2. Конкуренция стилей мышления: обыденно-мифологический и научно-технический, образно-художественный и абстрактно-рациональный ("лирики" и "физики"), детерминистский и вероятное тпый, различные стили религиозного мышления. Стиль мышления это составная часть методологии, поэтому конкуренция стилей мышления отражает конкуренцию методологических учений.

3. Конфликт между различными классовыми идеологиями, принимающий форму непримиримой идеологической борьбы; конфликт

---

[136] Моль А. Социодинамика культуры. — М., 1973. — С.45.

[137] Налимов В. В. Вероятностная модель языка. М., 1974.— С.29.

между религиозным и атеистическим мировоззрением, между ортодоксальными и еретическими доктринами.

4. Конкуренция различных ответов на один и тот же вопрос (разные способы разрешения одной и той же проблемы). Причиной конкуренции в данном случае является относительная истинность наших знаний. Отсюда следует гипотетичность большей части корпуса положительного знания, а значит, необходимость конкуренции между гипотетическими ответами на один и тот же познавательный вопрос. Конкуренция такого рода принимает явную форму в дискуссиях, диспутах, круглых столах и т. п.

5. Конкуренция национальных мозаик общественного знания, обусловленная различием языков, психологическими особенностями, культурно-историческими традициями и пр.

6. Конкуренция одинаковых ответов на один тот же вопрос. В данном случае речь идет о дублировании результатов познания, повторении уже известного, "изобретении велосипедов" и т.п. Эта конкуренция обостряется, если затрагиваются приоритет или престиж.

Конкурентным тенденциям, принимающим иногда разрушительный и нигилистический характер, противостоят кооперативные процессы. Конкуренция и кооперация оказываются взаимосвязанными и сбалансированными, чем обеспечивается жизнеспособность и обогащение мозаики общественного знания.

1. Устаревшие знания не отрицаются абсолютно, а в "снятом", качественно преобразованном виде входят в состав новою знания. Поэтому преемственность выступает как один из видов кооперации в общественном познании. Архивная часть общее таенного знания не утрачивает общественной ценности, не превращается в обременительный реликт. Там хранятся объяснения нынешнею состояния дел, многие архивные документы сохраняют способность к актуализации, и в силу этою тексты прошлых эпох бережно сохраняются в составе социальной памяти.

2. Разнообразие стилей мышления и разных методологических подходов расширяет выбор средств самореализации человека; эти способы не исключают, а дополняют друг друга. В. В. Налимов, отрицая правомерность радикального противопоставления философской мысли Востока и Запада, писал, что христианство и буддизм "выступают как два дополняющих друг друга начала именно в силу того, что они возникли из попытки решить одну и ту же проблему - проблему смысла"[138].

3. Идеологические, классовые, религиозные конфликты служат испытанием жизнестойкости тех или иных доктрин, и в этом отношении способствуют развитию общественного знания.

4. Дифференциация познания часто возникает из-за конкуренции старого, утвердившегося в общественном мнении знания, и знания нового, ищущего самоутверждения и признания. Дифференциации противостоит интеграционная тенденция. Кооперация различных отраслей научного

[138] Налимов П.В. Спонтанность сознания. — М., 1989. — С. 221.

знания ярко проявляется в интеграции и взаимодействии естественных, технических и общественных наук, ставшей одной из характерных черт современной научно-технической революции. Очень важную конструктивную функцию в процессе интеграции научного знания играют обобщающие пауки (метанауки), синтезирующие достижения частных дисциплин и преодолевающие барьеры непонимания и терминологической разобщенности между ними.

5. Национальной обособленности противостоит тенденция к формированию единой общечеловеческой культуры. Эта тенденция проявляется в создании глобальных (всемирных) коммуникационных систем, в том числе библиотечно-библиографических и информационных, в расширении международного культурного сотрудничества и г. п. При этом предполагается признание безусловной ценности и сохранение самобытности культуры всех народов в качестве общечеловеческого достояния.

6. Одинаковые ответы на один и тот же познавательный вопрос представляются вредной избыточностью, если речь идет об "изобретении велосипеда", но вместе с тем они имеют свою положительную сторону. Как известно, дублирование сообщений в коммуникационных каналах повышает надежность передачи информации. Дублируются чаще всего сообщения, обладающие повышенной общественной актуальностью, пользующиеся массовым спросом, и поэтому избыточность такого рода во многих случаях оправдана. Более того, она может быть полезной, когда одни и те же элементы знания представляются в документах, имеющих разное целевое и читательское значение.

Видимо, не все виды конкуренции и кооперации учтены нами, но сказанного достаточно для того, чтобы дать представление о мозаичности общественного сознания и менталитета общества в целом. Очевидно, что конкуренция и кооперация необходимые спутники человеческого познания, а, следовательно, и социально-коммуникационной деятельности, обеспечивающей обработку, хранение и распространение добытого знания.

6.5. Социальная информационно-коммуникационная система (СИКС)

Социальная коммуникация, повторим еще раз, представляет собой движение смыслов в социальном времени и пространстве. Движение смыслов происходит пе хаотично, а системно. Эту системность позволяет выявить системно-информационный подход к социальной коммуникации, результатом которого стало понятие о *социальной информационно-коммуникационной системе* (СИКС). Знаковые и ментальные смысловые системы, рассмотренные в разделах 6.4 и 6.5, являются некибернетическими и не поддаются сознательному воздействию людей. В отличие от них, СИКС представляется как многоцелевая и многофунк-

циональная кибернетическая система, объединяющая все обслуживающие социально-коммуникационные институты. В этих институтах заняты десятки и сотни тысяч профессиональных работников, они имеют разветвленные сети функционально-специализированных учреждений, которые являются объектами управления со стороны государственной власти и других попечителей.

Целевое назначение СИКС сводится к достижению следующих целей:

а) обеспечивать для каждого члена общества возможность творческого вклада в социальную память;

б) сохранять документированную социальную память как составную часть культурного наследия общества;

в) обеспечивать общественное использование текущей и ретроспективной социальной памяти в интересах общества.

Для осуществления этих целей СИКС, опираясь на свои подсистемы, должна выполнять следующие ф у н к ц и и:

- обобществление исходных сообщений (рукописей), поступающих от творческих личностей, включая их смысловую оценку, редакционно-издательское оформление, полиграфическое тиражирование или иные способы ввода в коммуникационные каналы;
- смысловая обработка первичных сообщений (свертывание и развертывание) для более полного их использования;
- формирование и долговременное хранение документальных фондов в традиционной или машиночитаемой форме;
- распространение смыслов, хранящихся в текущей и ретроспективной социальной памяти в режимах постоянного оповещения или справочного обслуживания по запросам.

Учитывая сказанное, можно дать следующее *определение.* СИКС — *исторически сложившаяся многоцелевая и многофункциональная система коммуникационного обслуживания, удовлетворяющая коммуникационные потребности общества в целом.* Подсистемами СИКС являются все системы массовой и специальной коммуникации (информации), в том числе система образования, система массовой информации, система документальной коммуникации, система научно-технической информации и др.

Структурно-функциональную схему СИКС, включающую все ее подсистемы с их взаимосвязями, изобразить невозможно. Мы ограничимся рассмотрением принципиальной схемы функционирования СИКС, показывающей движение смыслов в социальном времени и пространстве и взаимодействие участников этого движения (см. рис. 6.5).

На рис 6.5 СИКС выступает в качестве посреднического звена между личностными сознаниями коммуниканта (ЛС-К), реципиента (ЛС-Р), текущей социальной памятью (ТСП), ретроспективной социальной памятью (РСП). Выделен контур обобществления (верхняя часть рисунка), где располагаются редакционно-издательские, журналистские, рекламные службы (А) и контур обработки, хранения, распространения, где располагаются библиотечно-библиографические, педагогические,

архивные, музейные, информационные службы (Б).

Сфера идеальной реальности — область бытия личностных сознании, текущей социальной памяти, профессиональных сознании (ПС), принадлежащих соответственно работникам контура обобществления (ПС-А) и работникам контура обработки, храпения, распространения (ПС-Б). На профессиональное сознание работников СИКС оказывают воздействие органы управления (государственная власть, церковь, общественные организации).

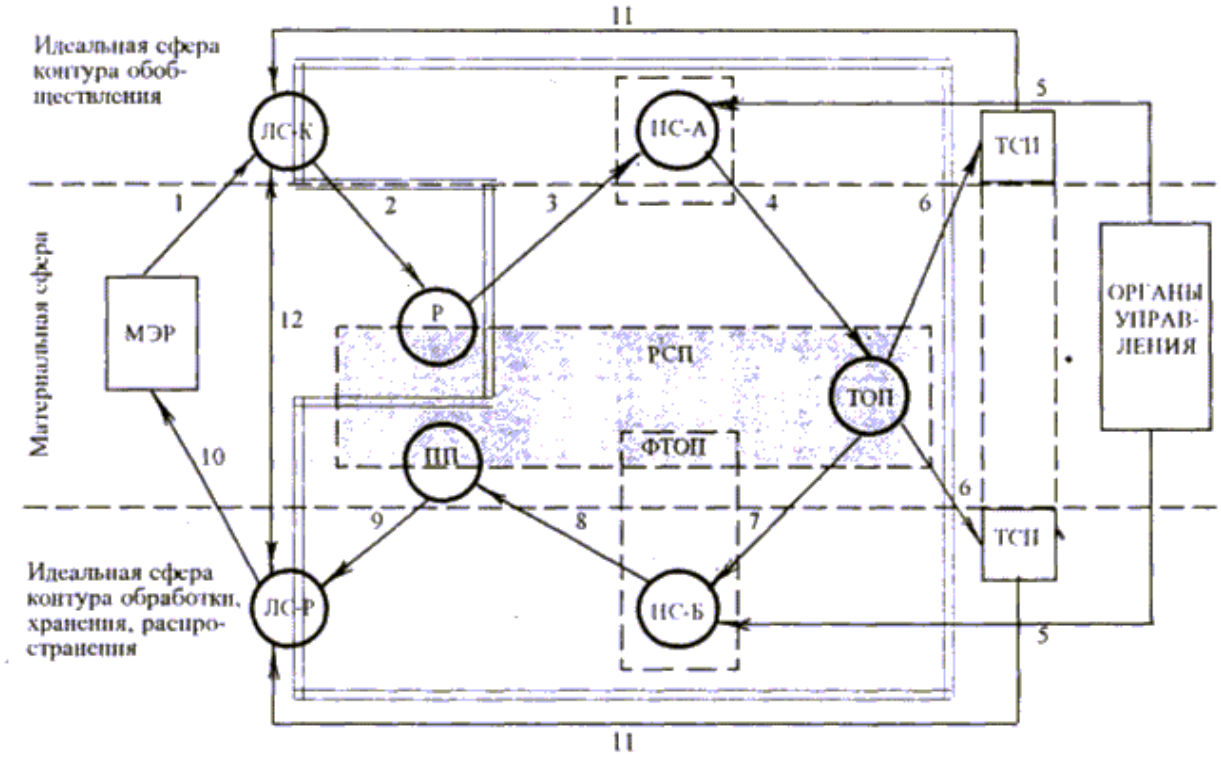

Рис. 6.5. Принципиальная схема функционирования СИКС

Сфера идеальною противополагается сфере материального, охватывающей: а) МЭР - мир эмпирической (объективно существующей и чувственно воспринимаемой) реальности, к которому относятся неживая и живая природа, общественное и личное бытие; б) ретроспективную социальную наметь, содержащую, как известно, овеществленные смыслы.

Движение смыслов в СИКС происходит следующим образом. МЭР служит объектом познания, которое осуществляется живым личностным сознанием коммуниканта ЛС-К (вектор 1). Для того, чтобы добиться обобществления (общественного признания) своих результатов, допустим, путем публикации, коммуникант должен подготовить рукопись (Р) (вектор 2), которая (вектор 3) представляется для рассмотрения в службу обобществления, например, в редакцию журнала. Сотрудники редакции, руководствуясь профессиональным кодексом и указаниями органов управления (вектор 5), решают судьбу рукописи. Если ее содержание признается достойным обобществления, коммуникант приобретает статус элемента СИКС (автор, отправитель информации, генератор идеи и т.п.).

Службы обобществления располагают нужными материально-техническими средствами для соответствующего оформления, тиражирования и подготовки к общественному пользованию принятой рукописи. В результате их усилий появляются (вектор 4) тексты общественного пользования (ТОП). ТОП могут представляться в виде документов, но могут быть недокументированными сообщениями, например, выступление в прямом эфире по радио или телевидению. На рис. 6.5 показан путь документированного ТОП, который может быть опубликован в виде книги или журнальной статьи, а может быть отнесен к непубликуемым документам (чертежно-конструкторская документация, диссертация, научный отчет и пр.).

ТОП воздействует па текущую социальную память, распределенную в сознаниях современников (вектор 6). Если содержание поступивших текстов оказывается попятным и общественно значимым, в ТСП происходят какие-то изменения. Собственно говоря, в этих изменениях и заключается конечный эффект обобществления индивидуального знания, эмоционального настроения или управляющего стимула, первоначально зародившегося в ЛС-К. Общественно признанные смыслы начинают циркулировать в общественном интеллекте (вектор 11), достигая ЛС-Р и ЛС-К. Если отдельный ТОП не оказал никакого воздействия на ТСП (случай нередкий), то он попадает в архивную часть РСП, что однако не исключает возможности его актуализации в дальнейшем.

Теперь проследим последовательность действий контура обработки, хранения, распространения. Вновь появившиеся ТОП являются объектом изучения (вектор 7) профессионалами, обладающими ПС-Б, в соответствии с их профессиональным кодексом и указаниями органа управле- -ния (вектор 5). На базе этого изучения и соответствующей оценки осуществляются:

— формирование фондов ТОП (ФТОП), в частности, библиотечных, архивных, музейных фондов, что необходимо для сохранения документированного культурного наследия;

— смысловая обработка ТОП, в результате которой ПС-Б создаются посреднические продукты (ПП), типичными представителями которых являются библиографические пособия, реферативные журналы, обзоры литературы и т. д. (вектор 8);

— распространение (доведение до реципиента) как ТОП, так и ПП (вектор 9); поскольку распространение документов представляет собой коммуникационную услугу, его также можно считать посредническим продуктом.

Таким образом, имеются два вида ПП (коммуникационных услуг): предоставление документов, созданных ПС-Б, и предоставление ТОП, хранящихся в фондах служб обработки, хранения и распространения. Следует отметить, что непосредственное взаимодействие ЛС и ТОП исключено, поскольку приобретение продукции служб обобществления регламентируется посредством книжной торговли, подписки и т. п., являющихся службами распространения СИКС. Эта регламентация не

отрицает межличностной коммуникации ЛС-К и ЛС-Р (вектор 12).

В результате познания документов, а также недокументированных текстов, канал поступления которых на рис. 6.5 не показан, сознание реципиента (ЛС-Р) обогащается новыми смыслами, которые рано или поздно проявляются (вектор 10) в ходе практического воздействия на МЭР (материальная предметно-преобразовательная, социально-политическая деятельность и т. п.). Таким образом происходит общественное использование текущей и ретроспективной социальной памяти.

Принципиальная схема, приведенная на рис. 6. 5, действительна для документальной информационно-коммуникационной системы (ДИКС) и недокументальной информационно-коммуникационной системы (НИКС), использующих каналы документальной и электронной (радио, телевидение, компьютер) коммуникации. *Документальная информационно-коммуникационная система* (система "документ — потребитель", система "книга — читатель", система документальных коммуникаций) представляет собой систему коммуникационного обслуживания, обеспечивающую создание, обработку, хранение и распространение документированных текстов общественного пользования. В ДИКС различаются:

— первично-документальный уровень — область функционирования ТОП, поступивших в ретроспективную социальную память непосредственно из контура обобществления (служба А); это область библиотечной, архивной, музейной деятельности;

— вторично-документальный, можно сказать документографический, уровень — область библиографической деятельности, оперирующей библиографической информацией (документы о документах), создаваемой службами обработки документальных ТОП (службы Б).

Заметим, что библиотеки, архивы, музеи занимаются документографической деятельностью (составление каталогов, указателей и т. п.), а библиографические учреждения — архивно-библиотечной деятельностью (так. Всероссийская книжная палата, головная библиографическая служба России, формирует Архив печати).

Схема СИКС соответствует институционализированной социально-коммуникационной деятельности, свойственной современной индустриальной цивилизации. Предшествовавшие цивилизации не обладали столь развитой сетью специализированных служб, поэтому их социально-коммуникационные системы более просты, в них превалирует устная межличностная коммуникация (вектор 12).

Нетрудно схему СИКС или ДИКС переписать "информационными красками". Тогда появятся источники информации, отправители и потребители информации, информационные фонды, потоки, хранилища и службы. Общая конфигурация схемы при этом не изменится, и значит, ее познавательная ценность останется прежней.

Выводы

1. Социальные коммуникации неразрывно связаны с двумя типами

социальных смысловых (идеальных) систем: знаковыми и ментальными.

2. Биогенные коммуникационные явления (память, естественный язык) представляют собой гомеостатические некибернетические системы, не поддающиеся управлению извне; социогенные обслуживающие социально-коммуникационные институты (образование, массовая коммуникация, книгоиздание и др.) являются многоцелевыми и многофункциональными кибернетическими системами, поддающимися управлению со стороны государственной власти.

3. Ретроспективная социальная память имеет шесть смысловых уровней, из которых три (фонетический, лексический, синтаксический) являются поверхностными, воспринимаемыми непосредственно, а три других (внутритекстовой, текстовой, межтекстовой) являются носителями глубинных смыслов, постигаемых умозрительно. Смыслы низших уровней входят в состав высших, подобно тому, как атомы и молекулы входят в физические тела. Высшие смыслы не есть сумма низших смыслов, они приобретают новое системное качество.

4. Социальная коммуникация осуществляется в условиях конкуренции и кооперации ментальных смысловых систем, что усложняет социально-коммуникационную деятельность.

5. Благодарной областью приложения системного подхода являются социально-коммуникационные институты, механизм функционирования которых наглядно иллюстрируется схемами СИКС, ДИКС и т. п.

7. ДЕЯТЕЛЬНОСТНЫЙ ПОДХОД К СОЦИАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Специфика деятельностного подхода состоит в рассмотрении объективной реальности через призму категории "деятельность". Деятельность мыслится как целесообразная активность разумного субъекта. В структуре деятельности различаются: субъект, цель (мысленный образ желаемого), объект воздействия, операции (процессы), методы, средства. Причиной, побуждающей субъекта к деятельности, являются потребности, которыми обусловлено целеполагание.

Само по себе употребление термина "деятельность" вместо, допустим, слов "работа" или "процесс" еще не означает внедрения деятельностного подхода. По словам Э. Г. Юдина, реализация объяснительных возможностей деятельностного подхода "предполагает соблюдение минимум двух методологических условий: во-первых, понятие деятельности должно задавал! специфическую деятельность в ее специфических границах; во-вторых, это понятие должно быть структурно развернуто применительно к определенному предмету изучения"[139]. Будем иметь в виду эти рекомендации талантливого отечественного методолога.

Биогенные и социогепные коммуникационные явления хорошо познаются посредством системного подхода (см. выше); коммуникационная деятельность - естественная область применения деятельностного подхода. Деятельностный подход позволяет вскрыть причинную обусловленность коммуникационной деятельности в виде индивидуальных и общественных коммуникационных потребностей, интересов, мотивов; организовать наилучшим образом работу по их удовлетворению; определить критерии эффективности социально-коммуникационных служб. Короче говоря, деятельиостный подход — необходимый инструмент управления социально-коммуникационной практикой. В настоящем теоретическом введении неуместно заниматься практическими проблемами, поэтому мы ограничимся определением места социально-коммуникационной деятельности в классификации разных видов деятельностей и рассмотрением взаимосвязей между коммуникацией и игрой.

7.1. КОММУНИКАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК РАЗНОВИДНОСТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Человеческую деятельность мы определили выше как целесообразную активность разумного субъекта. Не всякая активность относится к деятельности. По словам М. Полани, "всякого рода

[139] Юдин Э.Г. Системный подход и принцип деятельности. М., 1978. С. 298-299.

беспорядочные, судорожные движения нельзя признать деятельностью, но все, что обнаруживает тенденцию к достижению некоторого результата, следует считать таковой, неважно, идет ли речь о каких-либо телесных движениях или же только о мысли. Только деятельность может быть неудачной, и всякая деятельность чревата риском неудачи"[140]. Границы между понятиями "деятельность", "работа", "труд", "операция", "действие", "активность" весьма неопределенны, хотя эти понятия широко используются в социологии, психологии, философии. Столь же дискуссионной остается проблема классификации видов деятельностей.

Отечественный эстетик и культуролог М. С. Каган, исходя из рассуждения, что личность "определяется не своим характером, темпераментом, физическими качествами и т. п., а тем:

что и как она знает,

что и как она ценит,

что и как созидает,

с кем и как она общается,

каковы ее художественные потребности и как она их удовлетворяет", выделил пять типов деятельности:

п р е о б р а з о в а т е л ь н а я — деятельность, направленная на изменение объекта деятельности (физический труд, педагогическая, врачебная деятельность);

п о з н а в а т е л ь н а я — познание, отражение объекта в сознании субъекта ;

ц е н н о с т н о - о р и е н т а ц и о н н а я— оценка достоинств и недостатков объекта, его пригодности для использования субъектом и т. п.;

к о м м у н и к а ц и о н н а я — установление контакта между субъектом и другими субъектами;

х у д о ж е с т в е н н о е т в о р ч е с т в о — интегральная деятельность, охватывающая все остальные виды деятельности и образующая единое "эмерджентное", по выражению М. С. Кагана, целое[141].

Классификация М. С. Кагана была подвергнута критике советскими философами, которые упрекали эстетика за то, что он упустил главное — "социальное, общественное, классовое в личности". В свою очередь видный советский философ В. Г. Афанасьев предложил следующую классификацию:[142]

М а т е р и а л ь н а я, производственная деятельность — основополагающий, генетически первый вид человеческой активности;

С о ц и а л ь н о – п о л и т и ч е с к а я, направленная на

---

[140] Полани М. Личностное знание. - М., 1985. - С. 320.

[141] Каган М. С. Человеческая деятельность. — М., 1974. — С. 262.

[142] Афанасьев В. Г. Человек в управлении обществом. — М., 1977. С. 39 — 44.

преобразование общественных и политических отношений;

Д у х о в н а я — деятельность, направленная на производство и воспроизводство идей, духовных (научных, этических, художественных и т. п.) ценностей. Духовная деятельность включает в качестве своих разновидностей познавательную, ценностно-ориентационную, эстетическую (художественную) деятельность.

Коммуникационную деятельность В. Г. Афанасьев не выделяет в качестве одного из основных видов человеческой деятельности, так как она "непременный атрибут всякой человеческой деятельности — производственной, духовной, социальной". Вместе с тем он отмечает, что информационная деятельность — "это разновидность духовной деятельности, поскольку социальная информация идеальна, духовна по своему содержанию, хотя и приобретает материальную оболочку речи, знака, символа, модели и т.п."[143]

Классификация В. Г. Афанасьева, привлекая философской масштабностью, страдает тем не менее следующими изъянами:

— коммуникационная деятельность растворяется в других видах деятельности и выпадает из рассмотрения;

— в качестве особого вида вводится "информационная деятельность", соотношение которой с коммуникационной деятельностью не поясняется (для нас понятно, что первая — результат информационного подхода ко второй);

— социально-политическая деятельность есть конгломерат (сумма) духовной деятельности (управление обществом, право, идеология, политика) и материальной деятельности (коммунальное хозяйство, семейно-бытовая сфера, торговля, транспорт и т. д.), поэтому неправомерно ставить ее в один ряд с материальной и духовной деятельностью вообще.

Нет смысла приводить предложения других авторов и умножать критические замечания в их адрес. Обобщая и дополняя различные классификации и типизации, получаем классификацию видов человеческой деятельности (рис. 7.1), удовлетворяющую задачам теории социальной коммуникации.

Социально-культурная деятельность — осмысленная и общественно организованная деятельность людей по созданию и использованию культуры ("второй природы"). Культура, как известно, делится на материальную и духовную, отсюда два вида социально-культурной деятельности, различающиеся целями и конечными результатами (1.1 и 1.2). Следуя М.С. Кагану, выделяем четыре разновидности духовной деятельности. Художественное творчество предпочтительно заменить на духовно-творческую деятельность вообще, в том числе научное творчество.

Нетрудно далее дифференцировать виды человеческой деятельности по признакам: профессиональная — непрофессиональная, традиционная

---

[143] Афанасьев В. Г. Человек в управлении обществом. М., 1977. С. 35,36.

— новаторская, трудовая — досуговая и др. Нет необходимости это делать. Для нас важно констатировать, что коммуникационная деятельность — *разновидность духовной социально-культурной деятельности.* Но этой констатации мало. Интересно рассмотреть социально-культурную деятельность в целом и коммуникационную деятельность в частности с точки зрения развиваемой в современной культурологии теории игры.

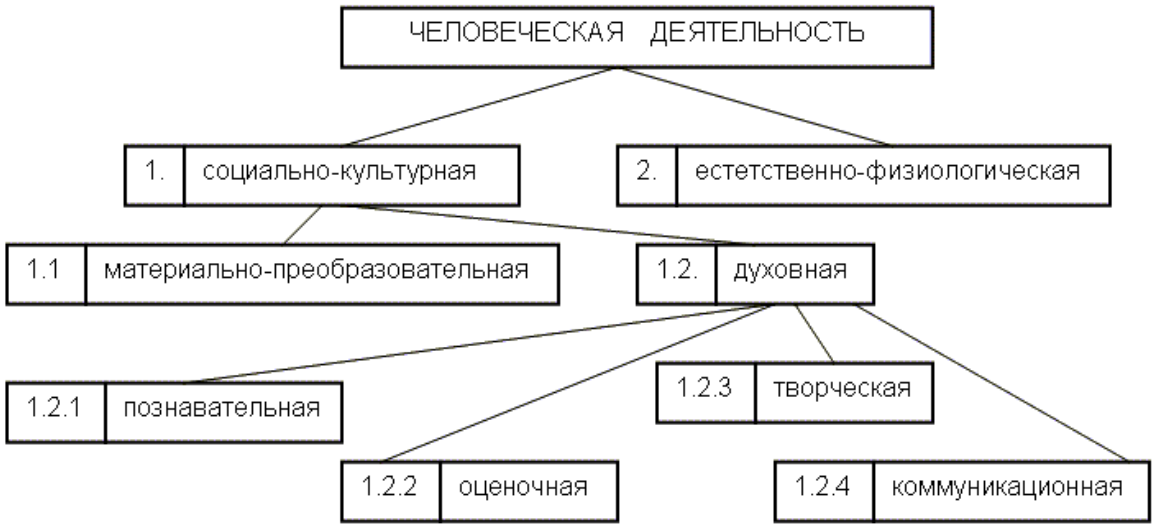

Рис. 7.1. Классификация видов человеческой дечтельности

7.2. Понятие о роли игры в социально-культурной деятельности

Игра удовлетворяет идеалы
коммуникации и общежития.
Й. Хейзинга

Игра старше культуры. Она имеет естественно-физиологические истоки. В классификации видов человеческой деятельности (рис. 7.1) игровая деятельность должна занять место гибридной природно-культурной деятельности, одновременно относящейся и к классу 1, и к классу 2.

Играют звери, находя в играх разрядку энергии, тренировку, освоение полезных навыков. Многие ученые отмечают, что игра в жизни животных — нечто большее, чем чисто физиологическое явление, игра всегда имеет смысл, она обладает материальной видимой формой и скрытым "имматериальным" содержанием. К. Гросс видит в играх животных, например, брачных ритуалах, зачатки эстетической деятельности, а русский режиссер Н. Евреинов, приводя примеры театра у животных,

активно поддерживает эту мысль[144].

В первобытном человеческом обществе игры выполняли чрезвычайно важные функции. Они использовались для социализации подрастающего поколения (особенно — обряд инициации), для подготовки к коллективной охоте, для тренировки. Но учебно-тренировочные функции были не главными в древней игровой деятельности; главное поле игры — внеутилитарное — это праздники, ритуалы, первобытное искусство (танцы, музыка, искусство, миф). Игра выступала источником для развития духовной деятельности, для творчества индивидуального и общественного сознания. В коллективных играх индивид постигает чувство коллективизма, духовного единства с коллективом. И. Хейзинга не без основания утверждает: "в мифе и в культуре рождаются великие движущие силы культурной жизни: право и порядок, общение, предпринимательство, ремесло и искусство, поэзия, ученость и наука. Поэтому и они уходят корнями в ту же почву игрового действия"[145]. Но в первобытной игре эти "великие силы" слиты воедино, синкретичны. Резюмируя, можно сказать, что на этапе становления человечества игровая деятельность выполняла функции:

— учебные, социализирующие;

— тренировочно-подготовительные для промысла;

— творческое самовыражение индивидов;

— формирование коллективного сознания (чувства "МЫ");

— передача духовно-культурного опыта — традиций, обрядов;

— подготовка почвы для дальнейшего духовного развития.

Становление классового общества (бронзовый век) привело к распаду игры как синкретичной формы культуры. Вследствие выделения религии, искусства, образования, литературы, наконец — науки игра была вытолкнута на периферию культуры как некое несерьезное занятие. Но у всех народов игра сохранилась в форме праздников, имеющих сакральное значение общения с божественными силами, а также бытовых игр. С 776 года до н. э. началось в Элладе летоисчисление по олимпиадам, прекращенное декретом римского императора Феодосия в 393 г. н. э. (по-гречески шла первая половина 293 олимпиады). Но кроме олимпийских, древние греки устраивали музыкально-поэтические соревнования в честь Аполлона, игры в честь Зевса, Посейдона, Афины.

Рим немыслим без гладиаторских боев, навмахий (морских боев), ипподромов, цирковых представлений. Во время республики проводилось семь ежегодных игр, занимавших в совокупности 60 дней. Во времена императоров игровые действа приобретали все более роскошный и красочный характер, вошли необходимой частью в образ жизни (вспомним плебейское "хлеба и зрелищ").

Турниры и народные игры расцвечивали средневековый быт,

---

[144] Кривко-Апинян Т. А. Мир игры. — Б.м., 1992. — С. 22.

[145] Хейзинга И. Человек играющий. — М., 1992. — С. 14.

несмотря на сопротивление отцов церкви, пытавшихся исправить нравы и ликвидировать языческие игрища. Но все было напрасно, и языческие праздники (карнавалы, корриды, скоморохи и т. д.), наряду с церковными, сохранились до наших дней. Можно сделать вывод, что развитие цивилизации не отменило игровой деятельности, она сохранила свои начальные функции, разделяя их с социальными институтами, созданными специально для выполнения этих функций (социализация, передача традиций и др.).

Об игровой сущности человеческого бытия задумывались еще древние мудрецы. Гераклит называл мнения людей "игрой детей". Платон рассуждал так: "Человек — это какая-то выдуманная игрушка Бога... Этому-то и надо следовать; каждый мужчина и каждая женщина пусть проводят свою жизнь, играя в прекрасные игры, хотя это противоречит тому, что сейчас принято". И далее: "Нужно проводить жизнь в игре, играя в определенные игры, устраивая жертвоприношения, распевая и танцуя, дабы расположить к себе богов и отбить врагов, победив их в бою"[146]. Аристотель видел в игре источник душевного равновесия, гармонии души и тела. В "Поэтике" он говорит, что словесные игры и каламбуры способствуют развитию интеллекта.

Интерес к игре проявляли многие деятели Возрождения (Рабле, Монтень, Песталоцци), но в эпохи классицизма и просвещения игровая деятельность казалась слишком несерьезной, не достойной научного внимания, лишь с 70-х гг. XIX века стали, нарастая, появляться теории игры, основывающиеся па биологической (физиологической), психологической или социальной основах.

В конце XIX века появились монографии швейцарца К. Гросса "Игры животных" (1896) и "Игры людей" (1899), где подводятся итоги теоретических достижений в области игровой деятельности. Детские игры Гросс рассматривает как первичную форму приобщения человека к социуму: добровольное подчинение общим правилам или лидеру, воспитание чувства ответственности за свою группу (команду), формирование способности к общению и т. д. Игра — первая "оковка" общества, — говорит Гросс, — цепь, сплетенная из цветов. В современной индустриальной цивилизации, основанной на разделении труда и одностороннем развитии работников, Гросс выделяет следующие функции "взрослых игр":

— "дополнение" бытия: физический спорт — для горожан и интеллектуальные игры — для людей физического труда; кроме того, дополнение эмоциональной сферы чувствами радости и победы, самоутверждения, творчества, коллективизма, которые подавляются серыми буднями;

— "освобождение" от забот, игра — праздник и свободное распоряжение своими силами; игра — отдых от монотонной вынужденной работы;

---

[146] Платон. Соч: В 3 т. М., 1968—1972. — Т. 3. **Ч.** 2. С. 283, 287.

— эстетическое переживание гармоничности, упорядоченности игровой деятельности, которыми реальная жизнь не обладает.

Американские социологи объясняют игру как "факт индивидуальных поисков самовыражения". Стремясь достичь в игре полноты удовлетворения и общественного одобрения, человек выбирает игры на уровне своих возможностей. Поэтому в избранной игре человек всегда может добиться мастерства и успеха, тогда как в реальной жизни успех и признание приходят не всегда. Отсюда — компенсаторная функция игры: возможность сбалансировать притязания личности, вызвать самоудовлетворение и повысить самоуважение.

Большое внимание психологии игры уделяли ведущие западные психологи Ж. Пиаже и З. Фрейд. Психиатр Я. Морено (США) разработал метод "игротерапии", позволяющий лечить психические недуги, неврозы. В бизнесе, менеджменте используется теория деловых игр; игровой метод широко применяется в обучении.

Особенно тесно игра связана с искусством. Не случайно творчество актера и музыканта называют игрой. На фронтоне шекспировского театра "Глобус" было начертано:

"Мир — театр, люди — актеры". Сам Шекспир писал:

Весь мир — театр,
В нем женщины, мужчины — все актеры.
У них свои есть выходы, уходы,
И каждый не одну играет роль[147].

Многозначительны названия классических литературных произведений: "Божественная комедия" Данте, 'Человеческая комедия" О. Бальзака, "Американская трагедия" Т. Драйзера, "Кукольный дом" Г. Ибсена, "Маскарад" М. Лермонтова, "Балаганчик" А. ^Блока, "Игра в бисер" Г. Гессе и др.

Игровая деятельность может стать доминирующей в образе жизни. Яркий пример игровой натуры — З. Н. Гиппиус, "богиня декадентства", "белая дьяволица" петербургских литературных и философских салонов серебряного века. Одна из ее современниц вспоминала: "Между ней и внешним миром происходила постоянная борьба-игра. Она, настоящая она, укрывалась иронией, капризами, интригами, манерностью от настоящей жизни вокруг нее и в себе самой"[148]. Показательно исповедально звучащее стихотворение Гиппиус "Игра", написанное, когда поэтессе исполнилось 55 лет.

Совсем не плох и спуск с горы:
Кто бури знал, тот мудрость ценит.
Лишь одного мне жаль: игры...

[147] Шекспир У. Как вам это понравится // Полн. соб . соч . — М., 1959. — Т. 5. — С. 201.

[148] Берберова Н. Курсив мой // Октябрь. 1988.— N 11.— С. 187.

Ее и мудрость не заменит.

Игра загадочней всего
И бескорыстнее на свете.
Она всегда — ни для чего,
Как ни над чем смеются дети... и т. д.

Игрой интересовались математики, разработавшие *теорию игр,* предметом которой стали математические модели конфликтных ситуаций. Под конфликтом понимается всякое явление, в котором участвуют различные стороны (игроки), наделенные несовпадающими интересами. К конфликтам в этом понимании слова относятся многие экономические, социальные, правовые, военные ситуации, спортивные состязания, салонные игры (шахматы, шашки, домино, карточные игры). Стремление игроков скрывать свои действия друг от друга приводит к неопределенности. Теория игр позволяет принимать оптимальные решения в условиях неопределенности.

Итак, сфера игровой деятельности чрезвычайно широка и разнообразна и далеко выходит за пределы досуговых игр и соревнований. Шутливость, развлекательность, несерьезность, забавность нельзя отнести к любой игре: допустим, ребенок отдается игре с абсолютной серьезностью, столь же самозабвенны подлинные актеры на театральной сцене. Но главное значение игры в человеческом обществе не в ареале ее распространения, а в том, что "игра есть основание и фактор культуры в целом" (И. Хейзинга).

Йохан Хейзинга (1872—1945), нидерландский историк культуры, завоевавший славу выдающегося мыслителя XX века, благодаря вышедшей в 1938 г. книге "Человек играющий" (русский перевод в 1992 г.), показал, что игра непременно присутствует во всех явлениях духовной культуры: в мифе, в религии, в поэзии, в литературе, в изобразительном искусстве, в философии, в правосудии и даже в военных действиях. О языке Хейзинга сказал так: "Дух, формирующий язык, всякий раз перепрыгивает играючи с уровня материального на уровень мысли". За каждым выражением абстрактного понятия прячется образ, метафора, а в каждой метафоре скрыта игра слов"[149].

7.3. Дефиниция игры и типизация игр

Столь большая значимость игры в социально-культурной деятельности вынуждает нас углубиться в теорию "игрологии" в поисках ответа на вопросы "что такое игра вообще?" и "какие типы игр существуют?". С этой целью выделим отличительные признаки игры, указанные разными авторами.

1. Всякая игра есть свободная деятель-пост ь, игра по приказу не

[149] Хейзинга И. Человек играющий. — М., 1992. С. 14.

игра, в крайнем случае — имитация игры. Свободно войдя в игру, человек может столь же свободно из нее выйти. То, что может быть прекращено по желанию участников, есть игра, например, война, учеба, брак. Неигра — то, что нельзя прекратить по желанию, например, болезнь, любовь, естественные процессы, течение времени. Насилие односторонняя игра, где палач играет с жертвой, как кошка с мытью. Рынок есть игра, а планирование хозяйства насилие; юридические законы - игра, законы природы неигра.

2. Игра не преследует получение материальных продуктов, подобно труду, но она не бесцельна. Целью игры является в ы и г р ы ш, который может носить морально-эмоциональный или материальный характер; в общем случае важнее морально-эмоциональные стимулы, исключение которых приводит к вырождению игры в неигровое занятие.

3. Игра как "царство свободы" п р о т и в о с т о и т обыденной жизни как царству необходимости. Демонстративное инобытие игры обуславливается: а) замкнутостью игрового пространства (храм, арена, экран, игорный стол, служебный кабине!, учебная аудитория); б) регламентированием времени устанавливается начало, конец игры, периоды ее повторения; в) использованием костюмов, масок, условною языка, паролей и т.д.; г) обособлением игроков, ограниченностью их круга посвященными в "тайну" игры; д) незыблемостью добровольно принятых правил. Поль Валери заметил: в отношении правил игры невозможен скептицизм.

Поэтому шулерам, мошенникам, лицемерам всегда доставалось меньше, чем тем, кто нарушал игру: вероотступникам, еретикам, диссидентам, узникам совести. Правда, именно изгой, революционер, член тайного клуба, еретик - все они необычайно подвержены сплочению в группы и обладают сильно выраженным игровым характером. Другими словами, они хотят играть в "свою" игру, а не в ту, которую им навязывают.

4. Благодаря упорядоченности, следованию определенным правилам, отрыву от обыденности, игра создает временное, ограниченное совершенство в хаосе повседневной жизни. Она в состоянии зачаровывать людей своим ритмом и гармонией, удовлетворяя их эстетическую потребность.

5. Игра представляет собой непредсказуемое, но справедливое испытание силы, упорства, отваги, находчивости, воли, интеллекта игроков, и тем самым удовлетворяет этические потребности; поэтому так возмущают неправильное судейство, жульничество, нечестная борьба, оскорбляющие чувство справедливости.

В итоге получаем следующую дефиницию: *Игра* есть целесообразная социально-культурная деятельность независимых субъектов, осуществляемая в рамках добровольно принятых ими условных правил и обладающая этической и эстетической привлекательностью.

В этом определении отсутствуют такие эпитеты, как иллюзорность, фантастичность, бескорыстность, поскольку они не относятся ко всем без

исключения играм.

Типизация игровой деятельности. Как отмечено в дефиниции, всякая игра целесообразна, но цели, преследуемые субъектами, могут быть разными. В зависимости от цели игры делятся на четыре типа:

а) Игра-маскарад, заключающаяся в том, чтобы скрыть подлинные намерения, действительное состояние играющего субъекта; например, действия генерала, пытающегося ввести в заблуждение противника. Целью игры в этом случае является *манипулирование* партнером, зрителями, публикой, управление ими желательным образом.

б) Игра-разгадка, состоящая в познании, раскрытии, разоблачении действительной, но скрытой сущности человека, события, загадочного объекта. Здесь уместны такие средства смеховой культуры, как загадка, карикатура, пародия, гротеск, не говоря о типичных примерах игр: ребус, кроссворд, шарада, загадочный рисунок и т. д. Цель игры в этом случае состоит в демонстрации познавательных способностей, эрудиции, интуиции, догадливости.

в) Игра-состязание ("агональная" игра, от лат. "агон" — публичное состязание, публичный бой), суть состоит в борьбе за что-нибудь с целью добиться победы, доказать свое превосходство. Сюда можно отнести азартные игры, игры шанса, лотереи и т. п., представляющие собой "борьбу с судьбой". Главный игровой выигрыш заключается в чувстве самоутверждения, удовлетворения, восторга победы; сопутствующие материальные приобретения выходят за пределы игры.

г) Игра-сказка — уход в иллюзию от обыденной обязаловки, компенсация серьезности повседневной жизни; сюда относятся также "головокружительные" игры типа качелей, каруселей и т. п. аттракционов. Цель состоит в психической разгрузке, уходе от действительности, гедонистических переживаниях, короче говоря — в самоманипулировании. Игра-сказка, по-видимому, лежит в основе фольклорной деятельности, как первобытной, так и современной.

Привлекательность игровой деятельности заключается в неопределенности конечного результата, в том творческом вкладе, который должен сделать субъект, чтобы снять эту неопределенность. Следовательно, *всякая подлинная игра есть творческая деятельность.* Но лишь фигурально можно сказать, что всякое творчество есть игра физических и духовных сил человека — творца, поскольку творчество распространяется не только на игру, но и на неигровую трудовую и духовную деятельность.

Однако часто случается, что игра утрачивает свои характерные признаки (непринужденность, добровольность, непредсказуемость, эмоционально-этическую привлекательность) и превращается в свою противоположность — обязательный процесс, лишенный игровой сущности. Происходит вырождение игры в *псевдоигру.* Псевдоигра — это неигровая деятельность, сохраняющая игровую форму. Псевдоигры делятся на т р у д о в у ю п о в и н н о с т ь и р и т у а л. Псевдоигровая

трудовая повинность осуществляется под действием внешнего принуждения (обязанность, долг, насилие). Так, актер, утратив вдохновение, вынужден преподносить зрителям псевдоигру, ибо не может покинуть сцену. Игра превращается и трудовую повинность. Для выполнения ритуальной псевдоигры нужна не творчески продуктивная, а подражательно-репродуктивная деятельность, которая создает видимость игрового, даже театрализованного действия.

Можно ли вытеснить и структуре социально-культурной деятельности игру псевдоигрой, т.е. полностью заменить игровую деятельность трудовой? Нет, нельзя! Человек может обойтись без псевдоигры, не впадая к деградацию, но обойтись без творческой игровой деятельности он не может. Не важно, какой тип игровой деятельности будет выбран, важно, чтобы отсутствовал вакуум в структуре личностной деятельности. "Человек разумный" обречен быть "Человеком играющим", т.е. заниматься игровой деятельностыо посредством языка, искусства, коммуникации. Именно в этом смысле справедлив афоризм Ф. Шиллера "человек играет только тогда, когда он в полном значении слова человек, и он бывает вполне человеком лить тогда, когда играет"[150].

7.4. Игра и коммуникационная деятельность

Наличие в игровой деятельности таких признаков, как целесообразность, организованность в соответствии с условными правилами, эмоционально-этическая окрашенность сближает ее с социально-коммуникационной деятельностью, всегда имеющей семантический и прагматический планы, т.е. смысл и цель. И. Хейзинга подчеркивал, что "человеческая игра во всех своих высших проявлениях что-то означает или что-то знаменует"[151]. Отсюда следует, что если не любая, то высшая, духовно насыщенная человеческая игра *представляет собой социальную коммуникацию.* Более того, можно утверждать, что социальной коммуникации, не связанной генетически с игровой деятельностыо, *быть не может,* так как игра породила естественный язык, служащий основой всех социально-коммуникационных процессов, и именно игра, но словам И. Хейзинга и послужила "основанием и фактором кулыуры в целом"[152].

Коммуникационные элементы отчетливо просматриваются во всех тинах игр, перечисленных выше. Игра-сказка представляет собой коммуникационную деятельность в чистом виде, которую можно квалифицировать как компенсационное самоуправление. Игра-маскарад, нацеленная на умышленное манипулирование партнером, есть коммуникационное *управление* в виде духовною субъект-объектного воздействия. Игра-разгадка, представляющая собой выявление скрытою

[150] Шиллер Ф. Письма об эстетическом воспитании. Соч – М., 11957. – Т. 6. – с. 301.

[151] Хейзинга И. Человек играющий. — М., 1992. С. 19.

[152] Там же. С. 15

смысла, есть не что иное. как операция *понимания,* осуществляемая воспринимающим сообщение реципиентом. Наконец, игра-состязание всегда есть диалог двух (или более) равноправных субъектов. Если этот *диалог* ведется ради удовлетворения не духовных, а материальных потребностей, например, инстинктивных, бессознательных побуждений, он может остаться игрой, но не может считаться социально-коммуникационным процессом. Только когда партеры обмениваются результатами духовною творчества, имеет место социально-коммуникационная игровая деятельность, например, диспут, театрализованное зрелище, турнир, математическая олимпиада. Спорт[153] есть социально-коммуникационная деятельность, а охота или рыбная ловля — нет; туризм — социально-коммуникационная деятельность, а перевозка грузов — нет. Вместе с тем и действия охотника и транспортные перевозки представляют собой классические объекты теории игр, их игровая форма несомненна.

Итак, игровую деятельность можно разделить на два вида:

- социально-коммуникационную смысловую деятельность, включающую "высшие игры", имеющие семантический план содержания ("что-то означающие, что-то знаменующие");

- материальную деятельность, осуществляемую в силу духовных или материальных потребностей — это "низшие игры".

Любая смысловая социально-коммуникационная деятельность генетически связана с игровой деятельностью, но это не значит, что любая социальная коммуникация есть игра. Типизируя игры, мы обращали внимание на перерождение игры в псевдоигру. Потеряв свободно-творческий игровой статус, псевдоигры не утратили социально-коммуникационных функций. Как известно, ритуально-этикетная деятельность — необходимая составная часть культуры поведения в любом обществе. Связь этой деятельности с социально-коммуникационными процессами подтверждается тем фактом, что она основана на *подражании* и *управлении* — основных видах социально-коммуникационной деятельности. Но в этой деятельности нет свободного творчества, поэтому это не игра в полном смысле слова.

Графически можно представить соотношение игровой и социально-коммуникационной деятельности в виде двух пересекающихся кругов (см. рис. 7.2).

---

[153] Высшие человеческие игры имеют биологические основы, но возвышаются над сугубо материальными потребностями. Они осуществляются в силу духовных потребностей и приобретают качество смыслового общения, т.е. социальной коммуникации.

Рис. 7.2. Соотношение игровой и социально-коммуникационной деятельности

Теперь можно выделить *игровые виды социально-коммуникационной деятельности,* учитывая, что есть собственно игры и псевдоигры, игры вырожденные. Получается следующая классификация:

Рис. 7.3. Классификация игровых видов социально-коммуникационной деятельности

В человеческой деятельности различаются два взаимоисключающих типа: творческая и историческая. Игра, как низшая, так и высшая, всегда есть творческая, продуктивная деятельность. Псевдоигра утрачивает творческое содержание, она сохраняет лишь игровую форму (язык, символика, поведение действующих лиц и т.д.). Учитывая сказанное, можно представить соотношение между понятиями "игра", "творчество", "социальная коммуникация" так, как показано на рис. 7.4.

Из рис. 7.4. следует, что всякая социально-коммуникационная деятельность есть либо игровая п полном смысле слона (коммуникационное творчество), либо игровая по форме деятельность (псевдоигра, нетворческая коммуникация).

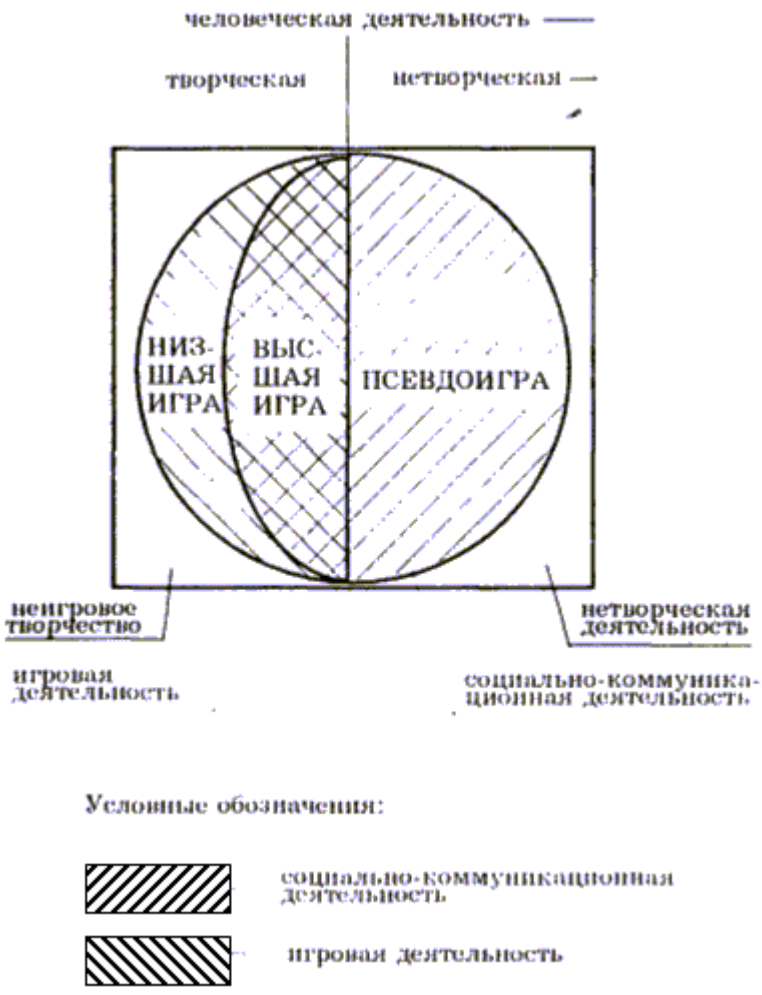

Рис. 7. 4. Логическое соотношение между понятиями игра, творчество, социальная коммуникация

7.5. Интеллектуальные игры постмодернизма

В социально-коммуникационной деятельности разных эпох соотношение творческих игр и псевдоигр были различны. Показательна в этом отношении смена стилей в литературе и искусстве — духовно-производственных институтах, всегда служивших источниками социально-коммуникационных стереотипов. Если сопоставить русский классицизм XVIII века, романтизм начала XIX века, реализм, расцветший в прошлом столетии, наконец, модернизм (авангардизм) начала нашего века, то становится очевидной тенденция уменьшения псевдоигровых (ритуально-обязательных) традиционных условностей и увеличение пространства творческих инноваций, свободы самовыражения художника. Эта тенденция сочетается с тенденцией интеллектуализации общества, обусловленной постоянным ростом культурного наследия цивилизованных народов. Интеллектуальный художник апеллирует к интеллектуальной элите, обладающей утонченными эстетическими потребностями и изысканным художественным вкусом. В результате западноевропейские литература и искусство второй половины XX века стали ареной интеллектуально-эстетической игровой деятельности, именуемой постмодернизмом.

Постмодернизм отличается от своих предшественников, в частности, модернизма, следующими, бросающимися в глаза, особенностями:

— неопределенность, культ неясностей, намеков, ассоциаций, иллюзий;

— нелогичность, фрагментарность, произвольность, случайность, анархичность;

— стилевой синкретизм, смешение жанров, возвышенного и обыденного стиля; введение в текст разнородных цитат; принцип монтажа;

— отказ от раскрытия психологических и мистических глубин, принцип "все остается на поверхности";

— ироническое отношение к традиционным ценностям и авторитетам, "деканонизапия" и "десакрализапия" искусства.

Постмодернисты связывают свое мировоззрение с традицией веселой мудрости, идущей от софистов и скептиков через всю историю западноевропейской культуры от М. Монтеня до Ф. Ницше, восклицавшего в одном из своих стихотворений:

Пусть художник будет волен,
А наука весела.

Практикуя веселую интеллектуальную игру, постмодернисты стирают грань между размышлением и шуткой, между глубокой идеей и удачным каламбуром. Примером игрового стиля такого рода служит философское

эссе Жака Деррида "Глас".

Текст разделен на две колонки. В левой колонке обсуждается Гегель, темы знания, мудрости в духе объективного идеализма. В правой колонке идет размышление о французском психоаналитике Жане Жене, о сексуальности, психических комплексах и т.п. Читателю предлагается читать текст по горизонтали, используя обе колонки. Эвристика такого чтения заключается в спорадически возникающих перекличках смысла, ассоциативных связях, стимулирующих творческое воображение читателя и забавляющих его. Таким образом сводятся воедино игра языка и игра мысли, логика и фантазия. Текст становится не источником знаний о Гегеле или психоанализе (предполагается, что эрудированный читатель давно овладел этими банальными знаниями и серьезно к ним не относится), а инструментом в экзотических умственных забавах пресыщенного культурой интеллектуала.

Отечественный исследователь постмодернизма О.Б. Вайнштейн поясняет суть подобной игры следующим образом. "Стандартное библиотечно-университетское воспитание ориентирует читателя на поиск единого смысла или кодирующей системы в тексте, и в тот момент, когда кажется, что она вот-вот найдена, Деррида делает еще один ниток, открывающий новые возможности. Колебания, сомнения, "достраивания" смыслов, неожиданные ассоциации запланированный автором эффект. В этом проявляется важная черта кулыурного сознания постмодернизма; текст, будь то философский или литературный, создается заранее в расчете на завершающую критическую активность, включает ее в себя как потенциальный контекст. Без нее текст "открыт", незавершен, и самодовлеющим оказывается само движение мысли, сам процесс игры"[154].

Постмодернистские игровые приемы распространились не только в литературе, где их первооткрывателями считаются Г. Гессе, В. Набоков, Х.-Л. Борхес, Х. Кортасар, но и в критике (Ролан Барт и Хэролд Блум), в живописи (Р. Раушенберг, Э. Уорхолл), в музыке (Пьер Булез). К примеру, Х. Блум трактует историю литературы как бесконечный турнир полов, неправильно читающих друг друга. Художники вставляют в свои полотна фрагменты известных картин, добиваясь эффекта "стилевой игры". В постмодернистском духе написано скандально известное произведение Л. Синявского (Абрама Герца) "Прогулки с Пушкиным". Классическими образцами постмодернистской литературы стали "Женщина французскою лейтенанта" Джона Фаулза, "Имя розы" Умберто Эко, "Радуга гравитации" Томаса Пинчена, "Жизнь: способ употребления" Жоржа Перека. Авторитетной фигурой философско-филологического плана является Жак Деррида, основатель *деконструктивизма,* одного из главных направлений постмодернизма. Суть деконструкции состоит в критическом анализе всех и всяческих текстов с целью поиска неявно содержащихся в них новых смыслов. Критикуя какую-либо традиционную концепцию или теорию, декон-структивист стремится показать, что ее исходные постулаты и

[154] Вайнштейн О.Б. Философские игры постмодернизма//Апокриф: Культурологический журнал. – 1994. -№ 2. – с. 15.

категории всего лишь языковые мифы, условности без определенного содержания. Таким образом разыгрываются "идеализм" и "материализм", "реализм" и "романтизм", "субъект" и "объект", имеющие бесчисленное количество определений и ни одного общепринятого. Деррида отказался от структурализма, широко распространенного в науке со времен Ф. де Соссюра. Дело в том, что всякая структура предполагает центр, вокруг которого она строится. Центр - воплощение жесткости, он не подвластен игре и противостоит ее динамизму и стихийности, ставя ей определенные рамки и пределы. Деррида произвел "децентрализацию" структур, лишил их устойчивости и тем самым деконструировал их. В результате бесконечно расширилось игровое пространство, возросли возможности знаковых перестановок и манипулирования смыслами. Смысл стал пониматься не как нечто стабильное, а как "функция игры", продукт "определенной конфигурации бессмысленной игры".

Постмодернизм проник в обыденную жизнь, "вошел в моду". Парижские модельеры стали практиковать контрастные переключения, рискованную комбинаторику, сделались допустимыми сочетания, ранее считавшиеся вульгарными. Так, в деловые костюмы включаются элементы романтического стиля, торжественно-праздничные одеяния украшаются спортивной атрибутикой и т.д. Среди последних новинок декольтированные бальные платья с длинными пышными юбками из джинсовой ткани. Утрачивает нормативную силу разграничение дневных и вечерних туалетов, дневного и вечернего макияжа. Но главное изменение состоит в том, что костюм больше не демонстрирует социальную, имущественную или возрастную принадлежность своего владельца. Произошла "децентрализация" одеяний, они утратили знаковые функции, поскольку исчез центр — "план содержания" (демонстрируемый человек) и остался лишь "план выражения" — анонимный костюм.

Какие следствия может иметь деконструктивная тенденция для социальной коммуникации?

1. В отличие от нигилистического авангарда, отрицавшего ценности прошлых культур, постмодернизм базируется на презумпции активного владения разнообразными культурными ценностями, в противном случае, "играть будет нечем". Отсюда — высокий культурный и интеллектуальный уровень "постмодернистских игроков", их повышенные коммуникационные потребности.

2. Интеллектуальные игры предполагают использование всевозможных знаков, символов, коммуникационных каналов, документальных фондов, электронных коммуникаций. Следовательно, возрастет спрос на коммуникационные услуги и увеличится значимость ретроспективной социальной памяти.

3. Либерализация языка и одежды, раскованность и непринужденность общения имеют как положительные, так и отрицательные стороны. Ритуальное псевдоигровое поведение гарантирует социальную стабильность, но чревато застоем; неограниченная "игровая экспансия" угрожает анархистскими крайностями, но без свободной игры

творческих сил невозможен социальный прогресс. Социально-коммуникационные институты должны занять правильную позицию в противоречиях "постмодернистского" общества, которое именуется также "постиндустриальным" и "информационным".

Выводы

1. Творческая смысловая коммуникационная деятельность является подвидом двух видов человеческой деятельности: духовной и игровой. Духовной она является потому, что обеспечивает движение смыслов, т. е. духовных продуктов в социальном пространстве; игровая принадлежность обусловлена творческим характером смысловой коммуникации.

2. Коммуникационная деятельность посредством духовной деятельности связана с социально-культурной основой человеческого бытия, а через игровую деятельность — с естественно-биологической, т. е. природной основой человеческого существования. Отсюда — связь коммуникационной потребности с биологическими и духовными потребностями личности, которая нуждается в специальном рассмотрении.

3. В социально-коммуникационной деятельности разных эпох соотношение творческих игр и ритуальных псевдоигр различно. Как показывает анализ постмодернизма, в информационном обществе будущего получит развитие интеллектуально-игровая составляющая духовной жизни, что приведет к активизации коммуникационной деятельности и повышению спроса на коммуникационные услуги.

8. СИСТЕМА СОЦИАЛЬНО-КОММУНИКАЦИОННЫХ НАУК

Теория социальной коммуникации не единственная научная дисциплина, изучающая социальную коммуникацию. Учитывая содержание предыдущих разделов, нетрудно догадаться, что имеется немало наук, предметом которых являются те или иные стороны социально-коммуникационных процессов. Эти науки естественно связаны друг с другом и образуют структурированную систему научных дисциплин. Наша задача состоит в том, чтобы выявить состав и структуру лей системы, а также определить место и роль в ней теории социальной коммуникации.

8.1. СОСТАВ И СТРУКТУРА СИСТЕМЫ СОЦИАЛЬНО-КОММУНИКАЦИОННЫХ НАУК

Система социально-коммуникационных наук входит в качестве одной из подсистем в общую систему наук, которая состоит из четырех мегакомплексов:

- науки о природе (естественные науки - астрономия, биология, геология, география и т. д.);
- науки об обществе и человеке (общественные и гуманитарные науки);
- прикладные пауки — технические, медицинские, сельскохозяйственные;
- науки о смыслах - математика, философия, богословие.

Естественные, общественные, гуманитарные и прикладные пауки изучают *конкретные* объекты реального мира и имеют статус конкретных научных дисциплин (обозначим их римской цифрой I). Между ними располагаются *стыковые интегральные* дисциплины, объекты которых имеют естественно-социальные, социально-технические, биотехнические и т. п. аспекты (обозначим их цифрой II). Статусом *обобщающих интегральных* наук обладают науки о смыслах, изучающие не вещественные, а умозрительные объекты, абстрактные образы реальных вещей, стремясь раскрыть их сокровенные смыслы (обозначим их 0).

Информационный и системный подходы применимы во всех конкретных и интегральных науках, поэтому "информация" и "система" имеют статус общенаучных категорий. Деятельностный подход успешно используется в общественных, гуманитарных, философских и прикладных науках, имеющих дело с целеустремленными субъектами.

Проблематика коммуникаций распределена между конкретными дисциплинами следующим образом:

la — конкретные социально-гуманитарные науки, занятые изучением социальной коммуникации, образуют следующие мидикомплексы:

— социально-культурологический комплекс, в который входят

теория Массовой коммуникации, журналистика, теория рекламы, теория культурно-просветительской работы, культурология и др.;

— лингвосемиотический комплекс, входящий в социально-коммуникационную систему наук потому, что языки и знаки не существуют вне социальной коммуникации и являются ее необходимыми элементами;

— литературоведческий и искусствоведческий комплекс, изучающий один из источников социальной коммуникации — художественную литературу и искусство;

сюда же относится теория эстетической информации;

— комплекс педагогических дисциплин, предметом изучения которого служат обучение и воспитание, представляющие собой одну из форм коммуникационной деятельности; документо-книговедческий комплекс, включающий библиотековедение, библиографоведение, библионолистику (науку о книжной торговле), музееведение, архивоведение и др.

Каждая отдельная дисциплина того или иного комплекса в процессе ее развития, интеграции и дифференциации может преобразоваться в цикл, имеющий сложную внутреннюю структуру (общие, частные, интегральные дисциплины и теории). Например, можно говорить о лингвистических, искусствоведческих, книговедческих, библиотековедческих циклах научных дисциплин.

1б - конкретные биологические науки изучают, в числе прочих объектов живой природы, биологическую коммуникацию, представленную генетической коммуникацией, сенсорной коммуникацией в нервных системах, зоокоммуникацией. Конкретные коммуникационно-биологические учения не имеют столь развитой структуры как социально-коммуникационные науки, они не образуют ни комплексов, ни циклов. Можно назвать современное учение о рефлексах, неврологию, зоосемиотику, теорию функциональных биологических систем.

1в - конкретные технические науки, занятые проблемами пространственной коммуникации и материально-технической основой электронной коммуникации. Электронная коммуникация, как правило, рассматривается через призму информационного подхода, поэтому соответствующие дисциплины объединяются в комплекс информационно-технических наук. Этот комплекс включает: автоматику и телемеханику, вычислительную технику и программирование, технику радиосвязи и телевидения, телефонию, телеграфию, радиолокацию, радионавигацию, теорию передачи данных и др. В последнее время видное место в этом комплексе отводится информатике как теории информатизации (компьютеризации) индустриального общества (см. раздел 3.3).

Ясно, что конкретные биологические и технические науки не могут входить в социально-коммуникационную систему наук, зато стыковые социально-биологические и социально-технические дисциплины стали необходимыми элементами этой системы.

II. 1 - стыковые социально-биологические науки, предмет которых

образуют биологические (естественно-природные) аспекты социальной коммуникации. Эти науки представлены психологическим комплексом, предметом изучения которого являются возникновение, развитие и проявления психики вообще и сознания человека в особенности. Категория "общение", наряду с категориями "деятельность", "сознание", "личность", относится к фундаментальным категориям общей психологии.

Социальная психология в качестве одного из основных объектов своего изучения имеет межличностное общение. Следовательно, социально-коммуникационные процессы занимают важное место в проблематике современной психологической науки, хотя, конечно, не исчерпывают эту проблематику. Стыковой социально-биологической дисциплиной является соционика, изучающая межличностные отношения людей (совместимость, несовместимость, конфликтность и т.п.) на основе их психологической типизации.

II.2 - стыковые социально-технические науки, представленные концепциями информатики, изучающими различные специальные коммуникации в аспекте их компьютеризации (автоматизации). Наиболее развитой является концепция научной информатики, активно формирующаяся в нашей стране с 60-х годов XX века (см. раздел 3.3). Областью практического приложения идей научной информатики является система научно-технической информации.

Информационные науки, развиваемые в США, Германии, Франции, охватывают не только специальные коммуникации, но и некоторые виды массовых коммуникаций (реклама, телевидение), во всех случаях ориентируясь на использование компьютеров и другой информационной техники.

0. — обобщающие теории, имеющие своей задачей выявление общих структур, свойств, закономерностей в различных типах и видах коммуникации. К их числу относятся концепции информации, основоположником которых считается К. Шеннон. В этом ряду находится алгоритмическая теория информации А. Н. Колмогорова. Эти теории обладают очень широким диапазоном применения, оправдывая общенаучную репутацию категории информации.

В современной социальной философии, которая по традиции считается обобщающей наукой высшего ранга в социально-гуманитарном мегакомплексе, различаются два направления (парадигмы) в осмыслении феноменов социальной коммуникации (общения):[155]

а) Информационно-инструментальное направление, исходящее из понимания коммуникации как информационного обмена и стремящееся познать механизм этого обмена с утилитарными целями его совершенствования. Первая коммуникационная модель этого рода была предложена Аристотелем при изучении им риторического искусства. В

[155] Эти направления подробно рассмотрены в книге: Резаев А.В. Парадигмы общения. Взгляд с позиций социальной философии. — СПб.: Изд-во СПбГУ; Иваново: Изд-во "Полиформ", 1993. — 212 с.

модели Аристотеля предусматривались три элемента: оратор, речь и аудитория, что соответствует элементарной схеме коммуникационной деятельности (см. рис. 1.1.). Современные социальные философы привлекают идеи психологии (бихевиоризм), социологии (функционализм, символический интеракционизм, теория ролей, теория обмена, этнометодология), аналитической (лингвистической) философии и семиотики для достижения поставленных целей, зачастую предлагая довольно сложные умственные конструкции.

б) Экзистенциально-феноменологическое направление, где главное внимание уделяется не механизмам и инструментам коммуникации, а смысловым процессам, происходящим в сознании коммуниканта и реципиента. Это направление основывается на классической немецкой философии (И. Кант, И. Г. Фихте, Ф. Шеллинг), добавляя к ней антропологический принцип Л. Фейербаха, где общение выступает в качестве основной причины, детерминирующей возникновение языка и мышления, иррационализм А. Шопенгауэра, но главное — феноменологические идеи Э. Гуссерля и его продолжателя М. Хайдеггера. В рамках экзистенциально-феноменологического направления находятся философия коммуникации Карла Ясперса и теория коммуникативного воздействия Юргена Хабермаса, которые требуют специального рассмотрения.

Философские разработки коммуникационной проблематики затруднительно использовать непосредственно в конкретных или стыковых социально-коммуникационных дисциплинах. Поэтому возникает потребность в промежуточной или частной обобщающей теории, в качестве которой выступает *теория социальной коммуникации.*

На рис. 8.1. схематично представлена система социально-коммуникационных наук, где показаны главные элементы этой системы и взаимосвязи между ними.

8.2. Теория социальной коммуникации как частная обобщающая теория (метатеория)

Как явствует из предыдущих рассуждений, в классификации наук просматривается иерархия, определяемая уровнями обобщения, достигнутыми теми или иными дисциплинами. В. И. Ленин в свое время заметил: "...Мысль человека бесконечно углубляется от явления к сущности, от сущности первого, так сказать, порядка к сущности второго порядка и т. д. без конца"[156]. Явления и сущности "первого порядка" - область действия конкретных научных дисциплин и стыковых ингегральных наук. Для постижения сущностей более высоких порядков необходим выход на уро- вень межнаучного обобщения, который достигается обобщающими теориями. Обобщающие межнаучные учения -

[156] Ленин В.И. Полн. собр.соч. – Т. 29. – с. 227.

одна из форм интеграционных процессов в науке, наряду с такой формой, как стыковые дисциплины. Прогрессивное значение межнаучной интеграции заключается в том, что она сохраняет начала системного единства в мозаике научного знания, которое в противном случае превратилось бы в сумму фрагметарных и противоречивых фактов и концепций.

Рис. 8. 1. Система социально-коммуникационых наук

Межнаучное взаимодействие между обобщающими учениями и обобщаемыми дисциплинами заключается во взаимном обмене добытыми знаниями. Обобщающие учения используют научное содержание конкретных наук (их теоретические, исторические, организационно-методические разделы) в качестве исходною материала для построения обобщающих концепций, а конкретные науки применяют ли концепции для углубления и обогащения своею содержания. Отношение "обобщающее учение конкретиая наука" есть отношение *взаимной зависимости.* Оно предполагает самостоятельное существование и дальнейшее развитие обобщаемых дисциплин (в противном случае обобщать будет нечего) и посредничество обобщающего учения во взаимодействии между конкретными науками. В то же время обобщающее учение связано генетически с обобщаемыми дисциплинами, являясь производным от них, и может возникнуть только после того, как появилась

база для обобщающего мышления. Отсюда — их название "метатеории" (теории, изучающие другие теории).

Функции межнаучных обобщающих учений в системе научного знания заключаются в следующем. Помимо объяснительной, описательной и предсказательной функций, которые выполняются всеми научными теориями, обобщающие учения имеют следующие особые функции:

трансляционная — перенос обобщенного знания из одной конкретной дисциплины в другую с целью углубления конкретных знаний и раскрытия общих фундаментальных принципов и закономерностей изучаемых объектов;

методологическая — ориентация в направлениях дальнейшего научного поиска и разработка информационного, семиотического, системного, деятельностного подходов применительно к данному комплексу наук;

терминологическая — упорядочение и согласование терминологических систем конкретных наук;

практическая — содействие решению комплексных практических проблем, требующих участия специалистов разного профиля, например, компьютеризация библиотечного дела или развитие педагогической информатики;

метатеоретическая — уточнение объекта, предмета, границ и условий применимости конкретных учений;

общенаучная — раскрытие содержания категорий, входящих в теоретический аппарат обобщающего учения,

например, "социальная коммуникация", "общение", "социальная информация", "понимание";

мировоззренческая — содействие формированию профессионального мировоззрения специалистов.

Обобщающие учения отличаются от конкретных наук более абстрактным понятийным аппаратом и являются носителями теоретического по преимуществу знания. Их содержание складывается из обобщения проблематики конкретных дисциплин, а также собственной проблематики, не затрагиваемой последними и связанной с выполнением методологической, метатеоретической и общенаучной функций.

Теория социальной коммуникации рассматривается нами как частная обобщающая теория (метатеория) системы наук о социальной коммуникации. Она обращена, с одной стороны, к обобщаемым конкретным и стыковым дисциплинам, с другой стороны, — к социально-философским, математическим и богословским учениям, так или иначе трактующим проблемы смысла и смысловой коммуникации. По отношению к обобщаемым дисциплинам теория социальной коммуникации выполняет (точнее — должна выполнять!) трансляционные, методологические, метатеоретические, терминологические, практические, мировоззренческие функции. По отношению к обобщающим дисциплинам более высокого уровня она служит источником материала для обобщений, касающихся не только

социальной коммуникации, но и коммуникации в целом.

Приведем один пример реализации межнаучных связей посредством теории социальной коммуникации. Понятие социальной памяти как способа движения смыслов в социальном времени — одна из категорий, разработанных теорией социальной коммуникации, которая не использовалась в таких конкретных дисциплинах, как педагогика и библиотековедение. Обращение к этой категории позволяет увидеть, что учитель является посредником между живой (текущей) социальной памятью и сознанием учеников, а библиотекарь - посредник между документированной (ретроспективной) частью социальной памяти и теми же учениками. Обнаруженная общность и различие предметов труда позволяет кооперировать и координирован” усилия педагогов и библиотечных работников в образовательных процессах. Не менее важно налаживание контактов между журналистами и книговедами, решающими взаимодополняющие задачи в социальной информационно-коммуникационной системе (СИКС).

Потребность в формировании обобщающей теории социально-коммуникационной системы наук ощущалась давно. 15 70-х годах была выдвинута концепция *социальной информатики*[157] как обобщающей теории (метатеории). В качестве предмета социальной информатики в соответствии с ее статусом рассматривались общие закономерности в социальной информации, действительные не только для отдельных видов массовой или специальной информации, но для всех социально-информационных процессов. В качестве методологической базы социальной информатики был принят информационный подход (отсюда название концепции "информатика"). Абсолютизация информационного подхода завуалировала действительный объект изучения социальные коммуникации, который подменили разные информационные феномены, на самом деле реальными феноменами не являющиеся (см. раздел 3.4). Некорректное использование информационного подхода ограничивало возможности социальной информатики. Эти ограничения сняты в теории социальной коммуникации, излагаемой в нашем курсе. По отношению к последней социальная информатика представляет собой *один из разделов,* посвященных использованию информационного подхода для изучения коммуникационных объектов[158]. В настоящем пособии содержание социальной информатики представлено в главе 3 и разделе 6. 5.

Выводы

1. В структуре современного научного знания сложилась система социально-коммуникационных наук, включающая конкретные стыковые и обобщающие научные дисциплины.

---

[157] По поводу концепции социальной информатики // Сов. библиография. 1976. - N 1. - С. 36-40.

[158] Следует обратить внимание на то, что в начале 90-х гг. появилась еще одна концепция социальной информатики, выдвинутая А.Д. Урсуляком. Ее предмет – изучение социальных последствий информатизации общества, и по статусу своему она относится к стыковым дисциплинам II.2 (см. рис. 8.1).

2. Теория социальной коммуникации является обобщающей теорией (метатеорией) системы социально-коммуникационных наук.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В педагогике различают образование и профессионализацию (профессиональную подготовку). Образование ориентировано на социализацию (воспитание) и свободное развитие личности с учетом врожденных склонностей, способностей, талантов. Идеалом здесь является гармонично развитая личность, обладающая знаниями, умениями и навыками, нужными для самореализации в условиях данного общества. Профессионализация ставит целью выполнение социального или государственного заказа на подготовку специалистов различной квалификации, требующихся обществу или государству. Здесь идеалом представляется специалист, владеющий знаниями, умениями и навыками, требующимися для выполнения заданных производственных, социально-культурных и прочих функций. В реальной педагогической практике образование и профессионализация учащихся неразрывно связаны друг с другом, тем не менее различаются три модели высшей школы, в которых приоритет отдается разным целям. Эти модели называются одноуровневой, ступенчатой, многоуровневой.

Одноуровневая система высшего образования подчинена задаче трансформации выпускника общеобразовательной средней школы в специалиста с высшим профессиональным образованием, квалификационные требования которому заданы заранее и не могут быть изменены в процессе обучения. Образовательная функция играет вспомогательную роль по отношению к профессиональной подготовке. Срок обучения устанавливается, в зависимости от специальности, от 4 до 6 лет, и выход из системы на промежуточных этапах (до полного ее завершения) даже с дипломом специалиста более низкой квалификации невозможен.

Ступенчатая система предполагает профессиональную ориентацию учеников на ступени среднего образования с последующим углублением и расширением профессиональной подготовки. Типичными ступенями служат ПТУ — техникум — вуз. Срок обучения при последовательном прохождении всех ступеней от 7 до 11 лет. На выходе каждой ступени задаются квалификационные требования, достижение которых удовлетворяется соответствующим дипломом (квалифицированный рабочий, техник, инженер). Возможен выход из системы после каждой из ступеней. Образовательная составляющая ступенчатой системы суживается еще более по сравнению с одноуровневой, а иногда вообще сводится на нет.

В Советском Союзе практиковались одноуровневая и ступенчатая системы образования, которые хорошо приспособлены к централизованному управлению, руководствующемуся государственным заказом на специалистов определенного профиля. Командно-административное регламентирование всех сторон общественной жизни не способствовало спросу на всесторонне развитые личности, стремящиеся к самореализации. Поэтому многоуровневая модель высшего образования, принятая в передовых странах и одобренная ЮНЕСКО, не находила применения у нас. Теперь социально-политическая и экономическая ситуация в России изменилась, и

Правительство Российской Федерации выбрало в качестве ориентира многоуровневую систему. 12 августа 1994 г. было принято постановление Правительства "Об утверждении государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования", в котором обозначены основные нормативы многоуровневой высшей школы, включающей следующие три уровня:

П е р в ы й у р о в е н ь (общее высшее образование) является неполным высшим образованием, которое осуществляется вузом по основной профессиональной образовательной программе в объеме не менее первых двух лег обучения. Завершив первый уровень, студент может получить диплом о неполном высшем образовании.

В т о р о й у р о в е н ь (базовое высшее образование) осуществляется по основной профессиональной образовательной программе, обеспечивающей подготовку специалиста с квалификацией *"бакалавр"*.

Основная профессиональная образовательная программа включает гуманитарные, социально-экономические, естественнонаучные дисциплины общенаучного характера, а также общепрофессиональные дисциплины, специальные дисциплины и практику, имеющие профессиональное назначение. Нормативный срок обучения на втором уровне не менее двух лет, после чего производится итоговая аттестация с присвоением выпускнику квалификации "бакалавр", удостоверенной дипломом.

'Г р е т и й у р о в е н ь (полное высшее образование) реализуется высшим учебным заведением но программе двух типов: подготовка выпускников с квалификацией "магистр" или подготовка специалистов с традиционно указываемой квалификацией - "инженер", "учитель", "библиотекарь-библиограф" и т.п. (обобщенное наименование квалификации - "специалист"). Продолжительность обучения па третьем, завершающем уровне установлена, как и на двух предыдущих, в два года, после чего производится итоговая аттестация, включающая выпускную работу (дипломный проект). Аттестованные выпускники получают диплом магистра или диплом специалиста соответствующей квалификации. В общей сложности для получения полного высшего образования требуется 6 лет.

В отличие от одноуровневой и ступенчатой модели, многоуровневая модель ориентирована не на усвоение заданного учебною плана, а на предоставление личности о б р а з о в а т е л ь н ы х у с л у г, позволяющих учащемуся уже в процессе обучения самостоятельно выбирать индивидуальную траекторию получения образования и на его базе - соответствующий уровень профессиональной подготовки. Образовательная функция, особенно на первых уровнях системы, играет г л а в е н с т в у ю щ у ю, иногда самодостаточную роль по отношению к профессиональной подготовке. Возможен выход из системы на различных этапах с образовательными дипломами разных уровней. Преимущества многоуровневой модели заключаются, во-первых, в том, что учащийся может свободно выбрать содержание образования и имеет право ею изменения в процессе обучения; во-вторых, государство получает возможность к случае необходимости в короткие сроки (1-2 года) осуществить профессиональную

подготовку специалистов по новым направлениям науки и производства, опираясь па широкую образовательную базу; в-третьих, вуз получает право самостоятельно конструировать содержание и технологию обучения в достаточно просторных рамках государственных стандартов. Вместе с тем многоуровневая модель является наиболее сложной и дорогостоящей в реализации.

Какое место в многоуровневой образовательной модели может занять курс социальной коммуникации? Поскольку теория социальной коммуникации относится к числу обобщающих теорий, выполняющих профессионально-мировоззренческие функции, соответствующий курс не может относиться к числу специальных учебных дисциплин, передающих учащимся прикладные знания, умения, навыки. Нельзя его включить в состав общенаучного учебного цикла, где представлены фундаментальные общественные, гуманитарные, естественные, философские дисциплины. Место курса "социальные коммуникации" среди о б щ е п р о ф е с с и о н а л ь н ы х дисциплин, являющихся промежуточным звеном между общенаучными и специальными курсами. Общепрофессиональная подготовка осуществляется не в конце, а в начале обучения, поэтому курс "социальные коммуникации" должен входить в профессионально-образовательную программу бакалавриата, охватывающую первые четыре года обучения.

Бакалавр — академическая (образовательная) степень, свидетельствующая о получении базового (второго) уровня высшего образования. Различаются бакалавры образования и бакалавры науки. Бакалавр образования ориентирован на профессиональную занятость в системе "человек-человек", т. е. в социально-коммуникационной сфере. Бакалавр науки готовится для деятельности в области получения нового общественного знания, а не его обобществления, обработки, хранения и распространения. Таким образом, курс "Социальные коммуникации" представляет собой *общепрофессиональный курс в программе подготовки бакалавров образования* — специалистов, занятых в социально-коммуникационных службах — школах, библиотеках, музеях, издательствах, редакциях газет, радио, телевидения, клубных учреждениях, театрах и др. Каково содержание (программа) этого курса?

Полный курс состоит из пяти частей. В разных учебных заведениях, в зависимости от конкретных задач и условий, курс может быть прочитан частично или в сокращенном виде. Содержание первой части — "Введение в теорию социальной коммуникации" ясно из настоящего пособия. Во "Введении..." даны главные понятия, типизации, классификации, схемы, которые будут использоваться во всех остальных частях курса. Большое внимание обращено на общенаучные проблемы информации, смысла, знака, символа, системный и деятельностный методологический подходы. "Это необходимо для обеспечения содержательных взаимосвязей с общенаучными дисциплинами, более глубокого их понимания и использования при формировании профессионального мировоззрения.

Вторая часть "Эволюция социальных коммуникаций" состоит из следующих разделов:

1. Антропогенез и социальная коммуникация (антропологический подход к социальной коммуникаций): зоокоммуникация обезьянолюдей (прегоминид), общение археоантропов, общение палеоантропов.

2. Социогенез и социальная коммуникация (археологический подход к социальной коммуникации): верхний палеолит, мезолит, неолит.

3. Социально-философские и этнологические обобщения: классические социально-философские концепции социогенеза о социальных коммуникациях; социальные коммуникации в моделях этногенеза: пассионарная модель, коммуникационная модель; социальная коммуникация как фактор социогенеза.

4. Развитие коммуникационных каналов: происхождение и развитие естественного языка (гипотезы глоттогенеза, генеалогии языков); происхождение документальных коммуникаций; развитие устной коммуникации.

5. Цивилизация и коммуникация (историософический подход к социальной коммуникации): методологическое введение: что такое цивилизации? межпивилизапионные коммуникации (синхроническая и диахроническая коммуникация); уровни коммуникационной культуры: письменность, книжность, экранность; классификация общественных коммуникационных систем; рукописная, мануфактурная, индустриальная, электронная коммуникационные системы (обзор отличительных особенностей); эволюционное древо социальных коммуникаций с палеолита до 2000 г.

Третья часть "Межличностная коммуникация" посвящена психологическим проблемам непосредственного общения между людьми. Она включает следующие тематические разделы:

1. Структура личности и личностные смыслы: краткий обзор концепций личностных структур; мотивирующие смыслы и ценностные ориентации; смыслы жизни личности; самореализация и поиск смысла жизни; экзистенцнальный вакуум.

2. Коммуникационные потребности личности: потребностная функциональная система; типы потребностей: абсолютные, вторичные (инструментальные), спонтанные; мотивы и цели; структура потребностно-мотивационной сферы; духовные потребности и духовная деятельность личности; коммуникационные потребности коммуниканта и реципиента.

3. Информационный подход к коммуникационным потребностям: информационная потребность как обобщающее понятие; информационные интересы и информационные установки; потребность в чтении как культурная и информационная потребность; профессиональные информационные потребности специалистов умественного труда (интеллектуалов); состав и мотивация профессиональной информационной потребности; свойств профессиональных информационных потребностей; методы выявления профессиональных информационных потребностей.

4. Игровая межличностная коммуникация: маииуляционная психотехника Д. Карнеги; Анти-Карнеги - позиция гуманистической

психологии; коммуникационная деятельность манипуляторов и актуализаторов.

5. Соционика: понятие о соционике; предпосылки соционики, психологическая типизация К. Юта; соционические типы и знаковые модели социотипов; интертипные отношения и их исполызование в личной жизни и в малых социальных групнах.

6. Ритуалыю-этикетная псевдоигровая коммуникация: первобытные ритуалы как дописьмеиные тексты; понятие о ритуале и этикете; этика и этикет; выразительные ресурсы и функции этикета.

Четвертая часть курса "Социальные коммуникации" посвящается анализу макрокоммуникаций, где в качестве коммуникантов и реципиентов выступают не отдельные личности, а большие социальные группы, государственная власть, массовые аудитории. Эта часть называется "Социальные макрокоммуникации" и имеет следующую тематическую структуру:

1. Коммуникационные потребности общества: типы потребностей, абсолютные, вторичные и спонтанные коммуникационные потребности; сопоставление их с типами личностных коммуникационных потребностей.

2. Духовная жизнь общества и коммуникационная деятельность людей: менталитет общества как единство сознательного и бессознательного начал; сектора духовной жизни и их коммуникационные взаимосвязи; место со-циально-коммуникационных институтов.

3. Социальные субъекты коммуникации: социологическая классификация социальных коммуникантов и реципиентов; духовность как социально-коммуникационная характеристика; тины личностей но уровню духовною развития: человек биологический, человек массовой культуры, духовно деформированный специалист, аристократ духа; две культуры: рационально-техническая и иррационально-гуманитарная, их влияние на коммуникационную деятельность своих субъектов.

4. Массовая аудитория как субъект и объект коммуникации; понятие о массовой коммуникации и массовом менталитете; неформальная массовая коммуникация.

5. Интеллигенция как социальный коммуникант: что такое "интеллигенция"? социологическая и этическая трактовки; классификация интеллигенции; периодизация истории русской интеллигенции; значение интеллигенции в духовной жизни общества.

6. Этика социальной коммуникации: этические проблемы социальной коммуникации (правда, ложь, полуправда); секретность и гласность в государстве; идеал ненасильственной коммуникационной деятельности.

7. Социальные коммуникационные институты, их функции и механизм действия: нормативные (семья, мораль, экономика) и учрежденческие социальные институты; сущность и прикладные функции социально-коммуникационных служб; механизм действия: социальный спрос и попечительский заказ.

8. Государство и социальные коммуникации: коммуникационные права и свободы; цензура, общее понятие, виды цензуры; история

существования цензуры в царской России.

9. Тоталитаризм и социальные коммуникации: социальная коммуникация — орудие тоталитаризма; ленинский принцип партийности; либерально-демократическая и тоталитарная модели общественных коммуникационных систем; тотальная цензура социальных коммуникаций;

социально-коммуникационные институты в железных объятиях тоталитаризма; социальная коммуникация — могильщик тоталитаризма.

Пятая, завершающая часть курса именуется "Социальная память". Память остается таинственным социально-коммуникационным явлением, хотя общепризнано ее кардинальное значение для сохранения единства общества. Отталкиваясь от философских и психологических трактовок памяти, мы пытаемся собрать и представить в целостном виде разнообразную тематику социальной памяти. Непосредственное отношение к социально-мнемической тематике имеет теория информационно-поисковых систем (ИПС) и вся проблематика организации общественного знания, вытекающая из теории и мировой практики разработки традиционных и автоматизированных ИПС.

Материал этой части курса делится на следующие 7 тематических блоков:

1. Философские и психологические проблемы памяти: психологическое, социальное, историческое время; виды памяти; индивидуальная память как движение смыслов в психологическом времени; субстанция и структура индивидуальной памяти; социальная память как движение смыслов в социальном времени; структура социальной памяти.

2. Живая текущая социальная память: этнопсихологические основания социальной памяти; естественный язык как носитель социальной памяти; традиции и социальная память; социально-мнемическая функция мифа и фольклора.

3. Документальная память в письменных и книжных культурах: социально-мнемические функции архивов, библиотек, музеев; библиография как регистрационно-поисковая инфраструктура документальных коммуникаций.

4. Автоматизированные информационно-поисковые системы: общие понятия, документальный и фактографический поиск; этапы развития теории и практики ИПС.

5. Семантические средства информационно-поисковых систем: назначение информационно-поискового языка (ИПЯ) и требования к нему; структурные составляющие ИПЯ; классификация информационно-поисковых языков; режимы индексирования; режимы поиска; информационно-поисковые тезаурусы; грамматические средства ИПЯ; семантические коды.

6. Организация общественного знания в условиях электронной коммуникации: технические проблемы; организационно-технологические проблемы.

7. Прогностические предположения о социально-коммуникационных системах информационного общества: сопоставительный обзор и критическая оценка.

Общепрофессиональный курс "Социальная коммуникация" базируется на философском понимании социальной коммуникации как движении смыслов к социальном времени и пространстве. Отсюда - масштабность его проблематики, тематическое разнообразие его содержания. Полномасштабность и разнообразие не случайны, они продиктованы стремлением конкретизировать проявления коммуникационных процессов к личной и социальной жизни, логикой изложения материала: от абстрактных понятий и схем, данных в теоретическом введении к психологической, социологической и культурологической их интерпретации. Сохраняя обобщающий и профессионально-мировоззренческий статус курса, мы не вторгались в проблематику специальных дисциплин, входящих к систему социально-коммуникационных наук. Наша задача состоит в том, чтобы дать панорамную картину лих наук в их интегральном единстве. Поскольку эта задача решается впервые, и аналогичные прецеденты не известны в отечественной и мировой учебной практике, курс в целом следует рассматривать как экспериментальный, нуждающийся к проверке, корректировке и дальнейшем развитии.

СПИСОК РЕКОМЕНДУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Разделы 1 и 2

Богомолова II. II. Массовая коммуникация и общение. М. : Знание, 1988. - 78 с.

Бодалев Л. Л. Восприятие и понимание человека человеком. - М.: Просвещение, 1982. - 282 с.

Борев В. Ю., Коваленко А. В. Культура и массовая коммуникация. - М.: Наука, 1986. - 303 с.

Войскунский А. Я говорю, мы говорим... Очерки о человеческом общении. - М.: Знание, 1990. - 239 с.

Горелов И. П., Енгалычев В. Ф. Безмолвной мысли знак. - М.: Мол. Гвардия, 1991. - 240 с.

Диалектика общения. Гносеологические и мировоззренческие проблемы /Отв. ред. Г. С. Батищев и Б. И. Пружииин. М.: Наука, 1987. - 125 с.

Жегин Л. Ф. Язык живописного произведения. - М.: Искусство**,** 1970. - 123 с.

Жинкин Н. И. Речь как проводник информации. - М.: Наука, 1982. - 157с.

Каган М. С. Мир общения. - М. : Политиздат, 1988. -321 с.

Колеватов В. Л. Социальная намять и познание. - М.: Мысль, 1984. - 190с.

Колщанский Г. 15. Коммуникативная функция и струк-іура языка. - М. : Наука, 19Х5. - 175 с.

Колщанский Г. В. Паралингвистика. - М.: Паука, 1974.-XI с.

Ломов Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. - М. , 19Х4. - С. 242 - 271.

Моль Л. Социодинамика культуры: Пер. с фр. - М.: Прогресс, 1973. - 406 с.

Мейжис И. Л. Невербальное общение // Науч. и техн. б-ки. 1993. N 12. С. 31 -43.

Основы теории речевой деятельности / Отв. ред. А. А. Леонтьев. М. : Наука, 1974. - 368 с.

Пиз А. Язык жестов: Что могут рассказать о характере и мыслях человека его жесты. - Воронеж : НПО "Модэк",1992.-218с.

Прилюк Ю. Д. Проблема общения в историческом материализме. - Киев : Наук. думка, 1985. - 192 с.

Средства массовой коммуникации и современная художественная

культура. - М. : Искусство, 1983. - 311 с.

Семенов В. Е. Искусство как межличностная коммуникация. - СПб. : Изд-во СПб ун-та, 1995. - 200 с.

Штангль А. Язык тела. Познание людей в профессиональной и обыденной жизни. - М. : Прогресс, 1986. - 206 с.

Щекин Г. В. Как читать людей по их внешнему облику. - Киев : Украина, 1992. - 237 с.

Раздел 3

Абдаев Р. Ф. Философия информационной цивилизации. - М. : ВЛАДОС, 1994. - 336 с.

Афанасьев В. Г. Социальная информация. - М. : Наука, 1994. - 200 с.

Блюменау Д. И. Информация и информационный сервис. - Л.: Наука, 1989. -190 с.

Блюменау Д. И. Проблемы свертывания научной информации. -Л.: Наука, 1982. - 166 с.

Ващекин Н. П. Научно-информационная деятельность: Философско-методологическая проблематика. - М.: Мысль, 1984. - 204 с.

Воробьев Г. Г. Молодежь в информационном обществе. - М.: Мол. гвардия, 1990. - 255 с.

Глушков В. М. Кибернетика. Вопросы теории и практики. - М.: Наука, 1986. - 477 с.

Кибернетика: Становление информатики. - М.: Наука, 1986. -190 с.

Коган В. З. Человек в потоке информации. - Новосибирск: Наука, 1981.- 177 с.

Коган В. З. Маршрут в страну информологию. - М.: Наука, 1985. 161 с.

Михайлов А. И., Черный А. И., Гиляровский Р. С. Научные коммуникации и информатика. - М. : Наука, 1976.- 435 с.

Михайловский В. Н. Формирование научной картины мира и информатизация. - СПб. : Наука, 1994. - 145 с.

Ракитов А. И. Философия компьютерной революции. -М. : Политика, 1991. - 287 с.

Семенюк Э. П. Информатика: достижения, перспективы, возможности. - М.: Наука, 1988. - 173 с.

Семенюк Э. П. Информационный подход к познанию действительности. - Киев.: Наук. думка, 1988. - 240 с.

Урсул А. Д. Проблема информации в современной науке. - М.: Наука, 1974. - 287 с.

Раздел 4

Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. -Пер. с фр. - М. : Прогресс, Универс, 1994. - 616 с.

Белый А. Символизм как миропонимание. - М. : Республика, 1994. - 528 с.

Голан А. Миф и символ. - М. : Русслит, 1993. - 375 с.

Иванов В. В. Очерки по истории семиотики в СССР. -М. : Наука, 1976. - 303 с.

Кузнецов С. Н. Теоретические основы интерлингвистики. - М. : Изд-во Ун-та дружбы народов, 1987. - 207 с.

Лосев А. Ф. Проблема смысла и реалистическое искусство. - М. : Искусство, 1995. - 320 с.

Лотмап Ю. М. и Тарусско-московская семиотическая школа. - М. : Гнозис, 1994. - 560 с.

Петров М. К. Язык, знак, культура. - М. : Наука, 1991.-328 с.

Пропп В. Я. Морфология сказки. - Изд. 2-е. - М.: Наука, 1969. – 168 с.

Семиотика: Сб. статей/ Сост. Ю.С. Степанов. - М.: Радуга**,** 1983.-636 с.

Соссюр Ф. Труды но языкознанию. - М. : Прогресс, 1977. -696 с.

Степанов Ю.С. В трехмерном пространстве языка: Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. - М. : Наука, 1985. - 335 с.

Успенский Б.А.. Избранные труды. Семиотика истории. Семиотика культуры. - М. : Гнозис, 1994. - Т. 1. -432 с.

Шрейдер Ю. А. Логика знаковых систем. - М. : Знание, 1974. -64с.

Раздел 5

Герменевтика: история и современность. Критические очерки. - М. : Мысль, 19X5. - 303 с.

Куфаев М.П. Библиофилия и библиомания (психофизиология библиофильства): Репродуц. изд. - М. : Книга, 1980. – 120 с.

Поварнин С. И. Как читать книги. - М. : Книга, 1978. -53 с.

Рикер Н. Конфликт интерпретаций: Очерки о гсрменевтике. - М. : Медиум, 1995. - 414 с.

Раздел 6

Аверьянов А.Н. Система: философская категория и реальность. - М. : Мысль, 1976. - 188 с.

Афанасьев В.Г. Системность и общество. - М. : Политиздат, 1980. - 368 с.

Блауберг И.В., Юдин Э.Г. Становление и сущность системного подхода. - М. : Наука, 1973. - 270 с.

Дружинин В.В., Копторов Д. С. Проблемы системологии (проблемы теории сложных систем) . - М. : Сов. радио, 1976. -296 с.

Каныгин Ю.М. Основы кониггивного обществознания (Информационная теория социальных систем). - Киев.: Укр. акад. инф-ки, 1993. -236 с.

Каныгин Ю. М., Яковенко Ю. И. Введение и социальную конигтологию. - Киев: Наук. думка, 1992. - 108 с.

Кузьмин В.П. Принцип системности в теории и методологии К. Маркса. - 2-е изд. - М. : Политиздат, 1980. -312 с.

Ракитов Л.И. Историческое познание: Системно-гносеологический подход. - М. : Политиздат, 1982. - 303 с.

Соколов А.В. Информационный подход к документальной коммуникации. -Л. : ЛГИК, 1988. - 85 с.

Системность и эволюция: Сб. ст. - М. : Наука, 1984.-93 с.

Шрейдер Ю.А.., Шаров А.А. Системы и модели. -М. : Радио и связь, 1982. - 152 с.

Юдин Э.Г. Системный подход и принципы деятельности: Методологические проблемы современной науки. -М. : Наука, 1978.-391 с.

Раздел 7

Берн Э. Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры. - Л. : Лениздат, 1992. - 400 с.

Буева Л. П. Человек: деятельность и общение. - М.: Наука**,** 1978. 286 с.

Вайнштейн О. Б. Философские игры постмодернизма // Апокриф. Культурологический журнал. 1994. N 2. С. 12 - 30.

Каган М. С. Человеческая деятельность. (Опыт системного анализа). - М. : Политиздат, 1974. - 328 с.

Кривко-Апинян Т. А. Мир игры. - Б. м. Эйдос, 1992. -160 с.

Деятельность: теория, методология, проблемы / Сост. И. Т. Касавин. - М. : Политиздат, 1990. - 365 с.

Совместная деятельность: методология, теория, практика. - М. : Наука, 1988. - 229 с.

Хейзинга И. Человек играющий. - М. : Прогресс, 1992. - 464 с.

Раздел 8

Готт В. С., Семенюк Э. П., Урсул А. Д. Категории современной науки. - М. : Мысль, 1984. - 268 с.

Резаев А. В. Парадигмы общения: Взгляд с позиций социальной философии. - СПб. : Изд-во СПб ун-та, 1993. -212 с.

Соколов А. В. Система информационно-коммуникационных наук // Научно-технич. информация. Сер. 2. 1985. N 4. С. 1-9.

Чепиков М. Г. Интеграция науки. - М. : Мысль, 1981.-276 с.

Черняк В. С. История. Логика. Наука. - М. : Наука, 1986.-372 с.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 5

1. КОММУНИКАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И КОММУНИКАЦИОННЫЕ ЯВЛЕНИЯ 13

1.1. Понятие о социальной коммуникации 14
1.2. Коммуникационная деятельность 18
1.3. Виды коммуникационных явлений 22
1.4. Культура и социальная коммуникация 30

2. КОММУНИКАЦИОННЫЕ КАНАЛЫ 35

2.1. Разновидности коммуникационных каналов 35
2.2. Устная коммуникация 39
2.2.1. Функции естественного языка и речи 39
2.2.2. Вербальный и невербальный каналы 44
2.2.3. Коммуникационные отношения 48
2.3. Документальная коммуникация 53
2.4. Электронная коммуникация 56

3. ИНФОРМАЦИОННЫЙ ПОДХОД К СОЦИАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ 59

3.1. Концепции информации в современной науке 60
3.2. Единство информационного подхода к информации 69
3.3. Информатика как информационная инфраструктура и научная дисциплина 73
3.4. Информация как информационный подход к отражению и организации 79
3.5. Типы информации Социальная информация и ее виды 82
3.6. Информационная деятельность и информационное обслуживание 94

4. СЕМИОТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К СОЦИАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ 101

4.1. Понятие о семиотическом подходе и семиотике 101
4.2. Символизм — предшественник семиотики 103
4.3. Структурная лингвистика 108
4.4. Семиотический континуум 111
4.5. Классификация знаков 114
4.6. Семантический треугольник 115
4.7. Семантика, синтактика, прагматика 122
4.8. Искусственные языки 124

5. СМЫСЛ И ПОНИМАНИЕ 130

5.1. Что такое "смысл"? 130
5.2. Классификация культурологических 134
смыслов 134
5.3. Познавательное и коммуникационное 137
понимание 137

6. СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД К СОЦИАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ 147

6.1. Исходные понятия 147
6.2. Виды систем 149
6.3. Знаковые смысловые системы 154
6.4. Общественное знание как мозаика конкурирующих и кооперирующих ментальных смысловых систем 157
6.5. Социальная информационно- 161
коммуникационная система (СИКС) 161

7. ДЕЯТЕЛЬНОСТНЫЙ ПОДХОД К СОЦИАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ 167

7.1. Коммуникационная деятельность как разновидность человеческой деятельности 167
7.2. Понятие о роли игры в социально-культурной деятельности 170
7.3. Дефиниция игры и типизация игр....174
7.4. Игра и коммуникационная деятельность....177
7.5. Интеллектуальные игры постмодернизма....181

8. СИСТЕМА СОЦИАЛЬНО-КОММУНИКАЦИОННЫХ НАУК....185

8.1. Состав и структура системы социально-коммуникационных наук....185
8.2. Теория социальной коммуникации....188
как частная обобщающая теория (метатеория)....188

ЗАКЛЮЧЕНИЕ....193

СПИСОК РЕКОМЕНДУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ....200

Учебное издание

Соколов Аркадий Васильевич

ВВЕДЕНИЕ В ТЕОРИЮ СОЦИАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Учебное пособие

Редактор *М. А Баскаков*
Художественное оформление *В. Е. Черкасов*
Технический редактор *С. В. Бегачева*
Корректор *А А. Чутчикова*

Подписано в печать с оригинал-макета
Гарнитура Time Roman. Усл. печ. л. 20,0
Заказ N 58. Тираж 3000 экз.

Редакционно-издательский центр
Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов,
192238, Санкт-Петербург, ул. Фучика, 15